

Второй международный симпозиум
памяти В.В.Иофе

Мир после Гулага: реабилитация и культура памяти

Сборник докладов

Сыктывкар
10—11 сентября
2003

Научно-информационный
центр «Мемориал»

Сыктывкарская
общественная организация
«Мемориал»

Фонд «Покаяние»
(Сыктывкар)

Коми Республиканская
Академия государственной
службы и управления

Фонд Конрада Аденауэра
(Германия)

Национальный музей
Республики Коми

Второй международный симпозиум
памяти В.В.Иофе

Мир после Гулага: реабилитация и культура памяти

Сыктывкар
10—11 сентября

Сборник докладов

БИБЛИОТЕКА
«Мемориал» (СПб.)

№

11 194

Санкт-Петербург
2004

Научный редактор
Ирина Флиге

Международный симпозиум «Мир после Гулага»
проводится при поддержке Фонда им. Конрада Аденауэра

Konrad
-Adenauer-
Stiftung

«Мир после Гулага»: реабилитация и культура памяти

Второй международный симпозиум памяти В.В.Иофе.

Сыктывкар, 10–11 сентября 2003. Сборник докладов.

СПб.: НИЦ «Мемориал»; «НОРД-ВЕСТ». — 2004. 134 с.

В сборнике представлены материалы 2-го ежегодного международного симпозиума памяти Вениамина Иофе (1938–2002), тема состоявшегося в Сыктывкаре в сентябре 2003 года симпозиума «Мир после Гулага: реабилитация и культура памяти». Исследователи из разных стран (Германия, Польша) и различных регионов России (Коми Республика, Пермская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Москва) представили доклады о проблемах реабилитационных процессов в России и странах Восточной Европы, а также о создании музейных экспозиций по истории политических репрессий. Сборник предназначен как для специалистов — историков и политологов XX века, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей политических репрессий в России и проблемами преодоления наследия Гулага.

Издательство
«НОРД-ВЕСТ»

© НИЦ «Мемориал» (СПб), 2004

Евгения Зеленская

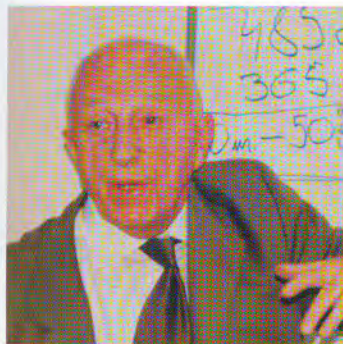
Михаил Рогачев

Хероним Граля

Андреа Земсков-Цюге

Роман Бар

Сергей Кропачев

Госпожа Бауман

Подготовка к открытию выставки «Воркута-Ленинград»
в Национальном музее Коми.

Участники симпозиума

Александр Даниэль, Ирина Флиге

Ирина Моисеева

Дискуссия

Предисловие

Ежегодный международный симпозиум памяти Вениамина Иофе учрежден в мае 2002 года по инициативе Сыктывкарского «Мемориала», Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал», Коми республиканского фонда «Помощие» и Национального Музея Республики Коми.

Вениамин Викторович Иофе родился 29 июня 1938 года в Уфе. В 1955 году окончил среднюю школу в Ленинграде, в 1962 – Ленинградский химико-технологический институт (инженер-технолог, химик). Аспирант ВНИИСК (Институт синтетического каучука). В 1960-е годы сотрудник нелегального общественно-политического журнала «Колокол», автор статей о перспективах политической и производственной демократии в СССР. Был арестован 12 июня 1965 года по делу журнала «Колокол», приговорен 26 ноября 1965 года Ленгорсудом по статьям 70 ч.1 и 72 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация в составе группы) к 3 годам лагеря строгого режима. Срок отбывал в Мордовских лагерях (Дубровлаг).

После освобождения жил в Ленинграде, работал инженером, старшим технологом линолеумного цеха завода «Полимерстройматериалы» (1969–1976), затем инженером-наладчиком очистных сооружений Ленинградского управления пусконаладочных работ треста Ленсельхозмонтаж (1976–1982); после увольнения, связанного с «профилированием» органами КГБ, – инженер-наладчик специализированного управления наладочных работ треста Ленингстрой (1982–1990).

В 1970–1980-е годы занимался историей политической оппозиции в СССР; картотека политзаключенных и материалы по истории сопротивления, собранные в эти годы, легли в основу архива НИЦ «Мемориал». С 1976 постоянный автор исторических сборников «Память» (Москва-Париж, 1976–1982) – автор публикаций по истории политического подполья в СССР под псевдонимами С.Песков и С.Д.Рожественский.

Был в центре независимой общественной и политической жизни города, оказывал консультационную и правовую помощь: вырабатывал стратегию поведения на допросах, обысках, при угрозах со стороны КГБ. Участвовал в издании реферативного журнала самиздата «Сумма» (1979–1982). В 1982 году официально предупрежден органами КГБ в связи с участием в работе Российского Общественного Фонда (Фонд помощи семьям политзаключенных), уволен с работы.

В 1987 году выступил как один из организаторов Санкт-Петербургского общества «Мемориал», которое явилось центром консолида-

ции противников коммунистической диктатуры, сопредседатель Санкт-Петербургского общества «Мемориал» и член правления Российского и международного общества «Мемориал».

В 1992 году создал Научно-информационный центр «Мемориал» (архив, библиотека, издательство), директор НИЦ «Мемориал» и главный редактор Издательства НИЦ «Мемориал», научный руководитель серии «Исторические сборники» и альманаха «Вестник «Мемориала»». В 2000 создал Просветительный центр (выставочный зал, музей, дискуссионный клуб, киноцентр), с 2002 года Просветительный центр (ул. Рубинштейна, 23) носит его имя. Автор свыше 100 статей по истории XX века, ГУЛАГа, общественных и политических объединений в СССР. Его размышления о судьбе нашей страны и путях ее развития нашли свое место в книге «Границы смысла» (СПб, 2002).

ВЫСТАВКА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ В СЫКТЫВКАРЕ

В мае 2002 года в Сыктывкаре прошел первый международный симпозиум «Мир после Гулага». За месяц до этого в Национальном музее Республики Коми была открыта выставка «В мире двух диктатур Россия и Германия в XX веке», подготовленная НИЦ «Мемориал» (СПб). Открывал выставку автор концепции и один из ее организаторов, известный правозащитник и историк, один из основателей Санкт-Петербургского «Мемориала» и НИЦ «Мемориал» В.В.Иофе. А через несколько дней после возвращения из Сыктывкара его не стало. Организаторы симпозиума единодушно решили посвятить его светлой памяти Вениамина Викторовича Иофе.

Первый опыт «совмещенной» выставки и симпозиума оказался довольно удачным, и было решено его продолжить. И вот 10–11 сентября 2003 года в Сыктывкаре прошел II Международный симпозиум памяти В.В.Иофе «Мир после ГУЛАГа: реабилитация и культура памяти». Организаторы симпозиума те же – НИЦ «Мемориал» (СПб), Коми республиканская академия государственной службы и управления (КРАГСиУ), Коми республиканский благотворительный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», сыктывкарский «Мемориал» и Национальный музей Республики Коми. В выставочном зале музея была развернута новая выставка «Воркута-Ленинград: история сопротивления в зеркале Коми в 1950-х – 1980-х годах», подготовленная НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) и Национальным музеем РК. Симпозиум и выставка финансировались Фондом Конрада Аденауэра (Германия).

В Сыктывкар приехали член правления международного общества «Мемориал» А.Даниэль, директор петербургского НИЦ «Мемориал» И.Флиге и сотрудница этого центра Т.Косинова, председатель краснодарского «Мемориала» С.Кропачев, научный сотрудник пермского Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36»

Шенкшин. Польшу представляли консул Генерального консульства Республики Польша в Петербурге д-р Хероним Граля, заместитель председателя Совета Охраны Памяти Борьбы и Мученичества Станислав Микке, председатель Общества Боровичан Союза Сибиряков, бывший заключенный советских лагерей Роман Бар, Германию – представитель Фонда К.Аденауэра в Санкт-Петербурге Габриэла Бауманн, представитель фонда Доминик Майер и сотрудник Центра Устной Истории Европейского Университета Андреа Земсков-Цюге.

«Принимающая сторона» тоже была представлена достаточно основательно: среди тех, кто выступил с докладами и сообщениями, – представители сыктывкарского «Мемориала» и Фонда «Покаяние» (М.Рогачев, И.Сажин), Прокуратуры РК (Л.Кузнецова), преподаватели и студенты КРАГСиУ (Н.Морозов и М.Козинец) и СыктГУ (Л.Максимова, В.Вычужанина и А.Беловол), сотрудники Национального музея РК (И.Котылева, И.Моисеева, Л.Ильчукова, Е.Морозова), заведующая музеем Ухтинского государственного технического университета, председатель правления Ухто-Печорского «Мемориала» Е.Зеленская, заместитель директора Интинского краеведческого музея, председатель интинского отделения Ухто-Печорского «Мемориала» Н.Адуева, директор Печорского музея «Покаяние», председатель печорского отделения Ухто-Печорского «Мемориала» Т.Афанасьева. А вообще-то двери аудитории были открыты для всех.

Симпозиум проходил в аудиториях КРАГСиУ. На открытии его выступили Уполномоченный по правам человека в Республике Коми Л.М.Вокучев, проректор КРАГСиУ доктор философских наук И.А.Гончаров и представитель фонда К.Аденауэра Габриэла Бауманн. В рамках симпозиума состоялось представление книги В.В.Иофе «Границы смысла». Были заседания, как на первом симпозиуме, А.Даниэль и И.Флиге.

Второй симпозиум во многом повторял первый – и город, и организаторы, и место проведения те же. Договорились мы и о том, что через год вновь встретимся в Сыктывкаре. Тема будущего, третьего симпозиума, определена на заключительном круглом столе – «Музей Гулага», он будет посвящен проблемам экспозиций, рассказывающих об истории политических репрессий XX века.

М.Б.Рогачев

Вениамин Иофе

Реабилитация

как историческая проблема *

Вениамин
Викторович
ИОФЕ

Проблема осознания смысла Гулага (понимая под Гулагом всю репрессивную систему советского периода истории России), помимо чисто исторического интереса, имеет еще один, крайне злободневный аспект, который требует от историков, политиков и юристов незамедлительных ответов, не оставляя им времени на академическую неспешность, — необходимость реабилитации жертв советского политического режима. Многие из этих людей и из их ближайших родственников живы, сегодня они требуют восстановления исторической справедливости (и соответствующей моральной и материальной компенсации). Вопрос относительно легко решается в отношении лояльных советских граждан, невинных жертв полицейского произвола — их реабилитируют по факту применения к ним необоснованной репрессии. Однако решение проблемы реабилитации в отношении противников коммунистического режима, а также репрессированных организаторов репрессий требует идео-

логических и правовых обоснований. Реабилитация — не просто юридический акт, отменяющий осуждение, это результат понимания государством своей собственной истории, а потому она служит поводом для осмысления коммунистического прошлого России, и здесь просматриваются две последовательные позиции.

Существует точка зрения, что власть в стране стала нелегитимной с момента отречения Николая II в пользу брата, когда был нарушен закон о престолонаследии, или же с разгона Учредительного Собрания, когда была проигнорирована свободно выраженная воля народа, и нынешнему государству следует объявить себя прямым наследником дореволюционной России. Устроить государственное перезахоронение царской семьи, признать свою ответственность по царским долгам, вернуться к нормам дореволюционного права и собрать Земский Собор или Учредительное Собрание. В этом случае многолетнее сопротивление (в том числе вооруженное) советскому режиму нужно считать обоснованным, а строительство и укрепление его — противоправным. Стало быть, не может быть и речи об юридической реабилитации Троцкого, Бухарина, Зиновьева (ныне реабилитированы), Ягоды, Ежова, Берии (не реабилитированы) или исторической реабилитации Ленина, Сталина, Дзержинского (до сих пор почитаются на достаточно высоком официальном уровне) и др. И напротив, должны быть немедленно реабилитированы все участники Сопротивления: участники кронштадтского и тамбовского восстаний, Петроградской боевой организации 1921 года, подпольных политических кружков 1920–1980-х годов (ныне реабилитированы), участники крестьянских восстаний 1930-х годов, эмиссары Савинкова, Российского Общевоинского Союза (РОВС) 1920–1930-х, Народно-трудового союза нового поколения (НТСНП, позже НТС) 1930–1950-х, бойцы Русской Освободительной Армии (РОА), руководители Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) 1960-х годов (не реабилитированы), и исторически почтены А.В. Колчак, А.И. Деникин, Н.Н. Юденич (отвергаются во многих влиятельных кругах). Как видим, никакой последовательности подхода в реальности нет.

Возможна и другая политическая, а следовательно, и юридическая позиция — признать советскую власть в России исторически состоявшейся и тем самым легитимной *de facto*, по крайней мере с момента принятия советской Конституции 1936 года, которая отменила сегрегацию по социальным мотивам и уравнила всех граждан страны в их правах и обязанностях и тем самым хотя бы формально соответствовала общеевропейским понятиям государственного права своего времени. Состояние страны в предшествующий период, с 1917 по 1936 годы, признать правовым нет никакой возможности, и любая деятельность, направленная на восстановление Российской Империи или власти Учредительного Собрания, или просто противодействующая узурпации вла-

сти большевиками должна считаться юридически оправданной. Однако при таком подходе все исторические события последующего периода, начиная с 1937 года, следует оценивать с точки зрения соблюдения конституционных и юридических норм, действовавших в Советском Союзе в то время (уж какие бы они ни были), и тем самым считать неправоковой практику применения незаконных актов революционного самосознания, решений неконституционных органов управления, партийных установок и телефонных звонков. Такое понимание отвечает популярному тезису диссидентов 1960–1970-х годов: «Соблюдайте ваши собственные законы», юридически оно закреплено решениями Конституционного Суда РФ 1992 года по проверке Указов Президента РФ о запрете КПСС и КП РСФСР. Эти решения признали нарушение Конституции СССР руководящими органами ВКП(б)-КПСС, подменявшими законные органы власти, преступной противоправной практикой, требующей осуждения. При таком подходе деятельность всех без исключения чинов партийного руководства страной (Сталина, Молотова, Хрущева, Брежнева, Ежова, Берия и др.) была противоправной в той степени, в какой она вела к разрушению существовавшего конституционного порядка в стране, и только во вторую очередь из-за большего или меньшего объема личных злодеяний. Обычно деятели советского режима после вынесения им приговоров в предсмертных обращениях в ЦК писали о том, что вся их жизнь и работа были посвящены делу укрепления власти Центрального Комитета ВКП(б) и лично товарища Сталина, то есть, разрушению существовавшего конституционного строя, что в понятиях права означало их признание в акте государственной измены. Такой формально-правовой подход дает нам основание считать любое посягательство на суверенитет страны и ее законный конституционный строй со стороны внешних сил криминальным, что отвечает распространенному представлению о легитимизации советского режима победой в Великой Отечественной войне. Но внутреннее сопротивление установлению и усилению коммунистической тоталитарной диктатуры, нарушавшей собственную Конституцию, мы должны считать обоснованным, и все участники такого сопротивления (не совершившие общеуголовных преступлений) заслуживают реабилитации потому что они были правы по существу, а не из-за формальных недостатков их следственных дел.

Тем не менее сегодня сложилась парадоксальная ситуация, отражающая всю неосновательность современного государственного устройства России. Осужденных советской властью по политическим мотивам легко реабилитируют, по возможности, не входя в рассмотрение существа обвинения, из-за отмененной ныне статьи обвинения, из-за осуждения «тройкой», или по недостаточной доказанности факта покушения на устои советской власти. Так при рассмотрении проблемы ре-

билитации участника Петроградской боевой организации Н.С. Гумилева главным оказывается не вопрос о том, был ли он прав или не прав, борясь с коммунистическим режимом, а то, что его враждебность к советской власти оказалась неубедительно документирована. Если же в реабилитации отказывают, то в основном по причинам личной причастности осужденного к злодеяниям, совершенным на пользу советской власти, вызывающим отвращение общества (Ежов, Берия), или, напротив, из-за действительного намерения свергнуть существовавший в стране коммунистический режим, признаваемый и ныне законным (руководители ВСХСОН, осужденные в Ленинграде в 1967 году).

Сегодня правоприменители РФ готовы отменять карательные акты советской юстиции, потому что те были вынесены на основании плохих законов и в рамках плохой процедуры и в тех случаях, когда можно почитать, что «антисоветская деятельность» была неубедительно доказана. Однако их не отменяют в отношении реальных противников коммунистической диктатуры, угрожавших «государственному и общественному строю СССР» (признанному Конституционным Судом в 1992 году антиконституционным). Но главное противоречие состоит в том, что **все** судебные решения советского периода по политическим делам, в том числе и последних десятилетий его существования, так и не признаны неправосудными и подлежащими отмене из-за того, что их вынесли с нарушением законов своего времени, которые и тогда требовали от обвинителя доказательств наличия субъективного умысла на нанесение вреда своей стране в делах по обвинению в антисоветской деятельности или доказательств заведомой ложности утверждений в делах об антисоветской клевете. Никто этого никогда не доказывал, тем самым судебные процессы были незаконны, а правоприменители очевидным образом были повинны в преступлениях против правосудия. Произвол реабилитации, ныне сменивший произвол репрессий предшествующего периода, превращает российскую историю XX века в бессмысленную череду событий и погружает российское общество в морально-политический хаос, в котором состоявшаяся реабилитация Троцкого, как и несостоявшаяся реабилитация Берии, не значат практически ничего.

Этот хаос юридических политических и моральных оценок является едва ли не сознательной дымовой завесой, которая вводит общество (и, кажется, не только российское) в долгие и бесплодные дискуссии по частным вопросам осуждений или неосуждений того или иного исторического персонажа, и тем самым маскирует проблему необходимости нахождения формулировок по исторической оценке советского периода истории России в столь же бесспорных формах, какие были найдены в отношении национал-социалистической Германии. Эта оценка необходима не только для внесения в школьные учебники по истории XX века, но и для учета ее в современной юридической практике.

Александр Даниэль

Концепция реабилитации в контексте политического развития конца 1980-х – начала 1990-х

Александр
Юльевич
ДАНИЭЛЬ –
член Правления
Международного
«Мемориала»

За строками Закона о реабилитации жертв политических репрессий, принятого Верховным Советом РСФСР (тогда еще – РСФСР) 18 октября 1991 года, изначально просматривалось множество смыслов. Совокупность этих смыслов выражает себя, разумеется, через юридические категории (Закон же!), но отнюдь не сводится к ним.

Немного предыстории.

В 1990 году в России впервые за всю ее историю начал работать парламент, сформированный в ходе более или менее свободных и демократических выборов. Одним из первых шагов этого парламента стало образование нового парламентского Комитета – Комитета по правам человека. И одним из первых законопроектов, подготовленных Комитетом, стал законопроект «О реабилитации жертв политических репрессий». Законопроект был разработан, прошел через парламентские комитеты и комиссии, вынесен на голосование – и отвергнут прокоммунистическим большинством Верховного Совета. Только

после августовских событий 1991 года стало возможным вынесение его на повторное голосование; тот же депутатский корпус, который несколько месяцев назад забаллотировал законопроект, на этот раз принял его подавляющим большинством голосов, без каких-либо поправок или дополнений, и сразу в трех чтениях.

Таким образом, Закон о реабилитации, подготовленный задолго до коммунистического путча и его провала, является все же детищем Августа, прямым его следствием и результатом. И пытаюсь понять смысл и пафос этого Закона, мы тем самым пытаемся понять смысл и пафос событий, которые многие в России и за границей до сих пор называют Августовской революцией 1991 года.

Однако Закон от 18 октября многоаспектен.

***

Очевидным и бесспорным представляется социальное и психологическое значение Закона. Для сотен тысяч людей он означает признание обществом их гражданской полноценности, для миллионов – признание, часто запоздалое, гражданской полноценности их родных и близких.

Напротив, система материальных льгот и привилегий, предоставляемых Законом лицам, признанным «жертвами политических репрессий» или «пострадавшими от политических репрессий», вызывала и продолжает вызывать множество дискуссий. Мне известен не один случай, когда граждане, подпадающие под действие Закона (и относящиеся, как правило, к первой, а не ко второй категории), отказывались пользоваться этими «льготами», воспринимая «благodeяния», предложенные им государством, как личное оскорбление. В то же время большинство реабилитированных и, в особенности, членов их семей, внимательно и ревниво следят за этой стороной реализации закона, резко выступают против любых ограничительных трактовок в правоприменительной практике, требуют дальнейшего расширения объема привилегий и льгот. Но не следует, на мой взгляд, ни обвинять этих людей в корыстности, ни «извинять» их настойчивость трудным материальным положением. Надо помнить, что так называемые «льготы» – это на самом деле не что иное как компенсация за причиненный вред, в дополнение к денежной компенсации бывшим заключенным, предусмотренные Законом размеры которой являются чисто символическими и несравнимыми с причиненным ущербом – как, впрочем, и размеры льгот.

***

Историко-культурное значение Закона состоит в том, что он поставил точку в затянувшемся споре о том, с какого момента в нашей стране начались политические репрессии и когда они закончились. Мы все

помним 1987–1991 годы: натиск общественного мнения, с одной стороны, и линии арьергардной обороны, спешно выстраиваемые рушащейся коммунистической властью поперек отечественной истории, – с другой.

«Массовые нарушения социалистической законности имели место лишь в 1937–1938...»

«Нет, все-таки политические репрессии начались сразу после убийства Кирова и продолжались до смерти Сталина...»

«Коллективизация и раскулачивание сами по себе были преступной акцией...»

«Аресты участников внутрипартийных оппозиций – это политические репрессии...»

«Пожалуй, концлагеря и политизоляторы первой половины 1920-х, куда Советская власть отправляла своих политических противников, тоже были проявлением политического террора. Да и суды над диссидентами и прочими "антисоветчиками" 1960–1980-х – тоже...»

«Политический террор начался еще в годы Гражданской войны...»

К лету 1991 года обороняющаяся власть уперлась спиной в дату своего рождения, в Октябрьский переворот. Дальше отступать было некуда: на очереди стоял вопрос о легитимности происхождения существующего политического режима, легитимности не формальной, а содержательной. И то, что декларация, в которой ГКЧП объявлял о фактическом отстранении Горбачева от власти, уделила беспрецедентно значительное для подобных документов место проблемам исторических оценок, – было только логично.

Путч 19 августа провалился, и этот провал был вскоре закреплен законодательно: в преамбуле Закона «О реабилитации» названа точная дата начала политических репрессий в Советской России – 25 октября 1917 года.

Таков был вклад Закона в затянувшийся «спор об истории» второй половины 1980-х, один из немногих известных человечеству споров такого рода, в котором приняли активное или пассивное участие десятки миллионов людей.

***

Попутно замечу, что косвенным образом Закон разрешает еще один аспект данного спора, а именно: были ли политические репрессии естественным и необходимым компонентом данного политического режима – или необязательным извращением этого режима.

В самом деле: Закон от 18 октября – не первый и не единственный законодательный акт, регламентирующий процесс реабилитации осужденных граждан. Почти любое европейское законодательство содержит нормы, регламентирующие процесс восстановления в правах граждан, осужденных и понесших наказание ошибочно. Существовали такие нормы и в СССР – именно они служили юридическим механизмом для пер-

вой, «хрущевской» волны реабилитации. Спрашивается: зачем законодателю, выражающему, по идее, волю народа, понадобились какие-то дополнительные механизмы?

Ответ очевиден: октябрьский Закон 1991 года констатирует наличие в Советском Союзе (вообще-то в РСФСР, но в данном контексте это неважно) **системы массовых репрессий**, незаконной с самого начала, но **использовавшейся государственной властью в качестве важного инструмента внутренней политики**.

Смысл обычной процедуры реабилитации состоит в том, что государство, убедившись, что гражданин был осужден несправедливо, как бы говорит ему: «Извините, ошибка вышла: судебная система дала сбой». Форма извинения может варьировать от простого восстановления в гражданских правах до материальной компенсации.

Иное дело Закон о реабилитации от 18 октября. Этим законом государство объявляет пострадавшему, что он пострадал отнюдь **не по ошибке**, а **пал жертвой преступления** против правосудия, сознательно совершенного **государственной властью** в собственных политических видах. «Теперь, – говорит государство, – я изменилось. Я больше не хочу совершать преступления; тех же, кого я раньше убивало, мучило и шельмовало, я объявляю достойными гражданами, заслуживающими полного уважения».

Случай совсем не уникальный в мировой практике. Так, сравнительно недавно Конгресс США принял акт, реабилитирующий американских граждан японского происхождения, интернированных после Пёрл-Харбора в специальных лагерях до конца войны. Фактически Соединенные Штаты признали, что действия, предпринятые администрацией Рузвельта против этих людей, были преступным и сознательным нарушением их гражданских прав, предпринятым в политических целях правительства (в данном случае – в силу военной необходимости, как ее понимали члены тогдашнего кабинета; но, с точки зрения американцев, это не оправдывает совершенного государством преступления).

Уникальность российского Закона состоит лишь в том, что он объявляет преступления, совершавшиеся Советским государством, имманентным свойством этого государства, а объектом преступления – не только какие-то определенные группы населения, но весь советский народ.

При этом в определенных случаях Закон не просто говорит о неправомерном применении действовавших законов, а фактически объявляет незаконными, противоречащими духу права и букве Советской Конституции сами эти законы. Так, в ст.4 Закон определяет ряд составов, включавшихся в советское уголовное законодательство («антисоветская/контрреволюционная агитация», «клеветнические измышления, порочащие советский строй», «измена Родине, выразившаяся в бегстве за границу или отказе вернуться из-за границы» и ряд других), реабилитирующим основанием по которым

тирующим основанием по которым служит не обычное отсутствие **со-
става** преступления, а отсутствие **события** преступления. Действия
некоего гражданина могли полностью подпадать под ст. 58-10 УК
РСФСР, а фактическая сторона обвинения могла быть в свое время до-
казана в суде юридически безукоризненно, — но, с точки зрения Октября-
91, он все равно подлежит реабилитации, поскольку действия, которые
ему инкриминировались, — не преступление. Подчеркиваю: не **переста-
ли** рассматриваться как преступление, а изначально преступлением **не
являлись**.

Соответственно, процедура реабилитации граждан, осужденных по
соответствующим статьям, предельно упрощена: органы прокуратуры
принимают решение о реабилитации **автоматически**, как только они
констатируют факт осуждения по данной статье.

***

Все эти принципиальные решения, принятые разработчиками Зако-
на от 18 октября, блестяще иллюстрируют один из главных источников
внутренней противоречивости как самого Закона, так и предвосхищен-
ного им политического развития России в 1990-е годы.

В самом деле: какую принципиальную правовую оценку Советского
государства предлагает нам Закон «О реабилитации жертв политиче-
ских репрессий»?

Первое: это государство систематически и в массовом порядке со-
вершало тяжкие преступления против своих граждан.

Второе: для того, чтобы удобнее совершать эти преступления, оно
издавало антиправовые законы.

Третье: оно занималось этим с момента своего возникновения.

В тексте Закона от 18 октября вы нигде не найдете выражения
«**преступная власть**», но этот вывод с неизбежностью следует из всего
содержания этого Закона, из его духа.

И одновременно этот вывод вступает в непримиримое противоре-
чие с самим фактом существования Закона «О реабилитации жертв по-
литических репрессий».

Обратимся к истории.

Когда в феврале 1917 года пал царский режим, никакому Времен-
ному правительству, никакому Совету рабочих и солдатских депутатов и
в голову не приходило объявлять «реабилитацию узников царизма».
Вместо этого была объявлена амнистия, которая рассматривалась как
политический, а не правовой акт. Узники радостно вышли из тюрем, с
каторги, уехали из мест ссылки и радостно отправились в Петроград и
Москву делать революцию дальше. Ни они сами, ни кто другой и не ду-
мали требовать от правительства какой-то «реабилитации».

Почему?

Временное правительство не отвечало по юридическим долгам
старого режима, потому что этот режим был свергнут и перестал быть
действующим источником права. На его месте возник новый режим, не
имеющий к самодержавию никакого отношения.

(Правда несколькими годами позже уже большевистская власть
предоставляла старым революционерам кой-какие льготы — продпайки,
персональные пенсии, госдачи, открывала специально для них санато-
рии, дома отдыха и пр. Но эти льготы рассматривались как материаль-
ное воплощение признания революционных заслуг, а не как компенса-
ция за каторжные лишения. Иными словами, новое государство обеспе-
чивало ветеранам Революции определенные блага не потому, что неко-
гда в отношении них были нарушены законы Российской империи, а за-
то, что они сами нарушали эти законы и тем способствовали рождению
нового строя.)

Это — к вопросу о сознательных борцах с прежней властью.

В 1945 году на территории бывшего Третьего Рейха, кажется, никто
ни Контрольный Совет союзников, ни местные власти, ни впоследст-
вии правительства ФРГ, ГДР, Австрии — не ставили вопрос о «реабилитации узников нацизма». Отнюдь не парадоксально, а вполне логично, что полковник фон Штауффенберг стал в Германии национальным героем, оставаясь при этом осужденным «изменником фатерланду». Но не только фон Штауффенберг, который как-никак был казнен за терро-
ристический акт — покушение на жизнь главы правительства и верховно-
го главнокомандующего — насколько мне известно, не реабилитированы
в Германии ни участники подпольного католического студенческого
«кружка «Белая роза», «всего лишь» разбрасывавшие антивоенные лист-
очки в Кельнском университете, ни даже активисты «Кройцауэркросс» —
друзья и единомышленники графа фон Мольтке, тайно обменивавшиеся
в 1943–1944 годах самиздатскими рефератами о возможном послевоен-
ном устройстве Германии после неизбежного поражения. Последних
«Международная амнистия», несомненно, назвала бы «узниками совес-
ти».

Более того: что-то не слышно, чтобы кто-то в Германии или Австрии
заговаривал о необходимости «реабилитировать» евреев, пострадав-
ших от расовых Нюрнбергских законов. И слава Богу, что не слышно:
подобные предложения звучали бы кошунственно.

Это — к вопросу о «невинных жертвах гитлеризма».

Почему же вопрос о реабилитации узников нацизма даже не вста-
вал в государствах, составлявших Третий Рейх?

Да потому же, почему после падения самодержавия в России не
вставал вопрос о реабилитации узников царизма. Потому что в 1945
году Третий Рейх перестал существовать. И все законы, действовавшие
на его территории, потеряли абсолютное значение. Они продолжали
действовать лишь постольку, поскольку это было необходимо для под-

держания правопорядка. Те же законы, на основании которых «народные трибуналы» осудили Штауффенберга, брата и сестру Шолль, фон Мольте и его друзей, десятки тысяч других антифашистов, сотни тысяч «расово и биологически неполноценных» — законы «О защите Рейха», «О единстве партии и государства», «О чистоте расы» и т.п. — действовать перестали почти автоматически. Кажется, было по этому поводу издано какое-то распоряжение Контрольного Совета — но если бы такого распоряжения и не было, это ничего бы не изменило.

И в 1917-м. в России, и в 1945-м в Германии имел место **разрыв легитимности** власти. С правовой точки зрения и там, и там произошла **революция** (то, что в Германии эта революция свершилась силами союзных армий, в данном дискурсе значения не имеет). А смысл революции состоит именно в разрыве легитимности; после нее все начинается с чистого листа. И такой способ расчета с прошлым, как реабилитация жертв старого режима, то есть объявление, что они на самом деле не были врагами рухнувшего государства или, по крайней мере, не нарушали его законов, — никому решительно не нужен.

Каково же важнейшее политическое послание, содержащееся в Законе РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий»? Теперь это становится совершенно очевидным.

Августовская революция на самом деле никакой революцией не была. И дело не в том, что сюжетно события 19–21 августа были преодолением антиконституционного переворота и, стало быть, — победой советского перестроенного правопорядка. И даже не в том, что новая Россия объявила себя правопреемником СССР (нынешняя ФРГ тоже является правопреемником гитлеровской Германии, так же как правопреемником Российской империи была сначала революционная Россия 1917 года, а потом — Советская Россия, СССР). Достоверным знаком отказа от революционного пути развития стало — в частности, но и в особенности — то, что послеавгустовское Российское государство приняло на себя ответственность за политические репрессии, начиная с октября 1917 года. Очевидно же, что реабилитировать может только то государство, которое репрессировало. И стало быть, новый режим считает себя не просто правопреемником старого, — он считает, что мы **продолжаем жить в том же самом государстве**. Просто оно отказалось наконец от политических репрессий как инструмента внутренней политики (лидеры новой власти искренне, по-видимому, верили в это в октябре 1991-го).

Именно в этом я вижу основной пафос, основное политическое послание Закона о реабилитации: никакой революции не произошло! Просто раньше власть вела себя плохо, а теперь будет вести себя хорошо. Перед теми же, по отношению к кому она, эта власть, вела себя плохо, — она повинилась и теперь будет выплачивать им компенсации.

При революционной смене государственного строя специальный закон о реабилитации вообще не требуется; нужда в таком законе появляется только тогда, когда подразумевается **не революция, а непрерывная эволюция государства, его реформирование**. И Закон о реабилитации — это голос тех, кто отрицал революцию и провозглашал **реформу** — эволюционный переход к правовому цивилизованному государству. Этот Закон целиком уместается в русле реформистского, а не революционного мироощущения.

***

Хорошо это или плохо — то, что страна выбрала не революцию, а реформу? Ответ на этот вопрос выходит за рамки данного выступления; скажу лишь, что лично мне он представляется неоднозначным. Сегодня нам хорошо видны тупики реформистского развития, оборачивающегося прямой реакцией, если не реставрацией старого режима. Усиливающиеся день ото дня разговоры о «нашем славном прошлом», которые в последние годы ведут представители власти всех уровней, начиная от президента, — не свидетельствуют ли о том, что власть сохраняет идентичность, сохраняет генетическую память о своем происхождении и становлении?

Нынешние несчастья и катастрофы, многие истоки которых, несомненно, коренятся в нашем чудовищном историческом наследстве (например, Чечня), заставляют иногда думать: а может, лучше было бы вообще отказаться от этого наследства? Может, пусть уж была бы революция — и черт с ней, с этой реабилитацией?

С другой стороны, мы хорошо знаем и тупики революций и помним их моря крови, которыми они оборачиваются. И кто знает, что было бы «в родной и с нами», если бы осенью 1991 года события в России пошли бы по революционному пути?

Но возвращаясь к проблемам собственно реабилитации, нельзя не отметить непосредственные правовые последствия «реформистского» выбора. В том числе — напрямую касающиеся тех, кто был осужден по политическим мотивам.

В частности, бросается в глаза, что реабилитируя «жертвы политических репрессий», Закон делает это весьма и весьма избирательно. Например, он отказывает в «автоматической» реабилитации тем, кто воевал с Советской властью с оружием в руках, будь то бойцы Украинской повстанческой армии, или литовского послевоенного Сопротивления, или крестьянские повстанцы 1920-х (участников Тамбовского восстания пришлось реабилитировать отдельными актами), или среднеазиатские повстанцы-басмачи. Конечно, среди всех этих вооруженных людей попадались и бандиты, и мародеры, — но ведь речь идет об осуждении не за общеуголовное преступление, а за сам факт борьбы с Советской властью с оружием в руках.

Или молодежные подпольные кружки конца 1940-х – начала 1950-х годов? В приговорах их участников статьям 58-10 и 58-11 УК часто сопутствовала статья 58-8 – «террор» (как правило, «через намерение»). И действительно, в некоторых из уголовных дел этого рода прослеживаются разговоры о насильственном свержении Сталина, а то и о покушении на него. Может, это были липовые «террористические намерения», придуманные или спровоцированные МГБ. А если не липовые? Можно сколь угодно плохо относиться к индивидуальному террору как инструменту политической борьбы, но лично я не могу не уважать человека, который в 1948 году хотел убить Сталина. История не оставила эти людям (как и Штауффенбергу в Германии) простора для выбора средств. А вот Закон от 18 октября для этой категории осужденных никакой «автоматической» реабилитации не предусматривает. Они могут добиваться пересмотра своего дела через суд, но это уже совсем другая история.

Я хорошо помню сомнения, которые в связи с этим одолевали разработчиков Закона. Но иного решения, в рамках «основного выбора», у них не было и быть не могло.

За нормами Закона о реабилитации стоит, прежде всего, идея о **ненаказуемости ненасильственных действий**. Таким образом, этот Закон фиксирует момент, когда власть согласилась (надолго ли?) с тем, что мирная оппозиция режиму преступлением не является, что цивилизованное государство не должно создавать, говоря языком «Международной Амнистии», узников совести. И всего-то – при том, что, как я пытался показать в начале, этот же Закон фактически рассматривает данный режим как преступный!

В итоге Закон о реабилитации утверждает, что применение любого вида **насилия** в борьбе против **преступного режима** является уголовно наказуемым деянием. Нелепость? Да. Противоречит естественному нравственному чувству? Да. Но иным Закон быть не мог: оставаясь верным идее сохранения идентичности власти, невозможно реабилитировать тех, кто пытался эту власть свергнуть насильственным путем.

***

Закон о реабилитации, принятый вскоре после Августа, подтвердил эволюционный и реформистский, а не революционный выбор России.

Хорош этот закон или плох? Много, если не все, в ответе на данный вопрос зависит от того, как относиться к самому факту такого, а не иного выбора.

Каждый волен оценивать этот факт по-своему.

Роберт Шперфельд Освещение коммунистического прошлого Восточной Германии и реабилитация жертв политических репрессий ГДР

*Роберт
ШПЕРФЕЛЬД –
студент
Потсдамского
университета*

В данной работе рассматривается освещение несправедливости и положение жертв политических репрессий в ГДР после переворота в 1989/1990-ом и дается обзор действующих законов и учреждений, играющих важную роль в обращении к прошлому, делается попытка изложить фактическое действие механизма реабилитации и оценить результаты.

Сначала стоит осветить некоторые исторические факты.

В сентябре 1989-го началось массовое бегство из ГДР. В посольствах ФРГ в Праге, в Будапеште и в Варшаве тысячи людей ждали разрешения на въезд в ФРГ. 11 сентября 1989 года Венгрия открыла свои границы с Австрией. В рамках торжеств сорокового юбилея основания ГДР в Берлине и в других городах ГДР состоялись значительные протесты про-

тивников режима. 18 октября председатель ЦК Эрих Хонеккер был смещен другим членом ЦК Эгоном Кренцом. Везде в стране состоялись крупные демонстрации за свободу. ЦК не получил из Москвы поддержку жесткой линии в обращении с противниками. Вечером 9 ноября правительство по телевидению неожиданно объявило открытие границ с Западом. ЦК уходил в отставку, и временное правительство из реформистских членов партий начало работать в совместном действии с системой «круглых столов» гражданских активистов. 18 марта 1990 прошли демократические выборы. Уже 3 октября ГДР была распущена и включена в территорию действия основного закона (конституции) ФРГ.

Осенью 1989 года одним из главных требований протестующих людей был роспуск Министерства Государственной Безопасности, иными словами — роспуск спецслужбы Stasi (на 1989 год: 85500 постоянных и 174200 так называемых неофициальных сотрудников). Главной целью спецслужб являлась проверка населения и подавление противников. Stasi воспринимается как символ отсутствующих гражданских свобод. В декабре 1989-го. функционеры испытывали опасение за свою дальнейшую судьбу. Чтобы предотвратить возможное юридическое преследование, они стали уничтожать соответствующие документы. Однако гражданские активисты заняли важнейшие административные здания, где хранились документы. Таким образом, большинство документов сохранилось (уничтожены были электронные данные и документы об иностранной разведке).

Весной были образованы гражданские комитеты, которые наблюдали за процессом роспуска Stasi. Но что было делать с архивами? Борцы за гражданские права требовали доступа ко всем документам, чтобы получить возможность выяснения судеб жертв коммунистической власти и документировать механизмы государственного аппарата. Однако правовые традиции Западной Германии предусматривали свободный доступ к соответствующим документам только через 30 лет. Общество было обеспокоено возможностью возникновения беспорядков, если бывшим жертвам станет известно, кто несет ответственность за их страдания.

Многие функционеры — не только восточные — высказывались за уничтожение документов. Они опасались, что документы содержат неприятную для них информацию. После того, как весной 1990-го стало известно о сотрудничестве со Stasi ведущих политиков демократического спектра, общественное мнение настаивало на том, что без знания прошлого будущее не может быть достоверным. Спор о будущем архива Stasi, несмотря на ограничение права личности, был решен в пользу права общества на выяснение прошлого.

24 августа 1990-го Народная палата ГДР приняла закон о сохранении и использовании персональных данных, который закрепил, что документы Stasi будут использованы для анализа прошлого в юридиче-

ском, политическом и историческом смысле, а также для устранения бывших сотрудников с высоких постов в государственной службе.

Тем не менее, окончательно гражданские активисты добились соответствующих и даже более обширных урегулирований в договоре объединения только в сентябре, после голодовки и захвата главного архива. Позднее на основе этого появилась законная возможность работы с определенными документами. Иохим Гаук (Joachim Gauck) стал специальным уполномоченным по архивам Stasi (с 1991 года официальное название: Федеральный уполномоченный).

Вследствие событий августа и сентября 1990-го в новом Бундестаге дискуссия о данных Stasi продолжалась. Наконец 20 декабря 1991 Бундестаг подавляющим большинством голосов принял Закон о документах спецслужбы Stasi. На основе данного закона было создано Ведомство федерального уполномоченного по архивам Stasi, которое до сих пор управляет документами. В середине 1990-х, в период самой активной деятельности, в ведомстве работали более 3100 сотрудников при ежегодном бюджете 265 млн. DM (130 млн. Евро). Уполномоченный по архивам пользуется неограниченной самостоятельностью: несмотря на то, что он юридически подчиняется министру внутренних дел, министр не вправе требовать полного подчинения. Закон определяет 4 главные цели деятельности Ведомства уполномоченного: во-первых, оно дает всем жертвам политических репрессий возможность получить доступ к своим личным делам, а также определять степень воздействия спецслужб на свою судьбу; во-вторых, оно обеспечивает защиту личности от использования нелегально собранных личных данных от злоупотребления; в-третьих, оно самостоятельно проводит исследования и обеспечивает возможность проводить исторический, политический и юридический анализ деятельности Stasi; в-четвертых, оно обеспечивает доступ государственных и частных организаций к архивам с целью проверки своих сотрудников в связи с их возможной деятельностью в Stasi.

Деятельность ведомства оказалась чрезвычайно дорогостоящей. В обязанность сотрудников входило при рассмотрении каждого дела учитывать интересы всех сторон: получение необходимых разрешений третьих лиц, упоминаемых в допросных документах, проведение раскрытия кличек секретных агентов и т.д. Подробности о трудностях работы ведомства находятся за рамками данной работы.

Вначале ведомство не справлялось с количеством заявлений, иногда заявителям приходилось долго ждать ответа. В 1992 году в архив обратились более 1 млн. граждан. К 2000-му ежегодное поступление заявлений снизилось до 250000, но количество заявлений с исследовательскими целями продолжает расти.

С момента своего основания до сентября 2001-го ведомством было рассмотрено более 4637000 заявлений и запросов: 1750000 из них были внесены гражданами с целью рассмотрения индивидуальных данных;

1600000 заявлений государственной администрации по проверке своих служащих; 950000 заявлений государственных или негосударственных организаций касались других просьб (проверка других лиц, информации о пенсионных претензиях и т.д.). С реабилитационными и другими судебными целями были рассмотрены 345000 запросов. А научно-исследовательские цели преследовали 13000 заявлений.

Чтобы оценить важность деятельности ведомства для жертв политических репрессий, Институт психологии Гамбургского университета в 1995 году проводил опрос заявителей, по данным которого, граждане дают положительную оценку возможности просмотра своих документов: 80% опрошенных жертв полагают, что их психологическая ситуация улучшилась после того, как они узнали подробности дискриминации; чувство ненависти к бывшим агентам появилось только у 27% опрошенных. Часть респондентов была просто разочарована.

Психологи пришли к выводу, что просмотр документов внесет больше ясности в историю и сократит недоверие к бывшим коллегам и знакомым.

В некоторых случаях заявители остались разочарованы, потому что в архивах документы не сохранились. Может быть, дискриминация произошла вне аппарата Stasi, например, в рамках партии или профсоюза. Тогда ведомство не может помочь.

В государственном управлении разных уровней проверка служащих на сотрудничество со Stasi в 90-х стала нормой. Отделы кадров официально попросили у ведомства документы, доказывающие сотрудничество со Stasi своих служащих (по крайней мере, высшего ранга — земли и муниципалитеты сами определили степень проверки). Оказалось, что 7% проверенных в 1995 году работников госслужбы Восточной Германии сознательно сотрудничали в разных формах с спецслужбой. Среди бывших сотрудников ГДРовской почты и народной армии данная цифра составляет около 20%. Однако большинство из них остались на своем месте — работодатели считали, что сотрудничество со Stasi в прошлом не всегда препятствует занятию отдельных государственных должностей. Следует подчеркнуть, что задача Ведомства уполномоченного — это предоставление информации. Оценка и выводы остаются в компетенции заявителя.

Несколько случаев увольнений по причине сотрудничества со Stasi решались только Конституционным судом. Так например, Конституционный суд согласился с истицей, которая хотела получить разрешение работать нотариусом, хотя она работала судьей в ГДР и поэтому вынуждена была сотрудничать со Stasi. Конституционный суд полагал, что ее бывшая деятельность (без конкретно доказанных нарушений прав) не повлияла на ее способность выполнения нынешних обязанностей.

Дополнительная задача ведомства — это историческое исследование, которое ведется в двух направлениях: во-первых, оно поддержива-

ет внештатных исследователей, т.е. предлагает консультации и дает возможность знакомства с документами. Внештатное исследование прежде всего рассматривает дела, связанные с определенными лицами, во-вторых, ведомство само проводит исследования. В этом оно делает упор на исследование основ государственной системы репрессий и наблюдений в целом, причем в сравнении с внештатными исследователями ведомство, конечно, в преимущественном положении, поскольку сотрудники исследовательского отдела имеют прямой доступ к архивам и могут анализировать документы без анонимизации личных данных. Только на базе такого теоретического изучения аппарата репрессий в целом возможно полноценное исследование. В общем, благодаря исследовательскому отделу ведомства понимание тоталитарной системы ГДР значительно продвинулось.

Прошло более 10 лет со момента принятия Закона о документах Stasi, и общественность Германии положительно оценивает его действие. Этот закон с помощью Ведомства уполномоченного открыл архивы для критического рассмотрения прошлого и одновременно избежал злоупотребления нелегально собранными данными. Общество достаточно интенсивно использовало предложения ведомства. Эта деятельность не окончена, изучение документов Stasi, анализ и исторические исследования займут еще много лет. Тем временем уже появились многочисленные публикации и об индивидуальных судьбах жертв, и о системе репрессий. Историческое наследие тоталитаризма отражается в сегодняшнем существовании Германии. В этом отношении выбранная архивная тактика оказалось гораздо лучше, чем «период большого молчания» в отношении фашистских преступлений после Второй мировой войны.

Ведомство получило и высокую международную оценку: посещение уполномоченного представляет интерес для делегаций, преимущественно из восточно-европейских стран.

Анализ деятельности ведомства — непростая задача. Особенно в первые годы очевидных результатов было мало, люди долго ждали ответов, многие ответы не были удовлетворительны. Естественно, ведомство не могло заниматься сразу всеми делами, ведомство резко критиковали, но у всех критиков всегда были сильные собственные интересы. Сначала было ясно, что вокруг деятельности ведомства будет много конфликтов. Тем не менее, при помощи деятельности ведомства немецкое общество сегодня, безусловно, продвигается к целям, определенным в данном Законе.

Одним из самых спорных оказалось дело бывшего федерального канцлера Гельмута Коля. Он сам в 1991-м подписал этот закон, а в 2000-м этот закон обратился против него. Журналисты хотели ознакомиться с документами, в которых есть сведения о роли канцлера Коля во внутривластных скандалах. По мнению Ведомства уполномоченно-

то, просмотр этих документов с целью исследования исторических фактов о методах действий спецслужбы Stasi допускается, так как канцлер Коля является субъектом современной истории. Права личности Коля не нарушаются, так как данные в соответствующих документах касаются только его общественной деятельности, а не его частной жизни. Закон предусматривает такое различие. И по отношению к бывшим гражданам ГДР такое толкование закона уже несколько лет широко практикуется. Тем не менее, Гельмут Коля и его сторонники, в том числе сегоднешний министр внутренних дел, полагали, что просмотр таких документов допускается только в случае согласия данного лица, исходя из того, что Коля является жертвой противозаконных действий спецслужбы. Кроме того, они выражали опасение, что исследование действий спецслужбы Stasi может обнаружить попутно и какую-то информацию о внутренней политике ФРГ, каковая может быть неприятна для Коля. Федеральный административный суд 8 марта 2002 года удовлетворил иск Коля. Ведомство уполномоченного заявило, что тогда его исследования деятельности спецслужбы Stasi существенно ограничиваются. Члены госаппарата ГДР, которые не работали в Министерстве государственной безопасности (Stasi), могли бы претендовать на равенство всех перед законом. 6 сентября 2002-го Бундестаг принял изменения в Законе, чтобы некоторые отрицательные последствия решения Федерального административного суда не сказались на общественной жизни Германии.

У многих людей из бывшей восточной Германии этот спор вызывал чувство дискриминации. Деятельность ведомства они воспринимают как акт дискредитации ГДР, так как информация о незаконных действиях ФРГ остается секретной.

Было создано три закона о реабилитации, на основе которых устанавливался факт необоснованного осуждения жертв политических репрессий, что давало возможность им или близким родственникам умерших получать государственную помощь.

По Закону об уголовной реабилитации (принят Бундестагом 29 октября 1992) отмена ГДРовских несправедливых уголовных приговоров осуществляется на основании решения местных судов по обращению пострадавшего. Закон об административно-правовой реабилитации и Закон о профессиональной реабилитации (приняты Бундестагом 23 июня 1994-го) рассматривают решения государственного управления, не соответствующие правовым нормам (например, вопросы экспроприации без возмещения). Главной целью профессиональной реабилитации является компенсация профессиональной дискриминации при начислении пенсии. Для получения возмещения необходимо решение суда. Выплачивается единовременная компенсация в размере 600 DM (\$295) на каждый месяц ареста бывшему заключенному, арестованному по политическим мотивам на территории ГДР (или в советской зоне оккупации до

основания ГДР). В некоторых случаях (тяжелое состояние здоровья, потеря имущества в результате репрессий или решения госорганов ГДР) могут выплачиваться дополнительные компенсации или постоянные пособия.

Однако, хотя везде на территории бывшей ГДР созданы разнообразные государственные и негосударственные организации для консультации жертв репрессий, получение этих компенсаций в реальности оказывается сложной задачей. Для доказательства факта репрессий или дискриминации в большинстве случаев необходимо обратиться к Ведомству уполномоченного по архивам Stasi или в другие государственные архивы. Не всегда все документы сохранились. Иногда эта процедура занимает очень много времени, а результат может оказаться неудовлетворительным. Кроме того, следует отметить, что нет центрального ведомства, которое несло бы ответственность по всем типам реабилитации. Так что зачастую необходимо обращаться в многочисленные ведомства. Структура ведомств и судов различается в разных федеральных землях, поэтому автору не кажется целесообразно описывать их. В первое время очень незначительное число заявителей получили возмещения, поэтому повторно многие ведомства стали рассматривать заявления великодушнее. Возможность получения возмещения была продлена до конца 2003 года.

Ввиду того, что в разных землях Германии статистика ведется разными способами, общая статистика о реабилитации отсутствует. Федеральное министерство юстиции в январе 2003 года заявило автору, что, насколько ему известно, до конца 2002 года в суды разных земель Германии было внесено более 175000 заявлений по уголовной реабилитации в соответствии с данным Законом. Почти на все заявления дан ответ, в отношении большинства заявителей вопрос решен положительно. Иначе обстоит дело в отношении жертв репрессий, которым удалось избежать в ФРГ до 1989. На основании Закона о помощи заключенным (принят Бундестагом ФРГ уже в 1955 году), до 1994 года претензии более 300000 человек были удовлетворены. По данным Бундестага 2001-го, до конца 2000-го 1,05 млрд. DM (приблизительно \$500 млн.) из федерального и из земельных бюджетов были выплачены на основе Закона об уголовной реабилитации (без постоянных пособий, оплаченных муниципалитетами). Статистика о результатах применения других законов отсутствует.

Юридическое преследование руководителей и функционеров ГДР за противозаконные действия столкнулось с рядом трудностей. Во первых, при рассмотрении этих дел суд должен был рассматривать действовавшие в ГДР законы (невозможно было игнорировать эти законы, так как ГДР была признанным государством и являлась субъектом между-

народного права), несмотря на то, что данный суд ФРГ находился в юрисдикции другого государства.

Во вторых, ГДР не была правовым государством, т.е. чиновники не полностью подчинялись закону, а действовали по правилам функционирования системы.

А в-третьих, доказательство индивидуальной виновности осложнялось ссылками обвиняемых на то, что они были вынуждены выполнять приказы других функционеров.

Несмотря на эти трудности, 1 декабря 1990 Берлинская прокуратура выдала ордер на арест Председателя Государственного Совета ГДР Эриха Хонеккера (Erich Honecker). Судебное разбирательство по его делу и по делам других высоких членов Совета Национальной Обороны (E. Mielke, F. Streletz, W. Stoph, H. Kessler, E. Albrecht) было начато в декабре 1992-го. Из шести обвиняемых в 1993-го двое были осуждены на четыре с половиной и семь с половиной лет за подстрекательство к убийству «жертв стены», другие обвиняемые, в том числе Эрих Хонеккер, были освобождены по причине плохого состояния здоровья.

Второй процесс – по обвинению Эгона Кренца и других членов политбюро (Kleiber, Schabowski) в подстрекательстве к убийству – начался в 1995 году. С целью ускорения судебного процесса были рассмотрены только четыре случая «жертв стены». Кренц приговорен к семи с половиной, два других члена политбюро – к трем годам заключения, так как суд принял во внимание смягчающие вину обстоятельства: обвиняемые дали правдивые показания, а также суд учел их личную позицию во время событий осени 1989 года, когда они добивались мирного решения ситуации.

Кренц и другие осужденные были арестованы в 2000 году после подтверждения приговора Федеральным Конституционным Судом.

Кроме того, проводились процессы против солдат, которые расстреливали людей, перебежавших границу. Против других членов госаппарата ГДР также выдвинули многочисленные обвинения. В Берлинском центральном ведомстве по дознанию правительственных преступлений (ZERV) до его роспуска в 2000 году было рассмотрено 20327 дел (в основном убийства и попытки убийства на границе, нанесение телесных повреждений, обход закона, вымогательство и др.). Дополнительные судопроизводства проводились в землях. Однако министр юстиции земли Мекленбург-Передняя Померания (Meklenburg-Vorpommern) заявил, что в его земле после проведения 4775 дознаний по противозаконным действиям осуждены только 27 человек, так как практика и законы правового государства не могут привести к другим результатам и что ситуация в других землях похожая.

Но результаты юридического преследования только на первый взгляд кажутся неудовлетворительными. Несмотря на то, что практически индивидуальная вина функционеров оказалась недоказанной, доз-

нание позволило широко осветить и документировать многочисленные случаи незаконности в системе репрессий ГДР.

Благодаря активности борцов за гражданские права в 1989/1990-м и отдельных членов первого Бундестага после объединения Германия вступила на мужественный путь столкновения с прошлым. На этот раз правовое государство нашло ответ на несправедливость в тоталитарной системе. Несмотря на различие в общественном понимании в постфашистской и в посткоммунистической Германии заметен прогресс в обществе в отношении исторической памяти. Право знания о прошлом добилось общественного признания.

Обширное освещение прошлого Восточной Германии, безусловно, полезно. Однако, к сожалению, освещение происходит односторонне. Почему нет доступа к архивам западных спецслужб? Без сомнения признанный бизнес коммунистических структур был связан, в числе прочих, и со спецслужбами ФРГ (BND и другими). Конечно, ФРГ считалась правовым государством, а у спецслужб был парламентский контроль, и их документы не подлежат огласке: оказалось, что Запад к этому не готов, и этот вопрос серьезно даже не обсуждался.

Тем не менее, итоги работы Ведомства уполномоченного производят сильное впечатление. Другие примеры общественного использования архивов спецслужб такого масштаба автору неизвестны. Это явление, безусловно, усилило демократию, так как результат этот завоеван гражданами, и государство было вынуждено открыть ведомство вне всех традиций. Ведомство уполномоченного помогало многим жертвам раскрыть тайны своих судеб.

В области реабилитации созданные урегулирования недостаточно удовлетворительны. Несмотря на то, что во многих случаях справедливость была формально восстановлена и многие жертвы несправедливости получили компенсации, разнообразие законов и различные судебные практики не только в разных землях, но и в разных судебных инстанциях осложнили процесс реабилитации.

Что касается юридического преследования, то наказание виновных в условиях правового государства оказалось практически невозможным. Однако дознания привели к широкому освещению всей карательной системы в ГДР. Возникновение в будущем ностальгических мифов о ГДР стало невозможно. Кроме того, правовое государство продемонстрировало, что основы права действуют также и в отношении бывших врагов.

народного права), несмотря на то, что данный суд ФРГ находился в юрисдикции другого государства.

Во вторых, ГДР не была правовым государством, т.е. чиновники не полностью подчинялись закону, а действовали по правилам функционирования системы.

А в-третьих, доказательство индивидуальной виновности осложнялось ссылками обвиняемых на то, что они были вынуждены выполнять приказы других функционеров.

Несмотря на эти трудности, 1 декабря 1990 Берлинская прокуратура выдала ордер на арест Председателя Государственного Совета ГДР Эриха Хонеккера (Erich Honecker). Судебное разбирательство по его делу и по делам других высоких членов Совета Национальной Обороны (E.Mielke, F.Streletz, W.Stoph, H.Kessler, E.Albrecht) было начато в декабре 1992-го. Из шести обвиняемых в 1993-го двое были осуждены на четыре с половиной и семь с половиной лет за подстрекательство к убийству «жертв стены», другие обвиняемые, в том числе Эрих Хонеккер, были освобождены по причине плохого состояния здоровья.

Второй процесс — по обвинению Эгона Кренца и других членов политбюро (Kleiber, Schabowski) в подстрекательстве к убийству — начался в 1995 году. С целью ускорения судебного процесса были рассмотрены только четыре случая «жертв стены». Кренц приговорен к семи с половиной, два других члена политбюро — к трем годам заключения, так как суд принял во внимание смягчающие вину обстоятельства: обвиняемые дали правдивые показания, а также суд учел их личную позицию во время событий осени 1989 года, когда они добивались мирного решения ситуации.

Кренц и другие осужденные были арестованы в 2000 году после подтверждения приговора Федеральным Конституционным Судом.

Кроме того, проводились процессы против солдат, которые расстреливали людей, перебежавших границу. Против других членов госаппарата ГДР также выдвинули многочисленные обвинения. В Берлинском центральном ведомстве по дознанию правительственных преступлений (ZERV) до его роспуска в 2000 году было рассмотрено 20327 дел (в основном убийства и попытки убийства на границе, нанесение телесных повреждений, обход закона, вымогательство и др.). Дополнительные судопроизводства проводились в землях. Однако министр юстиции земли Мекленбург-Передняя Померания (Meklenburg-Vorpommern) заявил, что в его земле после проведения 4775 дознаний по противозаконным действиям осуждены только 27 человек, так как практика и законы правового государства не могут привести к другим результатам и что ситуация в других землях похожая.

Но результаты юридического преследования только на первый взгляд кажутся неудовлетворительными. Несмотря на то, что практически индивидуальная вина функционеров оказалась недоказанной, доз-

вание позволило широко осветить и документировать многочисленные случаи незаконности в системе репрессий ГДР.

Благодаря активности борцов за гражданские права в 1989/1990-м и отдельных членов первого Бундестага после объединения Германия испустила на мужественный путь столкновения с прошлым. На этот раз правовое государство нашло ответ на несправедливость в тоталитарной системе. Несмотря на различие в общественном понимании в постфашистской и в посткоммунистической Германии замечен прогресс в обществе в отношении исторической памяти. Право знания о прошлом добилось общественного признания.

Обширное освещение прошлого Восточной Германии, безусловно, полезно. Однако, к сожалению, освещение происходит односторонне. Почему нет доступа к архивам западных спецслужб? Без сомнения признанный бизнес коммунистических структур был связан, в числе прочих, и со спецслужбами ФРГ (BND и другими). Конечно, ФРГ считалась правовым государством, а у спецслужб был парламентский контроль, и их документы не подлежат огласке: оказалось, что Запад к этому не готов, и этот вопрос серьезно даже не обсуждался.

Тем не менее, итоги работы Ведомства уполномоченного производят сильное впечатление. Другие примеры общественного использования архивов спецслужб такого масштаба автору неизвестны. Это явление, безусловно, усилило демократию, так как результат этот завоеван гражданами, и государство было вынуждено открыть ведомство вне этих традиций. Ведомство уполномоченного помогало многим жертвам открыть тайны своих судеб.

В области реабилитации созданные урегулирования недостаточно удовлетворительны. Несмотря на то, что во многих случаях справедливость была формально восстановлена и многие жертвы несправедливости получили компенсации, разнообразие законов и различные судебная практика не только в разных землях, но и в разных судебных инстанциях осложнили процесс реабилитации.

Что касается юридического преследования, то наказание виновных в условиях правового государства оказалось практически невозможным. Однако дознания привели к широкому освещению всей карательной системы в ГДР. Возникновение в будущем ностальгических мифов о ГДР стало невозможно. Кроме того, правовое государство продемонстрировало, что основы права действуют также и в отношении бывших врагов.

Игорь Сажин

Льготы репрессированных по исследованию правовой группы Международного «Мемориала»

Тезисы доклада

Игорь
Валентинович
САЖИН –
член Правления
Международного
«Мемориала»

Прежде всего, когда говоришь о льготах, то нужно говорить об их выполнении.

В социальном государстве льготы всегда носят политический характер, потому что государство исходит не из наличия средств на льготы, а из наличия людей, желающих получить льготы. Поэтому приходится лгать. Льготы получают не все, хотя декларируют их широко, особенно накануне выборов. Сюда надо добавить, что закон и исполнение закона (правоприменительная практика) в России – очень далекие друг от друга вещи.

Тем не менее, удаленность требований закона от реально получаемых репрессированными льгот – это вопрос искупления государством своей вины перед своими гражданами, без вины осужденными, без вины наказанными по причине политической конъюнктуры. Тем более что Россия взяла на себя часть вины за репрессии, проводившиеся в СССР.

Для того, чтобы определить, насколько государство искупает в реальности свою вину перед невинными жертвами репрессий, правовая группа Международного «Мемориала» в 2002 году провела исследование.

Что же мы сделали, чтобы узнать о сложившейся правоприменительной практике в Российских регионах в отношении льгот репрессированных?

Правовая группа Международного «Мемориала» обратилась в комиссию по реабилитации при Президенте РФ и предложила членам этой комиссии ряд вопросов по поводу интересующих нас льгот. Кроме этого, ММ обратился в региональные «Мемориалы» с подобным списком вопросов.

Результат: ответ на наш запрос дали не все. Комиссии к данному исследованию отнеслись не совсем добросовестно, но общественные организации оказались еще менее организованными: 10 «Мемориалов» в регионах дали информацию, но очень разрозненную.

Тем не менее, собранные материалы за 2001 год позволили обобщить информацию: о жертвах репрессий, об общих затратах на льготы, о затратах на проезды дальнего следования, на лекарства, на зубопротезирование, на выплаты компенсаций за имущество и сотрудничество региональных комиссий с общественными организациями. Всего в исследовании были представлены более или менее полные материалы по 64 регионам.

По теме «Общие затраты по регионам», а именно самые большие и самые маленькие, а также средние затраты, представление дают следующие цифры: Москва – 5166 руб., Ростов – 19,2 руб. на человека в год. Больше 1000 руб. истратили 18 регионов, больше 500 истратили 17 регионов и 29 регионов истратили меньше 500 руб. В явных аутсайдерах по затратам оказались: меньше 100 рублей – Ленинградская область, Воронеж, Орел, Мордовия, Ростов. В среднем на одного репрессированного истрачено по России 901,2 руб. на все льготы. В РК – 46,3 руб. на одного человека в 2001 году.

Сколько человек воспользовались льготами на проезд дальнего следования, можно понять по следующим цифрам. 55 регионов дали информацию, из которой следует: всего за 2001 год репрессированные воспользовались проездом 24948 раз, или на 1000 репрессированных приходится 45 поездок. В среднем 4,5% репрессированных смогли воспользоваться этой льготой. Но здесь надо учитывать, что некоторые репрессированные пользуются дополнительно льготой по другим законам, например закону о северях. Самое небольшое число поездок относительно числа репрессированных в Кабардино-Балкарии, там воспользовались поездками 0,65%, но там и число жертв репрессий одно из самых небольших. Больше всего репрессированных воспользовались поездками, как ни странно, в Магаданской области и в Республике Коми, там более 18% репрессированных пользовались этой льготой.

Здесь важен и вопрос, как государство оплачивает проезд жертвам репрессий. Опрос общественных организаций выявил, что большая часть репрессированных не может воспользоваться этой льготой, потому что есть постановление правительства о том, что человек, имеющий право на железнодорожную льготу, должен сначала оплатить проезд из своего кармана, а государство компенсирует стоимость проезда в последующем. Но это зачастую очень большие суммы, к тому же государство неохотно возвращает деньги. Выплаты иногда возвращаются репрессированным и через полгода, и через год.

Исследования числа воспользовавшихся льготами на лекарства позволили сделать вывод, что эту льготу приходится рассматривать в контексте информации о количестве раз бесплатного отоваривания лекарствами. Число получивших лекарственную помощь по льготе получается очень низким. В Самарской области оно составило 61% от числа жертв репрессий, в Воронежской области — 0,3%. Вообще по России на 1000 репрессированных получено лекарств по льготе 140 раз. Эта информация была собрана в 37 регионах.

Число воспользовавшихся льготами на зубопротезирование можно понять по следующим данным. Так как исследование было проведено в 44 регионах, то, скорее всего, оно не совсем полное. Тем не менее, здесь можно говорить о числе репрессированных, получивших данную льготу. Самый худший результат по Свердловской области: 0,05% от всего числа репрессированных получили данную льготу, лучший — Удмуртия: 11,5%, РК — 2,9%. Всего на 1000 репрессированных воспользовались льготами на зубопротезирование 12 человек.

Общий вывод из всего исследования был следующим. Льготы репрессированных реализуются на уровне 20–30% от требуемых. Государство не только не делает все возможное для реализации данных льгот, но и создает дополнительные препятствия в доступе к ним. Одной из важных причин этого явления можно считать отсутствие на уровне государства общей идеологической установки на поддержку жертв репрессий. Проще говоря, государство не чувствует своей вины перед своими согражданами, пострадавшими безвинно.

Что намерен ММ сделать для выяснения ситуации с выполнением закона о реабилитации репрессированных? В частности необходимо проведение серьезного мониторинга с использованием всех источников — и официальных, и неофициальных.

Юрий Гаврюсов Законодательное разрешение последствий тоталитарного режима в Российской Федерации

Юрий
Викторович
ГАВРЮСОВ —
председатель
Конституционного
суда
Республики Коми

Тоталитаризм, тоталитарный режим может проявляться в самых различных формах: войны, геноцид, репрессии, произвол органов государственной власти и т.д. Под тоталитаризмом понимается политическая идеология абсолютной власти. Государственный социализм, коммунизм, нацизм, фашизм и мусульманский фундаментализм стали его недавними воплощениями. Тоталитарным называется государство с системой правления, не ограниченной конституционно, или без сдерживания другими силами в обществе. Такое государство не несет ответственности перед обществом в форме свободных выборов и референдумов. Оно использует свою неограниченную власть для контроля всех сторон жизни общества, включая семью, религию, образование, бизнес, частную собственность и социальные отношения.

За тоталитарной системой нетрудно обнаружить произвол со стороны правящей группы, которая использует все средства государства в своих личных целях, заявляя о стремлении к общей цели, и неспособность защитить права и свободы человека. Частью истории нашей страны стал период тоталитарного режима.

Слом тоталитарного режима и переход к демократическому режиму в Российской Федерации обозначился лишь в конце XX века. В бывшей социалистической стране начался процесс формирования свободного гражданского общества на принципах рыночной экономики, демократических политических систем, основанных на идеологическом и политическом плюрализме. Началось строительство правового государства, утверждение принципов уважения прав и свобод человека и гражданина, господства права и закона, формирование конституционализма.

Вместе с тем главной целью любого государства переходного от тоталитарного к демократическому режиму является не столько формальное провозглашение высшей ценностью в государстве прав и свобод человека и гражданина, сколько создание эффективных механизмов реабилитации граждан, пострадавших от государственно-политического произвола и репрессий, реализации конституционных прав и свобод, гарантий предотвращения ущемления прав и свобод человека и гражданина в последующем.

Представляется, что особенно важно в настоящее время для публичной власти признать существование своих общественно-опасных ошибок, осмыслить и исправить их, с целью неповторения их в будущем.

Осмысление и исправление ошибок публичной власти должно строиться на основе следующих положений:

1. Закрепление за одной партией руководящей и направляющей роли в государстве, признание ее ядром общества, провозглашение идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата закономерно вели к массовым политическим репрессиям в стране. Тоталитарный режим, существовавший на правовой основе, подчинял интересы личности государственно-партийным интересам. Если обратиться к анализу уголовно-правовой политики советского государства, то можно прийти к выводу о том, что мотивация преступлений устанавливалась, как правило, исходя из политических соображений, социального происхождения, религиозных убеждений, принадлежности к другим идеологиям, путем не субъективного, а объективного вменения, что было закреплено в нормах уголовного законодательства. В результате государство получало правовые основания для осуществления репрессивной политики против своего же народа, который стал жертвой его политического произвола. При этом уголовно-правовые запреты, а следовательно, и основания привлечения к уголовной ответственности закреплялись не только в уголовном законе (кодексе), но и в иных правовых актах. Другими сло-

вами, в зависимости от политической обстановки в стране, правоприменительные органы были вправе устанавливать самостоятельные составы преступлений и санкции уголовной ответственности. Все это раскрывало огромные возможности для некоторых органов государственной власти осуществлять репрессивные меры против неугодных личностей. В частности, репрессивные меры осуществлялись на основе оперативного приказа народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 10 августа 1937 года. В соответствии с этим приказом подвергались репрессиям жены «изменников родины, члены правотроцкистских шпионских диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1-го августа 1930 года». Подобные акты принимались и в последующем.

Таким образом, памятуя об ошибках прошлого, не повторить их можно, на наш взгляд, лишь при существовании деполитизированной государственной идеологии, идеи, способной объединить граждан, при осуществлении реальных гарантий многопартийной системы в государстве и подлинно демократической уголовной политики, цель которой — в защите, прежде всего, прав и свобод личности.

2. Государство через уголовно-правовые запреты устанавливает те правовые ценности, блага и общественные отношения, которые берутся под его защиту, и те формы поведения, которые на данном этапе развития общественных отношений являются опасными и для государства, и для общества, и для личности. При этом в демократических государствах уголовное право защищает своими специфическими средствами от преступных посягательств, прежде всего, личность, а в тоталитарном государстве на первом месте фактически и юридически стоит безопасность государства, его органов и должностных лиц, на втором — безопасность общества и на последнем — права и свободы личности. Так, в СССР существовало понятие контрреволюционных преступлений в период с 1918-го по 1958-й., впоследствии, с 1958—1960 годов, распространенным стало понятие «государственные преступления», совершаемые по антисоветским мотивам и целям. Появление этого понятия предполагало защиту единственно верной идеологии путем специфических уголовных средств, ведущих к репрессиям. В новом Уголовном Кодексе Российской Федерации 1996 года приоритет отдан личности. При этом приоритет не формальный, а реальный — обеспеченный существующими гарантиями от несправедливого осуждения. На наш взгляд, именно интересы личности должны быть положены в основу уголовно-правовой политики и охраны, так как надежная защита этих интересов, эффективный механизм реализации будут одновременно способствовать и реальной защите общественных и государственных интересов. Это связано, прежде всего, с тем, что в демократических государствах

ственный интерес и заключается в защите личности человека и гражданина.

3. Реабилитация жертв политических репрессий, начавшаяся в 1953 году, осуществляется до настоящего времени медленно, противоречно и мучительно. В 1991 году был принят ряд законодательных актов, направленных на реабилитацию репрессированных: Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля) и Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (18 октября). На основе указанных законов приняты нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по вопросам восстановления прав реабилитированных граждан. Верховный Совет СССР, принимая эти Законы, осудил многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости и официально выразил глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким. Данные нормативные акты детально регламентируют процесс реабилитации, по которому реабилитируются репрессированные народы, жертвы политических репрессий, подвергнутые таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, путем восстановления их в гражданских правах, устранения иных последствий произвола и обеспечения посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба. Лица, которые осуществляли политические репрессии в отношении граждан и вина которых установлена, несут уголовную ответственность в соответствии с действующим уголовным законодательством.

В Республике Коми также созданы и действуют нормативные правовые основы для реабилитации репрессированных граждан: Постановление Верховного Совета Коми ССР от 11 апреля 1991 года «О дополнительных мерах по социальной защите участников Великой Отечественной войны, инвалидов войн, семей погибших воинов, реабилитированных граждан, тружеников тыла». В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 30 марта 1992 года №2610-1 «Об утверждении Положения о комиссиях по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий» в 1996 году была создана Республиканская комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. Главная задача этого органа состоит в том, чтобы оказывать содействие в восстановлении прав реабилитированных жертв политических репрессий, координировать деятельность органов государственной власти Республики Коми, общественных объединений граждан, пострадавших от репрессий, по защите интересов и увековечению памяти жертв политических репрессий.

В Республике Коми осуществляется также реабилитация российских немцев, проживающих на территории Республики Коми, для этого

создаются и реализуются программы социально-экономического и культурного развития возрождения российских немцев. Совместными усилиями государственных органов и общественных организаций, в числе которых общество «Мемориал» и фонд «Покаяние», установлены памятники жертвам политических репрессий в Ухте, Воркуте, Печоре, Сосногорске, Инте, ряде сел и поселков республики. А в ноябре 2000 года в Сыктывкаре открылся республиканский мемориал жертвам политических репрессий, издана книга «Покаяние». За 10 лет (с 1991 года) Прокуратура Республики Коми реабилитировала более одиннадцати с половиной тысяч человек, а Министерство внутренних дел Республики Коми – более 16 тысяч человек.

Ценность демократической правовой государственной политики состоит именно в том, что ее основой является личность человека и гражданина. Молодое поколение не затронули ужасы советского тоталитарного режима, однако мы не должны забывать тяжелых уроков истории и более всего должны ценить человеческую жизнь, а не цели и задачи государства и отдельных должностных лиц.

Владислава Вычугжанина

Отношение местной власти к бывшим заключенным в 1940-е – 1950-е годы на примере города Ухты

Владислава
Вячеславовна
ВЫЧУГЖАНИНА –
студентка
исторического
факультета
Сыктывкарского
государственного
университета

Сегодня внимание значительной части общественности привлечено к вопросу реабилитации жертв политических репрессий. Однако мы бы хотели обратиться к несколько иной проблеме, хронологически и логически предшествующей проблеме официальной реабилитации.

Зачастую с момента освобождения до момента официальной реабилитации проходили годы и даже десятилетия. Выходя на свободу, бывшие заключенные вынуждены были приспосабливаться к жизни в новых условиях. Процесс адаптации в успешном стать чужим и зачастую враждебном обществе зависел от многих факторов. Но одну из решающих ролей здесь играло отношение к таким людям как отдельных людей, так и власти в целом. Естественно, что процесс социальной реабилитации в разное время и в разных местах происходил неодинаково. Но нашей целью будет проследить данный процесс там, где Гулаг и лагерное производство являлось неотъемлемой частью жизни всех без

исключения членов общества, как тех, кто сам прошел через эту систему, так и тех, кто никогда не имел судимости.

Одной из характерных черт городов Республики Коми является то, что большинство из них возникло на месте рабочих поселков, образованных, в свою очередь, вокруг лагерных пунктов. Одним из таких городов является г. Ухта. Именно здесь с 1929 по 1956 год находилось управление одного из наиболее крупных лагерей – Ухто-Печорского (с 1930 года – Ухто-Ижемского) исправительно-трудового лагеря. Именно Ухта стала объектом нашего исследования.

Данное исследование отнюдь не претендует на полный и всесторонний охват проблемы и на объективность сделанных выводов. Оно просто позволяет посмотреть на эту проблему под определенным углом зрения, отраженным, прежде всего, в официальных документах.

В исследовании использованы материалы архивного отдела администрации муниципального образования «Город Ухта». Особый интерес представляют постановления, делопроизводственная и отчетная документация поселкового (городского) Совета за 1939–1950 годы, а также деловая переписка последнего с руководством лагеря и вышестоящими органами власти республиканского и государственного уровня. Кроме того, в работе задействованы документы Национального архива Республики Коми и Коми Государственного Архива общественно-политических движений и формирований, содержащие информацию об Ухто-Печорском (Ухто-Ижемском) исправительно-трудовом лагере.

Долгое время основным населением Чибью были заключенные, а власть осуществлялась органами ОГПУ НКВД СССР в лице лагерного руководства. Однако постепенно с ростом населенного пункта растет и число вольнонаемных рабочих, хотя вплоть до ликвидации Ухто-Ижемского ИТЛ в 1956 году заключенные продолжали составлять подавляющее большинство. Вместе с тем свободное население поселка было неоднородно по своему составу.

Помимо охраны и технического персонала лагеря и вольнонаемных рабочих, не имевших судимости и занятых на производстве, вместе составлявших полноправное свободное население Чибью (Ухты), здесь находилось большое количество неполноправного населения. Значительную его часть составляли колонизованные. Так уже в 1932 году в Чибью было около 500 колонизованных, то есть досрочно-условно освобожденных. В основной своей части это были заключенные, осужденные на политическим и бытовым статьям, которые могли вызвать на место колонизации свои семьи. Осужденных по 58-й статье среди колонизованных было немного, так как для их колонизации требовалось специальное разрешение ОГПУ или Гулага. Среди «политических» колонизации подвергались в основном заключенные-специалисты. Кроме колонизованных в состав «вольного» населения входили также спецпереселенцы.

Помимо этого, число свободного, но неполноправного населения постоянно пополнялось за счет освобождающихся заключенных. Многие из заключенных, особенно осужденных по политическим статьям, были специалистами в различных областях, и руководство лагеря очень активно использовало заключенных-специалистов в производстве и даже в управлении. Естественно, оно делало все, чтобы не дать им после освобождения покинуть Ухту. А многим было попросту некуда ехать. После освобождения они зачастую оставались, занимая те же должности, что и раньше, правда, уже в качестве вольнонаемных. Более того, многие после освобождения официально переходили в штат Управления лагеря, где занимали довольно высокие должности.

В списке Управления Ухтинского комбината за 1949 год из 187 человек 91 имели судимость. Из них 44 осуждены по 58-й статье. Интересно то, что из тех 96 человек, которые не имели судимости, у 37 не было никакой специальности, по крайней мере она по каким-то причинам не отражена в документах. При этом среди судимых без специальности всего 12 человек.

Сроки заключения различны. Среди политических преобладают большие сроки 8–10 лет (чаще 10) с последующим поражением в правах, хотя встречаются и небольшие сроки (по 3–5 лет). По другим статьям преобладают в основном небольшие сроки (3–5 лет).

Бывшие заключенные в Управлении комбината занимали в основном руководящие должности: начальников и заведующих различных отделов и руководителей производства. Кроме того, среди них много лиц с экономическим и инженерно-техническим образованием. Все они находили себе применение и работали чаще всего по своей специальности. Таким образом, можно сказать, что заключенные составляли значительную часть штата Управления Ухтокомбината. Теперь попытаемся выяснить, что это означало в плане реализации политической власти.

Ухта, как и другие населенные пункты, образованные на месте лагерных пунктов, имела свою специфику формирования и развития гражданской власти. Вплоть до 1938 года в поселке не было никаких органов гражданской власти. Полновластным хозяином здесь было Управление Ухтинского комбината, именно оно регулировало все стороны жизни поселка и его населения. Таким образом, занимая руководящие посты в Управлении комбината, бывшие заключенные непосредственным образом были причастны и к власти.

В 1938 году Чибью получил статус рабочего поселка. Зимой 1938–1939 года прошли выборы в поселковый Совет, новосозданный орган гражданской власти. Естественно, что в число депутатов не вошло ни одного человека с судимостью. Не было их и в результате последующих выборов. Единственным исключением, которое удалось обнаружить, был А.Я.Кремс, главный геолог, а позднее заместитель начальника Ухтинского комбината. Однако тут необходимо оговориться. А.Я.Кремс

был досрочно освобожден и официально реабилитирован еще в 1944 году. Впоследствии он не единожды избирался в Горсовет.

Путь в органы муниципальной власти для заключенных был закрыт. Кроме того, многие осужденные по политическим статьям были после освобождения лишены гражданских прав и, следовательно, не могли участвовать в выборах. На первый взгляд, бывшие заключенные перестали принимать участие в делах управления поселком (городом), передав эту функцию органам официальной гражданской власти, к которым они сами не имели доступа. Однако на деле вышло не так.

С самого момента возникновения значительную часть депутатов Совета составляли сотрудники Ухтинского комбината, и в том числе его начальники. Естественно, что в своей работе депутатов эти люди все-таки действовали с оглядкой на интересы Комбината.

Кроме того, само Управление Ухтинского комбината совершенно не собиралось так просто уступать бразды правления поселковому Совету. В официальных документах сохранились многочисленные жалобы поселкового (городского) Совета райисполкому и вышестоящим органам центральной власти об игнорировании отдельными отделами и начальниками лагеря постановлений поселкового Совета. А ведь многие руководящие посты в Управлении занимали, как уже было сказано, бывшие заключенные, и они, как мы видим, вполне свободно и безнаказанно могли попросту игнорировать постановления официальной власти.

Документальные источники не отражают того, как относились к бывшим заключенным в повседневной жизни. Однако отдельные свидетельства позволяют делать некоторые выводы.

Так, например, на одном из заседаний городского Совета рассматривалось дело о правомерности увольнения трех подсобных рабочих из школы на основании того, что они были заключенными. На заседании Малолкома было принято решение о правомерности увольнения и о необходимости предупреждения в будущем повторения подобных ситуаций, то есть привлечения для работы в детских учреждениях заключенных. В этом же году выходит другое постановление, по которому запрещалось принимать заключенных на должность пионервожатых в детские лагеря.

Позиция власти в данных ситуациях совершенно понятна, однако интересно то, что такие ситуации вообще могли возникнуть. Тот факт, что за один год вышло два практически дублирующих друг друга постановления говорит о том, что подобные случаи не были единичными, то есть даже заключенные могли свободно устроиться на работу в гражданские учреждения, а для отбывших срок этот процесс, вероятно все-таки был еще более упрощен.

Подводя итоги, можно сказать, что положение бывших заключенных в отношении к ним не было однозначным. С одной стороны, это были утраченные в правах люди, которых не допускали к участию в офици-

альной гражданской власти, зачастую даже на уровне голосования. С другой стороны, они, будучи ценными специалистами и просто деятельными и одаренными людьми, занимали многие ключевые посты в Управлении Ухтинского комбината, а следовательно, имели в своих руках реальные рычаги управления и огромное влияние на органы муниципальной власти и все процессы, происходившие в Ухте.

Доминик Майер

Преодоление последствий тоталитарного прошлого

Реабилитация жертв тоталитаризма.

Критическое осмысление истории ГДР.

Преодоление последствий

«второй германской диктатуры»:

первые итоги

Доминик
МАЙЕР –
практикант
Фонда
Конрада Аденауэра
(Германия)

Когда общество пытается выработать «правильное» отношение к своему прошлому, критически осмыслить своё «тяжёлое наследие» (преодоление последствий тоталитаризма, «преодоление прошлого» – тема нашего симпозиума), то, как правило, в ходе общественной дискуссии формируются две принципиально противоположные позиции. Суть этих позиций можно выразить, приведя две следующие цитаты:

1) «Когда народ или большая масса людей пятнает себя грехом, то этот грех обычно так и остается неискупленным: ведь нельзя же наказать всех. Поэтому я считаю, что за все совершенное в прошлом людей должен судить Бог, что же касается будущего, то люди должны принять строжайшие меры, дабы прошлое не повторилось» (Папа Римский Иннокентий I).

Противоположное мнение:

2) «От прошлого никуда нельзя скрыться, о нем надо вспоминать... Ничего из того, что было в прошлом, нельзя утаивать, замалчивать. Необходимо вновь и вновь обдумывать прошлое: и далекое, и недавнее» (Л. Копелев).

В своем выступлении я не только хочу выразить свое согласие с позицией Л.Копелева, повторив его слова, но и развить его мысль. Я считаю, что в обществе должен пройти всеохватный процесс, цель которого – преодоление последствий прошлого. По мнению Б.Пампеля, этот процесс должен заключаться

– в стремлении понять суть старой системы, понять, как она возникла, почему функционировала так, а не иначе;

– в оценке позитивных и негативных черт старого режима (что позволит не допустить сохранения старой системы ценностей, возникновения легенд и мифов о старом режиме);

– в определении степени ответственности тех, на ком держался старый режим (необходимо поименно назвать как главных преступников, так и их пособников, осудить виновных и реабилитировать невинных) (см.: [Rampel, 1995]).

Поскольку Сыктывкар находится достаточно далеко от Германии, где сейчас, собственно, и идет дискуссия о возможностях преодоления последствий «второй германской диктатуры», а также поскольку я должен быть краток, то я лишь в общих чертах расскажу о том, какие же последствия сорокалетней диктатуры СЕПГ следует преодолеть.

Далее я хотел бы остановиться на первых итогах преодоления последствий «второй германской диктатуры». Поскольку правовые и морально-этические аспекты «преодоления прошлого» тесно связаны между собой и при их рассмотрении необходимо учитывать общественный резонанс, вызванный преодолением последствий тоталитаризма, я предложу комплексный анализ.

В конце доклада мне хотелось бы остановиться на возможностях сравнения процессов преодоления тоталитарного прошлого, идущих в объединенной Германии и в Российской Федерации, а также показать границы этих возможностей.

Что необходимо критически осмыслить? Какие последствия тоталитаризма нужно преодолеть?

Последствия репрессий, проводившихся во времена «второй германской диктатуры»

Нет необходимости подробно рассказывать о научной дискуссии вокруг тоталитарного прошлого ГДР – страны, где не признавались такие ценности, как либерализм, терпимость, парламентская демократия.

Хотя эта дискуссия характеризуется тем, что ее участники по-разному используют те или иные понятия, выводы не могут не быть достаточно определенными: политическая система, построенная на принципе однопартийности, система, не предполагавшая разделения властей (в ГДР господствовал принцип «демократического централизма»), система, в рамках которой интересы политики ставились выше правозначимых ценностей, система, которая не допускала существования оппозиции и ограничивала свободу прессы, свободу слова¹, а также свободу экономических процессов и процессов, происходивших в обществе, в сфере культуры, может рассматриваться как система, которая была противоположна на ценностях, принципиально противоположных ценностям демократического правового государства.

Власть в ГДР держалась на двух столпах: политическая тайная полиция (МГБ) и юстиция (в первую очередь уголовная). Деятельность МГБ и органов юстиции нанесла гражданам ГДР наибольший ущерб. Размер этого ущерба подчас трудно определить, ибо пострадавшим были причинены не только физические, но и душевные страдания, эти люди в ряде случаев также потеряли свой социальный статус.

Необходимо упомянуть, что понятие «жертва» ассоциируется, как правило, в первую очередь с пассивностью и страданиями. Однако многие жертвы тоталитаризма не согласны с таким видением. В то же время оно исключает всех без исключения лиц, ставших жертвами тоталитарного режима, рассматривать как оппозиционеров:

«Но все лица, ставшие жертвами режима, были изначально оппозиционерами. Некоторые стали жертвами тоталитаризма лишь в результате того, что они подверглись репрессиям и дискриминации, а некоторые так и остались приверженцами социализма (коммунизма), даже став жертвами диктатуры» [Schweizer, 1999].

Жертвы тоталитаризма

Нам придется хотя бы в общих чертах представить себе, в каких условиях жили люди в бывшей ГДР, какие у них были шансы и возможности, а затем сравнить эту картину с картиной, отражающей жизнь, возможности и шансы гражданина государства, свободного от диктатуры. Если считать, что жертва режима – это лицо, пострадавшее от режима (я не разъясняю подробно это понятие), то можно выделить не только категории жертв тоталитарного режима:

– лица, пострадавшие при попытке пересечь границу между ГДР и ФРГ (по данным находящегося в городе Зальцгиттере Ведомства по

¹ См. ст.27 (абзац 2) Конституции ГДР («Свобода прессы и свобода слова гарантируются в соответствии с принципами Конституции») и §106 УК ГДР («Подстрекательство к антигосударственным действиям»).

учёту нарушений законности, допущенных в ГДР, всего при попытке пересечь границу были убиты 274 человека и ранены 700 человек),

– лица, которые были по политическим мотивам приговорены к смертной казни или лишению свободы (по данным Ведомства по учёту нарушений законности, допущенных в ГДР, в период с 1961 по 1990 год вынесено около 31000 политически мотивированных судебных решений),

– лица, в принудительном порядке выселенные с приграничных территорий,

– лица, потерявшие свое имущество,

– лица, которым по политическим мотивам было отказано в праве на получение профессионального образования или на продолжение профессионального образования,

и (не в последнюю очередь)

– лица, за которыми была установлена тайная слежка.

Предложенная классификация является, конечно, примерной и не полной, но уже на основании ее можно сделать вывод о том, что преступления, совершённые в период тоталитаризма, привели к возникновению целого ряда серьёзных правовых последствий. Так, например, лица, пострадавшие в период тоталитаризма, или их наследники могут требовать восстановления в правах собственности, а также компенсации материального и морального ущерба. Поэтому было необходимо решить некоторые юридические вопросы, о чём и пойдёт речь ниже.

О некоторых аспектах процесса преодоления последствий тоталитаризма

Юридический аспект проблемы

Говоря о правовых проблемах, которые предстояло решить объединённой Германии в связи с преодолением последствий тоталитаризма, можно выделить три комплекса проблем:

1. Определение порядка восстановления прав собственности и порядка выплаты компенсации бывшим собственникам;

2. Реабилитация лиц, репрессированных по политическим мотивам;

3. Наказание преступников.

В Германии после 1990 года появилась возможность использовать данные, собранные специальными учреждениями, созданными в ФРГ еще до объединения Германии, например, данные Ведомства по учёту нарушений законности, допущенных в ГДР. Это ведомство с 1961 года регистрировало все «инциденты» на германо-германской границе, чтобы обеспечить возможность рано или поздно (после объединения Гер-

мании) наказать виновных. Кроме того, деятельность этого ведомства должна была стать своеобразным «сдерживающим фактором», способствующим предотвращению новых преступлений. Однако после объединения Германии возникла необходимость в создании новых ведомств. Например, были созданы Ведомство по расследованию преступлений, совершённых членами правительства и официальными лицами ГДР, и преступлений, совершённых в связи с объединением Германии, Ведомство федерального уполномоченного по работе с архивами Министерства государственной безопасности, Попечительское ведомство (Ведомство по доверительному управлению имуществом бывшей ГДР).

Восстановление прав собственности, компенсация материального ущерба

В ноябре 1992 года вступил в силу Закон о мерах по устранению последствий нарушений норм права, допущенных в период правления ГДР. Именно принятие этого закона в значительной мере способствовало процессу реабилитации жертв тоталитарного режима, восстановлению их в имущественных правах и решению вопросов, связанных с выплатой им компенсаций.

Так, например, приговоры, вынесенные заочно (в порядке упрощённого судопроизводства), и ордера на арест проверялись на предмет соответствия этих актов принципам правового государства (справедливость, обеспечение правовой определенности, соразмерность). Возможность реабилитации жертв появилась благодаря принятию ряда мер. В их числе были следующие:

– снятие судимости с лиц, в отношении которых были вынесены неоправданные приговоры;

– возвращение конфискованного имущества или выплата соответствующей компенсации;

– возвращение жертвам тоталитарного режима сумм, уплаченных в свое время в качестве штрафов, компенсация других расходов, которые понесли эти лица (при этом использовался курс 2 марки ГДР = 1 марка ФРГ);

– выплата единовременных социальных пособий (компенсаций за незаконное лишение свободы), а также дополнительные социальные выплаты (до 8000 марок ежегодно) и специальные выплаты лицам, находившимся в заключении, или членам их семей в случае, если здоровью заключённых был нанесен ущерб;

– перерасчет пенсии лицам, которые были незаконно лишены свободы (перерасчет осуществлялся с учётом того, что эти лица в период заключения не могли платить взносы в пенсионный фонд).

К 1995 году было подано 130000 заявлений об уголовно-правовой реабилитации – все поданные заявления на сегодняшний день уже рас-

смотрены. Общая сумма компенсаций, которые подлежали выплате в этой связи, составила 2 миллиарда немецких марок.

Необходимо также упомянуть, что дискуссия об уголовно-правовой реабилитации жертв тоталитаризма вскоре после её начала отошла на второй план. Первостепенное значение приобрела дискуссия о поиске социально приемлемого компромисса, с помощью которого можно было бы урегулировать так называемые «нерешённые имущественные вопросы», то есть вопросы, связанные с восстановлением прав собственности на объекты недвижимости, находящиеся на территории ГДР. Дело в том, что, с одной стороны, есть лица, имевшие до образования ГДР собственность в Восточной Германии, но проживавшие после образования ГДР в Западной Германии, с другой стороны, есть лица, которые по законам ГДР получили право собственности на эти имущественные объекты. Возникшие в этой связи вопросы были решены следующим образом. В Германии был введён в действие принцип, согласно которому собственность, как правило, возвращалась бывшему собственнику (денежная компенсация выплачивалась лишь в тех случаях, когда реституция была невозможна). Кроме того, было установлено, что решения об экспроприации собственности, принятые в период с 1945 по 1949 год, пересмотру не подлежат².

Привлечение виновных к уголовной ответственности

Общественная дискуссия о необходимости привлечь к ответственности членов правительства бывшей ГДР, виновных в нарушении закона, была не менее острой, чем дискуссия о восстановлении прав бывших собственников. Некоторые, например, не считали, что наказание виновных станет актом правосудия: ведь суд будут вершить победители, а «победителей не судят — судят побеждённых». (В этой связи использовалось даже выражение «уголовно-правовой империализм»). Но были также и те, кто, по выражению правозащитницы из ГДР Б.Боли, «хотели справедливости, а получили правовое государство».

Однако как раз применение в правосудии принципов правового государства³, согласно которым вина обвиняемого должна быть доказана

² См. «Закон о порядке урегулирования нерешённых имущественных вопросов»: «Если возвращение собственности невозможно по социальным, экономическим или просто по объективным причинам или же если нынешний владелец является добросовестным приобретателем права собственности или права пользования объектом имущества, то, исходя из социальных соображений, следует отдать предпочтение сохранению сложившихся, а не восстановлению существовавших ранее имущественных отношений. Бывший собственник в таком случае имеет право на материальную компенсацию».

³ Правовое государство — это «государство, которое считает своей обязанностью обеспечивать соблюдение норм права, само обязуется действовать в соответствии с нормами права и прежде всего соблюдать основные права человека, а также принцип соразмерности» (Schroeder, 1995).

и закон обратной силы не имеет⁴, а также споры, вызванные тем, что виновные могли быть осуждены как в соответствии с нормами права ГДР, так и в соответствии с нормами права ФРГ (в конкретном случае применялись более мягкие нормы права), привели к тому, что мнения по вопросу о том, удалось ли наказать виновных по справедливости, разделились.

Так, например, сначала большинство граждан поддерживало уголовное преследование бывших членов правительства ГДР (79% населения в Восточной Германии и 87% — в Западной Германии). Когда же стало известно, что некоторые из них были прекращены в связи с состоянием их здоровья, то обществом этот шаг был расценен неоднозначно. Именно тогда стало очевидно, что возможности правового государства привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении закона, допущенных во времена диктатуры, весьма ограничены⁵. Для иллюстрации этого тезиса можно привести несколько цифр.

Так, например, Берлинская прокуратура №2, которой было поручено расследование нарушений законности в бывшей ГДР, к 1998 году возбудила 20000 уголовных дел, но лишь только в 432 случаях подозреваемым было предъявлено обвинение. Большинство дел было закрыто по разным причинам (например, смерть подозреваемого/обвиняемого или состояние здоровья, не позволяющее обвиняемому участвовать в судебном разбирательстве).

«Ограниченность» возможностей правового государства проявилась также

1) при попытках привлечь к ответственности судей, работавших в ГДР и выносивших заведомо неправосудные решения (ведь необходимо было в каждом конкретном случае доказать наличие умысла⁶),

⁴ Статья 103 (абзац. 2) Основного Закона Германии гласит: «Гражданин может быть привлечён к уголовной ответственности, только если уголовная ответственность за совершённое им деяние была установлена законом ещё до совершения данного деяния».

⁵ Однако ст.7 (пункт 2) Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод в некоторой степени ограничивает действие этого принципа: «Настоящая статья не препятствует осуждению и наказанию любого лица за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

⁶ См.: Wassermann R.: Sind politische Verbrechen justiziabel? Möglichkeiten und Grenzen des Strafrechts // Eine Diktatur vor Gericht: Aufarbeitung von SED-Unrecht durch die Justiz / Hg.: J.Weber, München; Landsberg am Lech: Olzog, 1995. S.21–36. Вассерманн исходит из принципов правового права, согласно которым ГДР, как и любое государство, могла определять содержание действующих в стране норм права. Некоторые, например, Radbruch (1946), считают, что может быть только «формально узаконенное беззаконие». Нормы позитивного права, устанавливающие такое беззаконие, не могут считаться действующими, ибо в таких случаях следует исходить из «высших» правовых принципов, имеющих приоритет перед позитивным правом.

Люддерсен (Lüddersen) занял компромиссную позицию. Он считает, что просто надо следовать букве законов ГДР.

Вынесение заведомо неправосудного решения по законам ГДР считалось преступлением по ст.244 УК ГДР. Федеральный верховный суд в 1993 году постановил: судью можно привлечь к

2) в процессе дискуссии по вопросу о наказании пограничников, которые в соответствии с полученным ими приказом стреляли по перебежчикам,

и в других случаях⁷.

Необходимо также упомянуть, что в ГДР совершалось бесчисленное множество и других актов насилия (в том числе и преступных деяний), которые вряд ли возможно учесть. Виновные в этих деяниях не могут быть привлечены к ответственности. Имеются в виду, например, длившиеся десятилетиями притеснения граждан, «промывание мозгов» при помощи средств пропаганды, действия, направленные на то, чтобы превратить человека в послушный инструмент, действия, призванные воспрепятствовать свободному раскрытию личности, подавление свободы слова. Многие граждане ГДР утратили жизненные перспективы, потеряли доверие к своему правительству и своему государству.

Таким образом, преступления, за которые не может наказать правосудие, должны быть проанализированы социологами, осмыслены в общественном, историческом, морально-этическом контексте.

Морально-этический аспект проблемы.

Общественный резонанс, вызванный преодолением последствий тоталитаризма

«Социальный и морально-этический аспекты "преодоления прошлого" предполагают не только осознание и понимание каждым виновным своей вины, выражающейся в содеянном, в непротивлении преступным деяниям, в бездействии, и принятие этой вины как данности. Необходимо осознать, понять, принять как данность вину общества в целом» [Schweizer, 1998]

В своем выступлении я могу лишь в общих чертах обрисовать круг задач, связанных с осмыслением прошлого с социальной и морально-этической точек зрения, — задач, которые приобрели актуальность после краха диктаторского режима в ГДР.

Сегодня, спустя почти 14 лет после падения Берлинской стены, крайне важно, чтобы всё германское общество имело неограниченный доступ к информации о тоталитарном прошлом, могло участвовать в анализе проблем, возникающих в связи с преодолением последствий

уголовной ответственности лишь в том случае, если совершенно очевидно, что вынесенное им решение нарушает нормы права, если это решение настолько грубо нарушает права других лиц (права человека), что оно может считаться актом произвола.

⁷ Согласно решению Федерального верховного суда, вынесенному в 1992 году и имеющему прецедентный характер для соответствующей категории дел, «стрельба на поражение по безоружным перебежчикам, действия которых не представляли угрозы чьему-либо здоровью или чьей-либо жизни», была признана нарушением прав человека, зафиксированных в законах ГДР, и следовательно, нарушением закона.

тоталитаризма, чтобы граждане Германии избавились от образа врага. Необходимо — и это особенно важно — всячески содействовать формированию у наших соотечественников исторического сознания⁸, которое станет мощным противоядием от исторических мифов и «востальгии» — ностальгии по реалиям социалистической Восточной Германии.

Ведь до сих пор можно очень часто встретить людей, не видящих необходимости в преодолении последствий тоталитаризма. Особенно много таких людей в Восточной Германии. Ведь, по мнению Л.Фрице, человек, живший в ГДР в условиях «реального социализма», <...> никуда не воспринимал житейские будни как ад. Однако «дьявольской» была политическая система, при помощи которой, даже не меняя ее сути, в любой момент можно было жизнь всего общества превратить в ад» [Fritze, 1997].

Утвердить эту мысль в общественном сознании и создать условия для широкой дискуссии было и остается одной из задач организаций, призванных помочь обществу осмыслить суть «преодоления прошлого» не только с морально-этической точки зрения. В первую очередь этим должны были заниматься и занимаются до сих пор

- научно-исследовательские учреждения (например, Фонд по анализу последствий деятельности диктаторского режима СЕПГ⁹);
- специальная комиссия Бундестага по изучению истории ГДР и ФРГ и последствий диктатуры СЕПГ (1992–1994 год);
- Ведомство федерального уполномоченного по работе с архивами Министерства государственной безопасности бывшей ГДР, а также объединения лиц, ставших жертвами режима.

Открытие архивов Министерства государственной безопасности.

Роль Ведомства федерального уполномоченного по работе с архивами МГБ

Неудивительно, что в обществе сформировались два противоположных мнения относительно того, как следует поступить с архивом МГБ (эту организацию немцы называли также «Штази»¹⁰) и содержащийся в нем информацией. Одни (например, г-н Гаук, руководитель Ве-

⁸ Имеется в виду «...способность человека осмысливать события собственной жизни в историческом, политическом и общественном контексте. Индивидуум критически оценивает свою позицию по разным вопросам, соотнося её с историческими событиями и социальным контекстом» (Loh 1996 S.339).

⁹ Например, научный отдел Ведомства федерального уполномоченного по исследованию архивов МГБ, Центр исследований по новейшей истории (Потодам), Институт исследования тоталитаризма им. Ханни Арендт (Дрезден), Исследовательский центр при мемориале, посвященном жертвам нацизма, пострадавших в результате разделения Германии (Берлин), музей в селе Медларойт, посвященный истории ГДР и ФРГ.

¹⁰ Аббревиатура «Штази» составлена из начальных букв немецких слов, объединенных в единое слово со значением «государственная безопасность».

домства федерального уполномоченного по работе с архивами МГБ) считали, что открытие архивов «отрезвит некоторых, испытывающих ностальгию по ГДР», другие же полагали, что не следует открывать архивы, так как это якобы может нарушить гражданский мир в стране.

Доступ к архивам МГБ для учёных и общественности был открыт в значительной мере благодаря активной позиции правозащитников ГДР, которые последовательно отстаивали свою точку зрения. В ноябре 1989 года они заняли здание МГБ и не покидали его до декабря. Таким образом они предотвратили запланированное уничтожение архивов. Правозащитники ГДР с самого начала задались целью не допустить дальнейшего использования архивных данных в преступных целях, они стремились получить информацию о структуре и деятельности МГБ и – что было особенно важно – добиться реабилитации жертв тоталитарного режима.

В октябре 1990 года Народная палата бывшей ГДР¹¹ наконец назначила специального федерального уполномоченного по работе с архивами МГБ. Им стал г-н Гаук. Таким образом был создан институт, который продолжил свое существование и после объединения Германии и функции которого были четко определены законом, изданным уже парламентом объединенной Германии, – Законом об архивах Министерства государственной безопасности бывшей ГДР.

Сегодня задачами Ведомства федерального уполномоченного по работе с архивами МГБ являются анализ деятельности МГБ с исторической, политической и правовой точек зрения, обеспечение интересов жертв тоталитарного режима путем предоставления им доступа к архивам (ведь содержащиеся в архивах документы могут дать людям возможность добиться реабилитации, получить материальную компенсацию) и информирование общественности о деятельности МГБ на основе данных, полученных в результате исторического анализа.

К тому же лица, проводившие репрессивную политику в жизнь и совершившие при этом преступления, должны быть навсегда отстранены от работы во властных структурах. Выявление таких лиц проводится Ведомством федерального уполномоченного по работе с архивами МГБ. К примеру, была проведена проверка деятельности депутатов, работающих в местных представительных органах власти, а также проверка деятельности государственных и муниципальных служащих, имеется возможность проверки деятельности депутатов Бундестага (при наличии решения Бундестага, принятого абсолютным большинством голосов).

¹¹ Ещё раньше, 24 августа 1990 года, был принят Закон об обеспечении сохранности и использовании персональных данных, содержащихся в документах бывшего Министерства государственной безопасности (Ведомства по национальной безопасности).

По результатам проверки архивных данных было принято решение об увольнении примерно 1–2% лиц, работавших в бывшей ГДР на государственной и муниципальной службе¹², поскольку эти лица запятнали себя активным осуществлением репрессивных мер.

Несмотря на то, что архивы были открыты почти 15 лет назад, ещё не все материалы изучены (из всех документов, хранящихся в архивах, могла бы получиться стопка высотой 139 км). Да и интерес к архивным документам, похоже, не угасает – еще в 2001 году от граждан ежемесячно поступало 10000 заявлений о предоставлении доступа к архивным материалам.

Споры о том, как поступить с открытыми архивами (о чем шла речь в начале этого раздела), в настоящее время закончились. Впрочем, начались дискуссии о возможности предоставления учёным и работникам СМИ доступа к протоколам, бесед, которые вели известные лица, сыгравшие важную роль в новейшей истории, в т.ч. политики и должностные лица (эти беседы прослушивались органами МГБ, после чего составлялись соответствующие протоколы).

Осмысление опыта прошлого всегда требует взвешенного подхода, необходимо найти баланс между обеспечением права граждан на получение информации и права каждого человека на невмешательство в его личную жизнь.

Объединения лиц, ставших жертвами тоталитарного режима

Организации, которые в большинстве своем являются членами Союза ассоциаций жертв коммунистической тирании, конечно, являются представительными организациями (например, Союз жертв сталинских репрессий объединяет 200000 членов), но их деятельность недостаточно широко освещается средствами массовой информации.

Это (наряду с другими фактами) свидетельствует о том, что и в Германии критическое осмысление прошлого не всегда идёт так, как хотелось бы.

Нужно сравнивать, но не все сравнимо

«В Германии состоялись судебные процессы, были проведены чистки и созданы комиссии, которые должны были установить истину. К тому же осуществлена система мер, позволивших открыть для всеобщего ознакомления архивы тайной полиции. Любой желающий может получить полную информацию обо всех мерах, принятых в отношении не-

¹² Необходимо отметить следующее: пока не выяснен род занятий 339000 человек, входивших в штатный аппарат ГДР; некоторые уволенные выиграли судебные процессы в судах – трудным спорам; некоторые предприятия в настоящее время контролируются кланами, состоящими из бывших членов СЕПГ...

го тайной полицией. Он может также узнать, что по его вине произошло с другими людьми. Подобные меры не имеют прецедента в истории» [Ash, 1997]

В заключительной части своего доклада я хотел бы сравнить то, как проходят процессы преодоления социалистического прошлого в Германии и в других странах (прежде всего в Российской Федерации). В то же время хотелось бы указать на то, что любое сравнение всегда будет в некоторой степени условным.

Можно констатировать, что процесс преодоления последствий тоталитаризма, начавшийся в Федеративной Республике Германия в 1989 году, часто сравнивают с процессом денацификации, который начался в Германии после 1945 года. (Возникло даже словечко «дештазификация»). Однако до сих пор научные исследования, в которых сравнивались бы процессы преодоления последствий тоталитаризма, проходящие в бывших «братских странах социалистического лагеря», крайне малочисленны.

Дело, конечно же, не в том, что в некоторых языках нет эквивалента немецкого выражения «Vergangenheitsbewältigung» («преодоление прошлого»). Важны различия в концептуальных подходах. На этих различиях я кратко остановлюсь ниже. (Наличие различных подходов осложняет проведение параллелей между разными странами.)

Проблема не только в том, что политические системы бывших социалистических государств различались. Трансформационные процессы в Германии и, скажем, в России протекали по-разному: в период трансформации разные государства во главу угла ставили разные проблемы. В то время как в Германии очень скоро на первый план вышли проблемы, связанные с интеграцией новых земель в сложившуюся систему государственного и общественного устройства, в России первоочередной задачей была перестройка всего государственного и общественного строя. Решение этой задачи сопровождалось возникновением огромных проблем. Мы можем сформулировать изложенную выше мысль в упрощённой форме: в то время, когда Германия объединялась, шёл процесс распада Советского Союза. Б.Фауленбах подчёркивал: «Полноценное „преодоление прошлого“ было бы невозможно, если бы не было структур, возникших в результате объединения Германии» [Faullenbach, 1999].

Итак, процесс преодоления последствий тоталитаризма шёл в разных государствах по-разному, это было совершенно очевидно. Разными были институциональные основы этого процесса, различными были и финансовые затраты на эти цели. Однако есть всё же некоторые инвариантные характеристики процессов «преодоления прошлого», проходящих в разных странах.

Суть этих процессов заключается в поиске ответов на следующие вопросы:

— Когда приспособление к внешним условиям уже перестаёт быть таковым и становится преступлением? Где проходит граница между невиновностью и виной конкретного лица?

— Как сочетать осуществление справедливого возмездия и ставшую необходимой в новых условиях социальную интеграцию лиц, сотрудничавших со старым режимом? (По данным Ю.Фергау, как минимум 1% населения бывшей ГДР довольно активно сотрудничали с МГБ, выступая в качестве осведомителей.)

И, наконец, что поставить во главу угла: защиту интересов жертв или же привлечение преступников к ответственности?

Не надо забывать, что грядущие поколения будут давать свою оценку происходящему сегодня в России и Германии процессу «преодоления прошлого». Прежде всего надо выяснить, удалось ли выявить все негативные стороны старого режима и устранить «белые пятна» в истории, сохранились ли представления о некоем «идеальном социализме», суть которого якобы просто была извращена... И — что особенно важно — можно ответить на вопрос: помог ли нам процесс преодоления последствий тоталитаризма справиться с трудностями, с которыми мы сталкиваемся в настоящем?

Библиография

[Hahrendt, 1999]:

Hahrendt L.-D. Mittel und Methoden der Vergangenheitsbewältigung // Auf den Kehrighaufen der Geschichte? Der Umgang mit der sozialistischen Vergangenheit / Hg.: de Keghel I., Maier R. Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, 1999. S.27–34.

[Bundesbeauftragte... 2001]:

Bundesbeauftragte für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik: Fünfter Tätigkeitsbericht. Berlin, 2001.

[Grabkin, 1999]:

Grabkin J.S. Formen und Probleme des Umgangs mit der Vergangenheit aus russischer Sicht // Russland und Deutschland auf dem Weg zum antitotalitären Konsens / Hg.: L.Kühnhardt, A.Tschurbarjan. Baden-Baden: «Nomos», 1999. S.19–30.

[Faullenbach, 1999]:

Faullenbach B. Die Auseinandersetzung mit der kommunistischen Vergangenheit in vergleichender Perspektive // Auf den Kehrighaufen der Geschichte? Der Umgang mit der sozialistischen Vergangenheit / Hg.: de I.Keghel, R.Maier Hannover: Verlag Hahnsche Buchhandlung, 1999. S.13–27.

[Henke, 1995]:

Henke K.D. Aus der Geschichte lernen? Politische Säuberungen in historischer Sicht // Eine Diktatur vor Gericht: Aufarbeitung von SED-Unrecht durch die Justiz / Hg.: J.Weber, M.Piazolo. München; Landsberg am Lech: «Olzog», 1995. S.37–49.

[Hoffmann, 1992]:

Hoffmann C. Stunden Null? Vergangenheitsbewältigung in Deutschland 1945 und 1989. Bonn; Berlin: «Bouvier», 1992.

[Schweizer, 1999]:

Schweizer K. Möglichkeiten und Schwierigkeiten der Vergangenheitsbewältigung // Opfer und Täter im SED-Staat / Hg.: L.Mertens, D.Voigt. Berlin: Duncker & Humblot, 1998. S.11–40.

[Schweizer, 1999]:

Schweizer K. Täter und Opfer in der DDR: Vergangenheitsbewältigung nach der zweiten deutschen Diktatur. Münster: Lit., 1999.

[Vergau, 2000]:

Vergau J. Aufarbeitung von Vergangenheit vor und nach 1989. Eine Analyse des Umgangs mit historischen Hypothesen totalitärer Diktaturen in Deutschland. Marburg: Tectum, 2000.

[Wassermann, 1995]:

Wassermann R. Sind politische Verbrechen justitiabel? Möglichkeiten und Grenzen des Strafrechts // Eine Diktatur vor Gericht: Aufarbeitung von SED-Unrecht durch die Justiz / Hg.: J.Weber, M.Piazolo. München; Landsberg am Lech: «Olzog», 1995. S.21–36.

[Weber, Piazolo, 1995]:

Weber J., Piazolo M. Vergangenheitsbewältigung als Aufgabe der Justiz // Eine Diktatur vor Gericht: Aufarbeitung von SED-Unrecht durch die Justiz / Hg.: J.Weber, M.Piazolo. München; Landsberg am Lech: «Olzog», 1995. S.9–20.

Ирина Флиге

После закона о реабилитации: трансформация общественного сознания

Ирина
Анатольевна
ФЛИГЕ –
директор
Санкт-
Петербургского НИЦ
«Мемориал»

Со времени принятия Закона «о реабилитации жертв политических репрессий» прошло 12 лет. Ушли в прошлое споры о том, каким должен был быть закон о реабилитации и чем он не стал, сегодня закон о реабилитации – данность. Окончилась посткоммунистическая эпоха 1990-х, мы вступили в новую реальность, и настало время подвести итоги. Пора проанализировать как юридические, так и исторические аспекты этого закона – практически единственного юридического акта, в котором проявлены государственные политические и моральные оценки репрессий советского периода¹. Что дал людям, стране Закон от 18.10.1991, как он повлиял на понимание прошлого и на формирование общественно-политического пространства совре-

¹ Указы Президента России от 23.08, 25.08. и 06.11.1991 о деятельности КПСС не стали юридическим основанием к переходу в новую историческую эпоху, не в последнюю очередь – из-за решения Конституционного Суда от 30 ноября 1992 года по проверке их законности, резко ограничившего возможности практического применения этих Указов и аннулировавшего их правовое значение. Характерно, что одновременно, уже даже без рассмотрения вопроса о его «законности», была фактически прекращена реализация еще одного «августовского» Указа, имеющего самое непосредственное отношение к исторической памяти – Указа от 23 августа 1991 года о передаче на государственное хранение архивов КГБ и КПСС.

менной России, как отразился на культуре памяти и что сделал для преодоления наследия ГУЛАГа?

Отметим для начала одну примечательную особенность Закона о реабилитации: он находится вне современного уголовного и процессуального права, никак не вписан в его контекст и не увязан с другими действующими нормами, т.е. несет в себе черты чрезвычайного законодательства, сродни «указам» и «постановлениям». Именно эта чрезвычайность, или особость Закона о реабилитации позволяет обратить внимание на его *символический* (идеологический) смысл, и рассматривать принятие Закона как знаковое событие, ничуть не менее, а может быть, и более значимое, чем события августа 1991 года, как акт, во многом определивший всю последующую за ним эпоху.

Закон 1991 года принципиально отличается от предыдущих реабилитационных актов 1950–1980-х годов, равно как и от концепции реабилитации, заложенной в уголовно-процессуальном кодексе, тем, что, в отличие от этих правовых норм, он обеспечивает переход от индивидуальной или групповой реабилитации к массовой. Процесс реабилитации трактуется в нем не как исправление судебной ошибки (ошибка всегда индивидуальна), а как признание политических репрессий советской власти инструментом государственного террора, ныне осуждаемого. В преамбуле закона отмечается, что за годы советской власти «миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства»², а также «подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам». При этом Закон не различает понятия «произвол» и «репрессии за политические убеждения», но он в чрезвычайном порядке осуждает и то, и другое как действия, «несовместимые с идеей права и справедливости»³.

Тем не менее, это не означает, что Закон от 18 октября 1991 года объявляет «многолетний террор и массовые преследования своего народа», проводившиеся советской властью, преступлением. Также в Законе не назван и *субъект преступления* (если не считать таковым абстрактное «тоталитарное государство»). В тексте Закона нет никаких правовых решений, касающихся лиц, организаций и ведомств, причастных к «многолетнему террору и массовым преследованиям своего на-

рода» (о «чужих» народах в Законе речи нет). Закон не предлагает ни «массово осудить» конкретных организаторов и исполнителей, ни всех их амнистировать, ни объявить их, подобно их жертвам, невиновными. Он не рассматривает вопрос о ведомствах, являвшихся инструментами террора, не объявляет их, подобно Нюрнбергскому трибуналу, преступными организациями, но и не опровергает утверждения об их преступности. Закон не вводит для сотрудников этих ведомств и активных членов этих организаций никаких процедур, подобных процедуре «денацификации», осуществлявшейся Контрольным союзным советом в послевоенной Германии, но и не декларирует ненужность подобных процедур. Он не предлагает никаких люстрационных мер, подобных тем, которые были осуществлены в некоторых странах посткоммунистической Восточной Европы, — ни жестких, ни мягких, вообще никаких, — но и не говорит о ненужности или неправовом характере таких мер. Вопрос о виновных в массовых преступлениях обходится молчанием. Единственное отступление содержится в ст. 18: «Признанные в установленном порядке виновными в преступлениях против правосудия работники органов ВЧК, ГПУ—ОГПУ, УНКВД—НКВД, МГБ, прокуратуры, судьи, члены комиссии „особых совещаний“, „двоек“, „троек“, работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, лица, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства». Это также единственное место, где Закон о реабилитации отсылает к действующему уголовному праву, то есть, теряет свой «чрезвычайный» характер.

Таким образом, Закон утверждает, что массовые репрессии были, а массовых преступлений против правосудия и законности не было. А если какие-то преступления и совершались, то лишь в индивидуальном порядке.

Еще одно знаковое отличие Закона от реабилитационных актов предшествующего периода — это характеристика самих репрессий. Закон определяет их не юридическим, а скорее оценочным термином — «необоснованные», что заведомо является шагом назад по сравнению с формулировками 1950–1980-х годов, где они названы «незаконными», и что, в свою очередь, позволяет развернуть схоластический спор о законности необоснованных репрессий: существуют ли «обоснованные» политические репрессии и чем они могут быть обоснованы (ясно, что не законом, иначе незачем было бы уходить от термина «незаконные»). Может быть, политической целесообразностью?

Характеристика репрессий как «необоснованных» возникает не случайно: она — естественное логическое следствие попытки *определить и вписать процесс массовой реабилитации, не выходя из рамок советской правовой традиции и приоритетов советской политической мысли*. Текст Закона свидетельствует о сохранении верности этим тра-

² Здесь и далее цит. по тексту ФЗ № 1761-1 от 18.10.1991 в редакции от 24.12.2002 № 176-ФЗ.

³ Отметим важную смысловую оговорку Закона — «восстановление их [жертв политических репрессий] в гражданских правах», которая содержит признание того факта, что действие репрессии как таковой не прекращалось ни после освобождения, ни после получения реабилитации 50–80-х годов, а продолжалось как минимум до 1991 года, года принятия действующего Закона. Но практические выводы из этого, несомненно верного утверждения, в Законе отсутствуют, и все предусмотренные ст. 16 льготы и компенсации, а также признание несовершеннолетних детей репрессированных родителей пострадавшими (а в редакции 2000 года — жертвами) ограничиваются «датой окончания репрессии», которой по-прежнему считается конец лагерного срока или освобождение из ссылки.

дициям. Так, в нем отчетливо просматривается ранжирование составов обвинения по критерию «безусловности» реабилитации, и те категории, которые, с точки зрения Закона, занимают в этой иерархии наиболее престижные места (ст. 58-10 и родственные ей нормы), реабилитируются самым неправовым образом: решением внесудебных органов. В результате *произвол политической репрессии*, который в разные годы по разному был вписан в контекст советского права (юридически или квази-юридически), закрепляется *несудебным характером реабилитации*.

И, наконец, само название Закона категорически объявляет «жертвами» репрессий решительно всех, кто стал объектом государственного террора, независимо от того, обрушились ли на них эти репрессии по случайности («необоснованно»!), оттого ли, что они принадлежали к той или иной социальной, этнической или иной группе, подверглись ли они гонениям за свои политические или религиозные взгляды, или проявляли какую-нибудь независимую общественную активность. Все они, с точки зрения Закона, «жертвы» – термин, предполагающий определенную пассивность и «страдательность». Но не жертвы преступлений (и не жертвы «незаконных репрессий»), заключающихся в попрании правосудия, а жертвы необоснованные.

Сегодня в общественном сознании окончательно отождествились понятия «репрессированный», «жертва политических репрессий» и «реабилитированный». А в первые годы после принятия Закона многие общественные организации, состоящие из людей, подвергавшихся политическим репрессиям, так себя и именовали: объединения жертв политических репрессий. И тех, кому получить реабилитацию не удалось, в свои ряды не принимали.

Заметим, что далеко не все бывшие репрессированные согласны с подобной трактовкой себя как «жертв», но, согласно Закону, их никто и не спрашивает⁴. Так, осужденные за «антисоветскую агитацию», среди которых немало реальных противников коммунистической диктатуры, по закону автоматически подлежат реабилитации и, следовательно, объявляются жертвами, хотя бы они того или нет⁵. И если в отношении лояльных советских граждан, подвергнутых сначала произволу репрессии, а затем и произволу реабилитации, не усматривается принципиального понятийного диссонанса между двумя этими актами, то для сознательного противника режима реабилитация означает трактовку себя как ло-

⁴ Статья 8: «По материалам проверки органы прокуратуры составляют заключения и выдают справки о реабилитации заявителям, а при отсутствии таковых периодически представляют сведения о реабилитированных для публикации в местной печати».

⁵ Поначалу это вызвало резкое неприятие не только у самих бывших политзаключенных, участников антисоветского Сопротивления, но и у «истинно реабилитированных», недовольных тем, что их поставили на одну доску с «антисоветчиками», и повлекло за собой череду внутренних конфликтов и расколов в обществах узников ГУЛАГа.

яльного гражданина СССР, являет собой акт принуждения к лояльности.

Единственной формой протеста против принудительной реабилитации, доступной бывшим участникам сопротивления, оставался отказ от получения справки о реабилитации. Но, с точки зрения Закона (правда, этот отказ ничего не означает, ибо клеймо «жертвы» выжигается независимо от наличия или отсутствия справки).

Так Закон стирает память о самой традиции сопротивления преступному режиму.

Идеологически закономерность (неслучайность) этого процесса подчеркивается принятым 18 октября 1991, в один день с Законом, Постановлением Верховного Совета РСФСР №1431, объявившим дату 30 октября ежегодным Днем памяти жертв политических репрессий. По инициативе властей удалось то, что не удалось власти советской: наконец традицию отмечать 30 октября День политзаключенного – традицию, заложенную советскими политическими заключенными в 1974 году. В течение 17 лет этот день отмечался в советских лагерях, тюрьмах и ссылках, так же как и на воле, как день солидарности в борьбе со злом, в контексте исторической памяти 20 века обещавший стать Днем противостояния, Днем свободы. Сегодня День политзаключенного оказался официально востребован лишь в части памяти жертв режима; в этом качестве он и вошел в массовое сознание.

Подведем итоги.

Закон, независимо от первоначальных намерений его разработчиков, воспроизводит такое понимание советской истории, в котором государственный террор обезличен. Террор является не столько преступлением, совершенным теми или иными политическими группами и подчиненными им государственными структурами, сколько несчастьем, постигшим тех, кого он затронул, своего рода стихийным бедствием.

Закон, характеризуя политические репрессии советской власти как «необоснованные», вновь утверждает традицию советской политической мысли – приоритет политики над правом – как актуальный элемент современного государственного мировоззрения. Право, базирующееся не на политической целесообразности, а на представлении о человеке, как высшей ценности, в концепцию Закона не вписывается.

В полном соответствии с этим пониманием истории и права, Закон рассматривает человека не как активного субъекта исторического процесса, а как пассивный объект внимания государственных (репрессивных) органов, что придает закону обратную декларированной сущность – он становится репрессивным инструментом, и в отношении самих жертв оказывается инструментом новой репрессии (профилактирование лояльности), а в отношении исторической памяти – направлен на искажение, а затем и полную амнезию.

Фактически Закон о реабилитации не содержит ничего, кроме простого утверждения, что в прошлом репрессии – это плохо, а реабилитация в настоящем – хорошо.

Преодоление и осмысление наследия ГУЛАГа через память о прошлом, понимание трудной и трагической истории страны – суть культуры отечественной памяти XX века. И эта традиция памяти не только сохранялась, но и была одной из самых эффективных форм сопротивления массовому террору, направленному не только на физическое уничтожение и устранение личности, но и на стирание имени как такового. Право на память оставалось многие годы («нам остается только имя», писал поэт) как надежда, как залог будущих преобразований.

Эта память сохранялась в устной традиции, в воспоминаниях, написанных в стол, в письмах, в чудом сохранившихся фотографиях. В конце 1980-х эта память выплеснулась наружу. На первых «неделях совести» в Москве, Ленинграде, во многих городах стихийно оборудовали «стены памяти» – наклеивали фотографии, писали имена людей. Люди шли и называли имена своих отцов, матерей, братьев, друзей, случайных знакомых, соседей по коммунальной квартире. Это была перекличка памяти. На страницы печати хлынул поток воспоминаний, семейных историй. Главным было – назвать имя, узнать судьбу, положить цветы на могилы. Так возникло общество «Мемориал» со своей миссией осмысления прошлого ради будущего.

Закон о реабилитации внес государственный порядок (он же произвол) и государственную систематизацию в хаос народной памяти⁶. Он определил, кого помнить и как помнить. Он определил порядок действий в расчете с прошлым. Надо: написать прошение, получить справку о реабилитации и оформить оскорбительно ничтожные льготы при жизни и право на бесплатное захоронение после смерти. А все остальное – забыть, оставить непонятым и неосознанным.

Теперь мы живем в новой реальности – в мире «после закона о реабилитации». Принятие Закона вытеснило все понятийные сущности и проблемы наследия ГУЛАГа, оставив единственное смысловое наполнение – перечень льгот, которые постепенно охватывают более широкие слои населения. С 1991 года Закон пережил несколько редакций, каждая из которых расширяла категорию «жертв».

⁶ Принятие справки о реабилитации не ограничивается получением социального статуса жертвы и прав на льготы. Владелец справки о реабилитации позволено ознакомиться с материалами своего (или своих близких) дела (ст. 11), то есть, убедиться в произволе репрессии и несостоятельности обвинения, что для не реабилитированных продолжает составлять государственную тайну «обоснованного (законного) обвинения».

Вклад Закона о реабилитации в развитие политической мысли XXI века и создание специфического идеологического пространства трудно переоценить. И вот «агент Дроздов» на глазах у всей страны благоговейно подполковника госбезопасности на вступление в должность Президента России.

Для новой российской власти Закон о реабилитации стал знаком ее преемственности по отношению к власти советской. Российское государство, расплатившись по долгам старого режима и избежав при этом признания этого режима преступным, вступило в законные права наследования. Принятие Закона подвело черту под правовым и политическим осмыслением прошлого: государство само себя реабилитировало. Закон задним числом обеспечил легитимность советской власти, тем самым он легитимизировал ее сущностную характеристику – государственный террор (хотя бы тем, что провозгласил возможность исправить его последствия, оставаясь в рамках той же правовой и государственной традиции). В этом смысле закон о реабилитации жертв террора реабилитировал и сам террор, доказав его успешность. И эта реабилитация принята большинством граждан нашей страны.

Сегодня государственный террор в России – законный наследник «террора», «большого террора» – носит благозвучное название «антитеррор». Он направлен на все то же подавление личности, на ограничение прав и гражданских свобод. Сегодня это подавление сводится к усилению паспортного контроля, ограничению свободы передвижения, судебному произволу в отношении отдельных неугодных режиму лиц, контролю над СМИ; массовые убийства пока что ограничены только Чечней...

Федор Люшенко

Памятники жертвам политических репрессий советского государства на территории Республики Коми

*Федор
Валентинович
ЛЮШЕНКО –
студент
юридического
факультета
Коми Республиканской
Академии
государственной
службы
и управления*

История Гулага – история борьбы тоталитарного государства со своим народом, история попытки «воспитать» человека, приспособить его к рабскому состоянию, как к норме. Гулаг охватил всю страну, выполняя народнохозяйственные задачи, и труд стал средством уничтожения.

В истории человечества много темных страниц. Люди уничтожали себе подобных, не обременяя себя чувством вины или раскаяния. Никто за всю историю не сказал: «Мы повинны в страданиях себе подобных». И только в конце XX века народ, начавший и перенесший страшную войну, голод, холод и унижение, нашел в себе мужество признать: «Да, наши руководители и мы сами повинны в страданиях не только своего народа, но и других». Это сделал немецкий народ.

Много страданий вынесли народы СССР и те, кто попал в зону влияния Союза. КПСС декларировала: «Все для блага человека». Какого блага? и какого человека? «Благодетель» руководящей и ведущей партии, вылились в горе и боль. Робкие попытки восстановить добрые имена безвинно пострадавших вылились в необходимость познать, исправить несправедливость и оставить о них память для потомков.

Материализация исторической памяти происходит по-разному и принимает разные формы, что зависит от уровня культуры народа и познания людьми преемственности поколений как традиции. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» – так обозначил эту традицию великий русский поэт. Памятники жертвам репрессий – это материализация любви, горечи и отчаяния, которые синтезируются в понятии «покаяние», в последнем «прости», обращенным к близким, которых мы теряем навсегда.

Список памятников, связанных с темой массовых репрессий на территории Коми АССР, можно начать с 1937–1938 годов, когда расстреляли православных священников в местечке Верхний Чов недалеко от Сыктывкара. Верующие, местные крестьяне, тайно похоронили расстрелянных на Тентюковском кладбище и передавали попечение о могилах своим родственникам. На одной из могил было установлено небольшое деревянное надгробие с металлическим крестом. Традиция поминовения безвинно убиенных никогда не исчезала, и такие памятные кресты можно встретить повсеместно. Особенно много их ставили в начале 1990-х. Например, на кладбище заключенных в п. Седью Ухтинского района родственники погибших здесь женщин (лагерь был женским) поставили большой деревянный крест (поминальный). На кладбище заключенных бывшего лагпункта «Зимка» Устьвымского лагеря католиков-литовцев, родственники погибших, прибили к сосне католическое распятие.

Другой вариант – это архитектурные памятники, оставшиеся как память о репрессированных с тех давних времен. Это памятник А.С.Пушкину в Ухте, памятник «Дзмитеней» в Инте, здания и сооружения, построенные заключенными во многих населенных пунктах Коми республики. Краевед из с. Корткерос А.И.Смилигинс (ссылный 1941-го года) нашел на одном из кладбищ раскулаченных металлическую плиту с наваренной надписью «Закон – тайга, медведь хозяин», которую можно рассматривать как общую эпитафию погибшим спецпереселенцам. Это как бы светский вариант сохранения исторической памяти. Вот один из примеров этого варианта. По распоряжению начальника Ухтпечлага И.Мороза политзаключенный москвич Николай Александрович Бруни, 1891 года рождения, к столетию со дня гибели А.С.Пушкина создал скульптуру. Скульптура поэта была сделана из невероятных, но прочных смесей гипса, глины, цемента и разных примесей. Надежды, что

талант и труд Н.А. Бруни будут отмечены, не сбылись. В том же году Я.Мороз был расстрелян, а Бруни получил 5 лет добавки к сроку, но в 1938 году был расстрелян без суда в той же Ухте. Памятник поэту стал памятником всем замученным и погибшим в Гулаге¹. Позднее был установлен памятник-копия из бронзы.

Город Воркута

- Памятный знак жертвам политических репрессий на Шахтерской набережной города Воркута установлен осенью 1990 года, реконструирован летом 1995 года. Художник-реставратор Владимир Разумов, мастер-камнерез Анатолий Батурин. Работы проведены рабочими строительного управления №12 (начальник Александр Элштейн) и ТОО «Монтажник» (начальник Александр Марчук)².

- Крест на мемориальном кладбище неподалеку от поселка Юршор в память о расстрелянных 1 августа 1953 года на шахте №29. Установлен 1 августа 1995 года немецкой делегацией во главе с генералом Гюнтером Кислингом. Работы проведены рабочими ТОО «Монтажник» (начальник Александр Марчук).

В том же году на Воркутинском механическом заводе изготовлена памятная медаль (25 экземпляров), на одной стороне которой выбиты крест и надписи «Берлин», «Воркута», а на другой: «Жертвам войны и политических репрессий. 1.08.53–1.08.95» (латунь, рисунок заместителя главного механика объединения «Воркутауголь» Владимира Курцева)³.

- Деревянный крест на лагерном кладбище, вблизи шахты Юршор, с табличкой: «Латышам, литовцам, эстонцам – жертвам сталинских репрессий» и кресты на местах могильных колышков. Установлены бывшим воркутинским заключенным литовцем Станиславом Гринчавичусом.

- Каплица – скорбящий Христос (литовский скульптор Римантас Дичус и архитектор Владас Вирджунас); надписи на часовне: «Родина Литва плачет» и с другой стороны – «Родина Литва гордится». Освящение состоялось 30 августа 1992 года литовским и воркутинским священниками⁴.

- Мемориальный знак в районе шахты «Воркутинская» в память о погибших поляках и иных узниках Воркутлага. Открыт 30 августа 1997 года⁵.

- Мраморная плита на кладбище заключенных 29-й шахты Воркутлага, установлена Н.Д. Меркуловой, которая приехала в Воркуту, чтобы

назвать могилу своего отца, умершего в одном из лагерей. На плите выбито имя ее отца Д.И.Меркулова и надпись, свидетельствующая, что этот памятник – всем погибшим узникам воркутинских лагерей⁶.

Город Сыктывкар

- Памятник «Ссылным 1941 года» на старом кладбище спецпоселенцев и ссыльных поселка Слободской рейд (Эжва). Автор литовский архитектор Юлиус Сабатаускас. Установлен 31 июля 1990 года при участии Сыктывкарского «Мемориала»⁷.

- Памятник жертвам политических репрессий на перекрестке улиц Домны Каликовой и Кирова. Это небольшая каменная часовня, внутри которой на медных плитах выбиты имена погибших политзаключенных, а на внешней стороне – плиты с наименованиями лагерей и мест спецпоселений в Коми АССР. Авторы: художник Анатолий Невенюк, архитектор Павел Резников, строительные работы осуществил РМК-111. Открыт 30 октября 2000 года на месте закладной камня, установленного 30 октября 1999 года «Мемориал». Освящен епископ Сыктывкарским и Воркутинским Питиримом⁸.

- Мемориальный крест в городском парке у старого речного вокзала в память о всех этапах заключенных, прошедших через пристань города Сыктывкара. Установлен в 2002 году Сыктывкарским «Мемориалом» при содействии администрации города⁹.

Усть-Вымский район

- Памятный знак жертвам политических репрессий в д. Вогваздино на месте пересыльного пункта «Устьвымлага», откуда уходили этапы в Ухту, Печору, Воркуту и другие лагеря Коми (каменная стена с зарешеченными нишами, в которых видны лица людей). Скульптор Игорь Пыляев. Установлен 27 июня 2000 года¹⁰.

Ухтинский район

- Памятный крест в поселке Заболотный. Авторы: архитектор П.С.Федосов и краевед В.П.Потоплицын. Изготовлен рабочими завода железобетонных конструкций, памятная доска отлита на Ухтинском механическом заводе, оцинкована рабочими завода «Прогресс» (поселок Подный). Установлен по инициативе Ухто-Печорского «Мемориала» в

¹ Красное Знамя. 24.02.1999.

² Заполярье. 29.06.1995.

³ Шюлер Х. Крест в тундре // Заполярье. 05.08.1995; Красное знамя. 31.07.1998.

⁴ См. статью М.Володимировой: Республика. 26.08.1992.

⁵ Заполярье. 06.09.1997.

⁶ Заполярье. 06.09.1997.

⁷ Молодежь Севера. 03.08.1990; Трибуна. 16.08.1990.

⁸ Красное Знамя. 01.11.1997; Панорама столицы. 05.10.2000; Панорама столицы. 23.11.2000.

⁹ Сведения М.Б.Рогачева.

¹⁰ Вперед. 26.09.1999; Вперед.04.07.2000.

конце сентября 1994 года рабочими центральных электрических сетей «Комиэнерго» при содействии администрации города Ухта.

- Памятный крест на бывшем кладбище заключенных Ухто-Ижемского лагеря в поселке Ветлосян (бывший сангородок Ухтижемлага). Изготовлен рабочими мехмастерских Ухтинской нефтегазоразведочной экспедиции. Установлен летом 1990 года членами общества Ухто-Печорского «Мемориал» при помощи и поддержке администрации Ухты. Летом 1994 года установлена ограда, поставлены скамейки, благоустроена территория памятника.

- Памятная доска на здании бывшего штрафного изолятора 7-го лаготделения Ухто-Ижемского лагеря (сангородок) в поселке Ветлосян. Текст: «Здесь находился штрафной изолятор 7-го отделения Ухтпечлага».

- Памятник узникам Ухтпечлага–Ухтижемлага во дворе историко-краеведческого музея города Ухта. Валун кварцита с горы Ветлосян, на камне символ – две перекрещенные гвоздики. Установлен осенью 1998 года по инициативе члена совета Ухто-Печорского «Мемориала» В.П.Потолицына, при поддержке Т.А.Филипповой, директора МУП «Городоканал»¹¹.

Печорский район

- Мемориальная доска в память всех актеров Гулага на здании Дома культуры железнодорожников г. Печоры, - бывший театр КВО Печорлага (построен в 1947 группой репрессированных ленинградских архитекторов). Установлена в 1996 году по инициативе народной артистки СССР, председателя Коми отделения Союза театральных деятелей России Г.П.Сидоровой¹².

- Мемориальные доски:

- на доме № 24 по улице Железнодорожной, в котором жил репрессированный профессор медицины Г.Данишевский – напротив 8-й отделения больницы.

- на доме №22 по Стадионной улице, в котором в течение 7 лет в 1950-е годы размещался изолятор временного содержания заключенных.

- на здании средней школы №49, в которой с 1946 по 1957 годы располагалось управление Печорлага¹³.

установлены в 1999 году в день празднования юбилея города Печора по инициативе членов Печорской группы Ухто-Печорского «Мемориала», при содействии администрации города, управления архитекту-

ры и градостроительства, сотрудников историко-краеведческого музея и администрации «Печорстроймеханизация».

- памятник «Жертвам Печорлага» на Больничной улице в районе бывшего лазарета Печорлага. Автор идеи Т.Г.Афанасьева. Установлен 13 июня 1992 года по инициативе Ухто-Печорского «Мемориала» при содействии краеведческого музея и городской администрации.

- Памятный знак жертвам восстания заключенных лагпункта «Лесорейд» Воркутлага. Установлен 24 января 1992 года в поселке Изъя-ю Печорского района Печорской группой «Мемориала».

- Памятник погибшим при подавлении восстания заключенных лагпункта «Лесорейд» Воркутлага на станции Кожва Печорского района (обелиск со шпалами железной дороги, с одной стороны оканчивается пятиконечной звездой, с другой – православным крестом). Установлен летом 1993 года.

- Памятный крест на кладбище заключенных и спецпоселенцев возле бывшего лазарета Печорлага (поселок Талый Печорского района). Эпитафия: «Вечная память жертвам черных дней. Ваши могилы безымянные, но Вы в памяти живых. Здесь покоится Балеишис И.И. 1884–1947 гг. Пусть земля Вам будет пухом». Установлен в октябре 1999 года жителем поселка Зеленоборск А.И.Балеишис.

Город Сосногорск

- Памятник жертвам политических репрессий – узникам Ухто-Ижемского лагеря на Лесной улице. Установлен летом 1998 года по инициативе Сосногорского «Мемориала» при содействии главы администрации города¹⁴ на месте на месте закладного камня установленного 30 октября 1993 года.

Книжпогостский район

- Памятник на поселковом кладбище п. Серегово. Установлен в 1948 году высланной из Литвы 1945 года А.Б.Урбанович Эпитафия:

Любимая мать и родная Сестра
Уснули навеки,
Глубоко... но ветрами
вести «Теуупе» Литва
будут сообщать хоть сдалека.
Никто не покинет, не забросит свет,
Сияет ведь небо над Вами.
Сон не тревожный –
убаюканные горькими сироты
слезами, Ваша навсегда

Урбанович А.Б.

¹¹ Ухта. 23.04.1999.

¹² Вестник культуры. 2001. №1.

¹³ Печорское время. 11.01.1999.

¹⁴ Заря Тимана. 04.11.1993.

Корткеросский район

- Мемориальный знак на кладбище спецпереселенцев в поселке Усть-Локчим. Установлен в 1990 году группой граждан Литвы при содействии поселковой администрации. Архитектор Юлиус Сабатаускас Эпифания: «Здесь, на бывшем кладбище, в 1940–50 гг. похоронены многие устьлокчимцы, среди них 60 ссыльных из Литвы. Имена их Ты, Господи, вѣси». Ухаживает и присматривает за ним местный житель – В.Зубков¹⁵.
- Памятный крест на кладбище заключенных инвалидного лагпункта Нидзь-1 Устьвымского лагеря. Установлен летом 1997 года по инициативе Сыктывкарского «Мемориала» и краеведа А.И.Смилингиса при содействии администрации Корткеросского района.
- Памятный крест на кладбище спецпереселенцев 2-го участка Корткеросского леспромхоза треста «Комилес», установлен 20 июня 2001 года краеведом А.А.Смилингисом¹⁶.
- Памятный камень «Жертвам Локчимлага» - узникам лесных лагерей у поселка Пезмог (ныне Аджером), установлен летом 2001 года¹⁷.
- Памятные кресты на лагерном кладбище в селе Лобановка. Установлен 22 июня 2001 братьями Ветошкиными, Е.Лобановым и директором Корткеросского дома культуры Н.С.Ветошкиной
- Памятные кресты на лагерном кладбище в селе Максимовка. Установлен 22 июня 2001 братьями Ветошкиными, Е.Лобановым и директором Корткеросского дома культуры Н.С.Ветошкиной
- Памятный крест на месте кладбища заключенных и спецпоселенцев в селе Позтыкерос. Установлен 12 октября 2001 года краеведом А.А.Смилингисом с группой учащихся средней школы¹⁸.
- Памятный крест в бывшем спецпоселении Веж. Установлен 4 июля 2002 года краеведом А.А.Смилингисом с группой учащихся средней школы¹⁹.
- Памятник республиканского значения на месте инвалидного лагеря Локчимлага в поселке Нидзь планируется к установке. Проект архитектора И.И.Кутыкин²⁰.

Город Инта и Интинский район

- Памятник «Дзимтеней...» («Родине») на кладбище поселка Восточный, - установлен летом 1956 года. Автор латышский скульптор Эдвардс Сидрабс, политзаключенный 2-го лаготделения Особого лагеря

¹⁵ Сведения А.А.Смилингиса.

¹⁶ Сведения А.А.Смилингиса.

¹⁷ Звезда. 09.10.2001.

¹⁸ Звезда. 30.10.2001.

¹⁹ Звезда. 07.08.2001.

²⁰ Сведения от районной администрации.

№1 в Инте. Реконструирован летом 1989 года группой Интинского «Мемориала» при участии городской администрации.

• Памятные кресты с траурными досками на могилах философа А.П.Карсавина и генерала литовской армии И.Иодишюса в поселке Абезь. Автор литовский скульптор и архитектор И.Иодишюс, - установлен 12 августа 1990 года при участии Сыктывкарского «Мемориала», Абезьской группы «Мемориала» и при содействии поселковой администрации²¹.

• Памятный крест «Rupintoelis» («Невернувшимся») на кладбище поселка Восточный. Установлен летом 1990 года сыном генерала литовской армии Ионасом Иодишюсом и группой Интинского «Мемориала».

• Памятник Зинаиде Хорол и всем женщинам, погибшим в 5-м лаготделении Особого лагеря №1 на месте бывшего лаготделения около ст. Предшахтная на повороте дороге к поселку Южный. Автор И.М.Хорол, гражданин Израиля. Установлен в январе 1991 года рабочими кооператива «Мрамор» при содействии городской администрации²².

• Памятный крест на кладбище бывшего лаготделения №5 Особого лагеря №1 (район птицефабрики, поселок Южный). Установлен летом 1990 года по инициативе интинской группы «Мемориал».

• Памятный крест на кладбище при бывшем 1-м лаготделении Особого лагеря №1 (поселок Первый Горный). Установлен летом 1990 года по инициативе интинской группы «Мемориал».

• Памятный крест «Rupintoelis» («Невернувшимся») на кладбище политзаключенных Абезьского лаготделения №10 Особого лагеря №1 (поселок Абезь Интинского района). Автор литовский скульптор и архитектор И.Иодишюс. Установлен летом 1990 года при участии граждан Литвы, интинской группы «Мемориал» и жителей поселка Абезь.

• Памятный знак «Жертвам сталинизма» на месте бывшего кладбища политзаключенных (улица Мира). Автор О.В.Мороз. Установлен осенью 1993 года по инициативе краеведческого музея, интинской группы «Мемориал» при содействии городской администрации²³.

• Памятный крест на береговой террасе р.Усы на месте пристани инвалидного лагпункта Особого лагеря №1 (бывший поселок Адак). Автор журналист В.Демидов. Установлен летом 1994 года группой интинцев.

• Памятный крест на кладбище «Горка» инвалидного лагпункта Особого лагеря №1 (бывший поселок Адак). Автор журналист В.Демидов. Установлен летом 1995 года группой интинцев.

²¹ Шеренас А.И. Воркутинские лагеря смерти. Вильнюс, 1997.С.533–530.

²² Красное знамя. 23.01.1991.

²³ Искра. 27.10.1993.

• Памятный крест на кладбище «Горка» инвалидного лагпункта Особого лагеря №1 (бывший поселок Адак). Автор И.В.Федушак. Установлен 16 июля 1996 года группой Львовского «Мемориала» с участием Сыктывкарского общества «Мемориал» при содействии Интинского общества украинцев и городской администрации.

• Памятный крест «Жертвам Гулага, погибшим в Абези в 1948–54 гг.». Автор И.В.Федушак. Установлен 17 июля 1996 года группой Львовского «Мемориала» с участием Сыктывкарского общества «Мемориал» при содействии Интинского общества украинцев и городской администрации.

Усть-Куломский район

• Памятник-камень с надписью: «Спецпоселенцам, невольным основателям поселка. В знак памяти и сострадания» (поселок Зимстан), установлен в августе 2001 года по инициативе родственников и потомков первых спецпоселенцев²⁴.

Им это нужно

Абезь – у Приполярного круга. Множество заброшенных кладбищ погибших, расстрелянных, замученных. Житель поселка Абезь **В.Ложкин** – их добровольный смотритель. Вначале потихоньку восстанавливал кресты, обустраивал могилы. Потребовал списки захороненных, начал поименно восстанавливать места захоронений. Получил от администрации списанный старый вагончик и обустроил в нем музей в память о погибших. Кто он, В.Ложкин? Обыкновенный российский мужик, с чувствительной совестью и своими представлениями о нравственности²⁵.

Корткеросский район – п. Усть-Локчим. Мемориальный знак, установленный в память литовским поселенцам их земляками. Ухаживает и присматривает за ним местный житель – российский мужик – **В.Зубков**²⁶.

Память! Для кого-то это просто звуки, а для некоторых – действие, работа, смысл жизни. Многие из неназванных Ложкиных и Зубковых скромно делают великое дело восстановления памяти о таких же простых и не очень простых людях.

Представленный список памятников является первой попыткой систематизировать памятники жертвам политических репрессий в Коми Республике. Конечно, он не является полным и исчерпывающим, эту

работу надо продолжать. Важно отметить следующее. Установление памятников началось еще в годы репрессий и продолжалось непрерывно в 40-е – 90-е годы, т.е. более полувека. Это происходило безо всякого участия местных властей, и только после принятия Закона 1991 года власти начали присматриваться к новой для себя проблематике. Этот вопрос – о взаимоотношениях граждан, пострадавших от репрессий, с властями – предмет отдельного изучения. Для граждан установление памятников и памятных знаков – вопрос сохранения исторической памяти о невинно убиенных и пострадавших от бесчеловечного режима. Для власти – это вопрос исполнения Закона и ответственности за вверенную ей территорию, на которой находятся места массовых захоронений заключенных. Представляется, что по мере исполнения Закона 1991 года власть все меньше будет интересоваться проблематикой сохранения исторической памяти, поэтому от общественных организаций (особенно «Мемориала») потребуются новые инициативы и гражданское мужество, чтобы выполнить и за себя, и за власть эту нелегкую работу.

²⁴ Красное знамя. 01.09.2001.

²⁵ Вера Эском (журнал) 1998. №317.

²⁶ Сведения А.А.Смилигинса.

Михаил Рогачев

Мемориальная работа в Республике Коми

*Михаил
Борисович
РОГАЧЕВ –
председатель
Правления Фонда
«Покаяние»,
председатель
Правления
Сыктывкарского
общества
«Мемориал»,
преподаватель
истории в лицее при
Сыктывкарском
государственном
университете*

Реабилитация жертв политических репрессий в СССР не может ограничиваться только юридическим признанием их невиновности. Не менее важно установить и публично назвать всех репрессированных, вне зависимости от формы политических репрессий, сохранить память об этих людях. Должны быть выявлены и приведены в порядок места захоронения скончавшихся в лагерях и спецпоселках, установлены памятники и памятные знаки. Для Республики Коми эта задача особенно актуальна, поскольку в 20-е – 50-е годы XX века Коми край являлся одним из крупнейших в СССР регионов, куда высылали на спецпоселение и где были расположены исправительно-трудовые лагеря. Осужденных по политическим статьям направляли в колонии и ссылку в Коми АССР вплоть до 80-х годов XX века.

Первыми мемориальную работу начали общества «Мемориал», созданные в Воркуте, Ухте, Сыктывкаре, Сосногорске, Инте и Печоре в 1988–1989-ом. Постепенно «мемориальское» движение расширялось, хотя формально число общественных организаций сократилось. На сегодняшний день в Республике Коми действуют Воркутинская, Сыктывкарская, Сосногорская

и Ухто-Печорская общественные организации «Мемориал». Последняя объединила в своих рядах «мемориальцев» не только Ухты, но и Инты, Печоры, Имбы, Котласа, Троицко-Печорска и Абези, где созданы отделения Ухто-Печорского «Мемориала» (за счет этого объединения и произошло сокращение общей численности обществ «Мемориал»).

Именно «мемориальцы», наряду с решением других уставных задач, начали поисковую работу (в основном по запросам родственников) по установлению судеб репрессированных, погибших в лагерях и на спецпоселении, стали записывать воспоминания и готовить публикации о судьбах репрессированных, благоустраивать лагерные и поселковые кладбища. По инициативе и при участии «Мемориалов» в Воркуте и Ухте были установлены первые в республике памятники и памятные знаки.

Но «Мемориалы» не в состоянии были решить одну из главных задач – создание книги памяти жертв политических репрессий. Для этого требуются объединение в одном центре системной поисковой работы и значительные средства. Принципиально важным является участие в решении этих задач государства, поскольку именно оно несет ответственность за политические репрессии 20-х – 50-х годов XX века. Именно государство взяло на себя финансирование издания книги памяти жертв политических репрессий в Республике Коми. В 1998 году был издан Указ главы РК об издании республиканского мартиролага «Покаяние», в соответствии с которым была образована общественная редколлегия под председательством главы РК Ю.А.Спиридонова. В том же году был создан Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние». Фонд появился благодаря усилиям заместителя председателя Государственного совета РК (в настоящее время – председатель госсовета РК) И.Е.Кулакова и журналиста Г.В.Невского, ставших соответственно его председателем и председателем правления.

Фонд тесно взаимодействует со всеми «Мемориалами» республики, а сыктывкарский «Мемориал» является одним из его учредителей. Это и не удивительно, поскольку уставные задачи фонда и «Мемориалов» практически одинаковы. Главной задачей фонда стала подготовка и издание Коми республиканского мартиролага жертв политических репрессий «Покаяние», что, собственно, и отличает его от «Мемориалов» и позволяет избежать дублирования в работе этих общественных организаций. Особенностью фонда является то, что он решает уставные задачи за счет как благотворительных, так и бюджетных средств. Но средства из республиканского бюджета перечислялись целевым назначением на подготовку и издание мартиролага «Покаяние».

Участие в государственных программах. В 1999–2001 годах в Республике Коми действовала республиканская программа по увековечению памяти жертв политических репрессий «Покаяние», утвержденная Указом главы РК от 31 мая 1999 года № 196. В 2002–2003 годах осуществляются

Мероприятия по увековечению памяти жертв политических репрессий, утвержденные распоряжением главы РК от 28 декабря 2001 года № 1315-р.

Издательская деятельность. *Мартиролог.* Т.1: 1998. 1181 с. 2000 экз.; Т.2: 1999. 1007 с. 2000 экз.; Т.3: 2000. 499 с. 2000 экз.; Т.4. Ч.1: 2001. 1168 с. 2500 экз.; Т.4. Ч.2: 2001. 608 с. 2000 экз. **Связь времен:** Очерки истории Коми края с древнейших времен до наших дней в биографиях. 2000. 863 с. 2000 экз.

Научно-исследовательская деятельность. 1) Совместно с другими организациями проведены: региональная научная конференция «Политические репрессии в России. XX век» (2000), «Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера и Приуралья» (2001), международный симпозиум «Мир после Освенцима и Гулага» (2002), региональная научная конференция «От краеведения к науке» (2002); 2) Созданы электронные базы данных «Осужденные по политическим статьям в Коми АССР», «Спецпоселенцы-раскулаченные, находившиеся на спецпоселении в Коми АССР», «Депортированные из Западной Украины и Западной Белоруссии, находившиеся на спецпоселении в Коми АССР», 3) Создан архив, содержащий тематические подборки ксерокопий документов по истории политических репрессий в Коми АССР, записи воспоминаний, фотодокументы (более 500 единиц хранения).

Информационно-просветительская деятельность. 1) Совместно с ГТРК «Коми гор» подготовлен тележурнал «Покаяние» (23 выпуска, 1999–2001). 2) Создан информационно-научный, библиотечный и просветительский центр фонда, включающий библиотеку (более 350 томов), архив, оргтехнику, рабочие места для пользователей. На начало 2003 года – 146 пользователей (студенты, преподаватели, школьники, научные сотрудники, краеведы и др.); 3) Оказана организационная, методическая и финансовая поддержка республиканским конференциям учащихся по программам «Отечество», «Человек в истории. XX век», «Шаг в будущее» и другим.

Поисковая работа. Оказана организационная, методическая и финансовая поддержка поисковым отрядам школьников и студентов, занимавшимся сбором данных по истории политических репрессий, восстановлением и уходом за местами захоронений лагерей и спецпоселков, установкой памятных знаков. В 2000 году работали 17 отрядов из 12 районов, в 2001 – 19 отрядов из 11 районов, в 2002 – 4 отряда из 4 районов, в 2003 году – 3 отряда из 3 районов.

Станислав Микке О значении экспгумации и могил для памяти жертв

*Станислав
МИККЕ –
заместитель
председателя
Совета охраны
памяти борьбы и
мученичества
Республики Польша
(Варшава)*

Выдающийся писатель, лауреат Нобелевской премии, Гюнтер Грасс сказал несколько лет тому назад: «Молчание жертв невозможно не слышать». Однако известно, что это молчание слышат не все. Мы, собравшиеся на этом симпозиуме, несомненно, слышим его. Слышим часто до боли.

Однако возникает вопрос: можно ли считать наше восприятие молчания жертв неким особым даром? Возможно, это какой-то недуг, перегиб, вид отклонения?

Думаю, что как раз наоборот: те, которым не дано слышать, переживать то, что переживаем мы, поражены чем-то, что можно было бы определить как очерствление человечества. И наверное, – значительно более серьезное очерствление, чем утрата восприимчивости к таким проявлениям человеческой активности, как, например, музыка.

Отец-основатель и теолог Церкви св. Августин писал, что не существует в отдельности таких понятий, как прошлое, настоящее и будущее. Есть присутствие настоящих вещей, или

восприятие. Присутствие будущих вещей – это надежда. И есть, наконец, присутствие вещей прошлых, которое называется памятью.

Великий мыслитель говорит о непрерывности существования во времени. Мы хорошо знаем, что для сознательного существования необходима память. Мы вспоминаем улыбку нашей матери, наши первые радости и печали, первые успехи и неудачи. Мы помним наших близких и моменты их утраты.

Мы состоим из памяти о том, что пережили. Но ведь это не только личный опыт. Историческое сознание, знание неизведанного прошлого не менее важно для формирования нашего «я».

Известно, что чем выше культура этой самой памяти, тем выше национальное самосознание, а это, в свою очередь, увеличивает способность делать правильный выбор для будущего. Как в жизни индивидуумов, так и в жизни социумов.

В этом знании прошлого особое место занимают трагические события и миллионы невинных жертв тоталитарных режимов – гитлеровского и коммунистического.

«Есть пустые места, но воздух дрожит от тех голосов», – писал великий польский поэт, покойный уже Збигнев Херберт.

Воздух дрожит от тех голосов. В том числе от голосов потрясения, боли, отчаяния. Воздух дрожит, потому что случилось это совсем недавно. Еще живут, в том числе среди нас, свидетели того жестокого времени. Но для более молодых поколений это тоже близкое время, почти на расстоянии вытянутой руки.

Мы знали свидетелей преступлений, мы знали тех из жертв, которым довелось уцелеть. Их рассказы, их рукопожатия были реальностью.

Один тоталитаризм оставил пепел жертв, другой – рассеянные на огромных пространствах, зачастую еще не найденные захоронения, скрывающие человеческие останки. Безымянные, даже неизвестные могилы.

Когда в 1991 году поляки начинали поиски мест захоронения польских офицеров – жертв катынского преступления, мы много раз слышали, что вся Россия – это одно большое кладбище невинных жертв.

В 1994 году, когда Совет Сохранения памяти борьбы и мученичества начал широкомасштабную эксгумацию, мы часто сталкивались с вопросами: есть ли смысл спустя десятилетия искать могилы? Не достаточно ли просто поставить памятник и таким образом увековечить, отдать должное убитым? Нужно ли, можно ли – возникали и такие вопросы – нарушать покой человеческих останков?

Независимо от всех возникающих трудностей – а масштаб этих трудностей при подобных мероприятиях бывает огромным – ответ может быть только один.

Погребение умерших – это христианский долг. Но это не только вопрос религии. Это элементарная обязанность цивилизованного человека.

– останки, выброшенные в некую яму, извлечь из земли, эксгумировать и захоронить, как полагается, с величайшим уважением.

Ведь невозможно допустить, чтобы при строительстве дорог, домов, гаражей или отхожих ям обнаруживались человеческие останки, чтобы их закапывали под фундамент. Этот последний случай устройства отхожей ямы на человеческих останках был нами отмечен во время эксгумации в 1991 году в Медном.

Сегодня в Европе много говорится, и следует признать, что многое и делается, в интересах прав человека – и в очень широком спектре. Может, стоит сконцентрировать усилия на заботе о заброшенных человеческих останках?

Я хотел бы поделиться с вами своим опытом, который приобрел в 1991–1996 годах, когда в общей сложности несколько месяцев участвовал в эксгумациях жертв катынского преступления в самой Катыни, а также в Медном и Харькове. Это была огромная работа, не имевшая прецедента в истории, мы эксгумировали останки около 15 тысяч людей.

Помню, что сначала поразило меня то, что в команде оказались археологи. По мере получения опыта, в последующие годы археологов становилось все больше. Именно это в первый момент порождает чувство протеста. Зачем археологи?! Мы же принимаем участие не в археологических раскопках! Мы не ищем следов древних цивилизаций!

Вскоре оказалось, что присутствие археологов было просто необходимо. Это они, разделив территорию на маленькие квадраты 2х2 метра, обозначали места зондажного бурения. С большой точностью они отмечали границы ям смерти, и так были определены места скидывания трупов.

Именно благодаря археологическим методам можно было открыть эти ямы, не нарушая расположения останков, а также установить глубину этих ям. Последнее позволяло устанавливать, что ниже уже нет человеческих костей.

Во всех трех местах: в Катыни, в Медном и в Харькове мы сталкивались с очень разными захоронениями. Некоторые скрывали от десяти до нескольких десятков тел, но были и такие, в которых покоились 700 и даже свыше тысячи трупов. В таких условиях без археолога невозможно точно определить дно могилы.

Что спустя несколько десятков лет может дать эксгумация, кроме извлечения из земли останков и достойного захоронения их? Хотел бы заметить, это не только кости. В очень многих братских могилах во влажной среде сохраняется мягкая ткань, то есть тело в так называемом жирно-восковом состоянии. Нередко мы эксгумировали целые останки, даже с сохранившимися чертами лица, с волосами, с внутренними органами и с полной одеждой.

Вопреки тому, что можно было предположить, в подавляющем числе случаев вместе с останками обнаруживались предметы личного пользования. Очки, ключи — символ надежды на возвращение домой, множество ключей, а также документы, которые сохранились в поразительно хорошем состоянии.

Наиболее потрясающими были письма к семьям, которые мы находили в могилах. Прочитав одно письмо, написанное детской рукой, адресованное 37-летнему капитану Владиславу Рольскому, которое было найдено в его одежде в яме смерти под Харьковом.

Вот слова, которые удалось прочесть: «Ченстохова... Милый... мы узнали... с мамочкой переживали, но, хотя сейчас очень тоскуем, но знаем, что дождемся, когда нас поцелуешь и обнимешь. Я люблю тебя от всего сердца. Целую тебя сильно и...»

Можно себе представить, какую ценность имеют такие письма для семей жертв. Но мы находили документы, имеющие не только эмоциональную ценность. Например, заметки, записки, дневники, в которых были отмечены имена и отражены день за днем судьбы заключенных. И в этом случае большую роль сыграли археологи, обеспечивавшие профессиональное извлечение предметов и их немедленную консервацию. Ведь иначе, вынутые спустя годы из земли, они рассыпались бы при соприкосновении с воздухом в прах.

Я отдаю себе отчет в том, что ямы смерти жертв катынского преступления имеют свою специфику. Это были прежде всего польские офицеры и полицейские, которых убивали сразу же, как привозили на место казни. У них при себе были документы и другие предметы. Несмотря на личный обыск, у них были свои приемы, чтобы спрятать самые ценные для них предметы. Их прятали в обуви, зашивали в мундиры.

В других же случаях, когда люди умирали в лагерях или их убивали во время незаконных расправ, таких предметов обнаруживается меньше. Но случается, что такие предметы все же находятся и позволяют провести идентификацию. А если и нет, то и в этом случае они представляют собой особого рода реликвию.

Я скажу трюизм, но ничто так не поражает воображение, ничто так не остается в памяти, как личная трагедия, как судьба отдельного человека. С миллионом жертв трудно себя сопоставить. Это неизбежно некая абстракция. Можно приблизиться только к конкретному человеку. Представить себе его драму. Только через смерть конкретных людей, особенно когда мы стоим над могилами, мы осознаем размеры страданий, масштаб преступления, жертвы которого исчисляются сотнями тысяч.

Я приведу очень личный пример. 1 августа, каждый год в течение многих, многих лет, в годовщину начала Варшавского восстания я вместе с семьей посещаю кладбище на Повонзках, на котором находятся

захоронения погибших повстанцев. Когда мы уходили от одного захоронения с березовыми крестами, моя 8-летняя дочь попросила вернуться к одной могиле. Я спросил: «К которой?» Она ответила, что заметила могила 11-летнего Ендруся — санитаря. И я знаю, что моя дочь через годы пронесет память о том событии, во время которого погибли 200 тысяч жителей Варшавы, через память о близком ей сейчас незнакомом мальчике-санitare.

Коль скоро я обращаюсь к собственным переживаниям, то хочу рассказать об одном из наиболее потрясших меня. В лесу, в Быковне под Киевом, в яму были скинуты десятки тысяч убитых. По предварительным данным, там были захоронены также несколько тысяч жертв катынского преступления, отмеченные в так называемом украинском списке.

Мы ходили по этому лесу, по его глухим местам. Специалисты полагали: здесь могила больше, там — меньше. На деревьях — временные таблички, под пленкой распечатанные фамилии и фотографии людей разного возраста — от стариков до восемнадцатилетних девушек и юношей. Возле некоторых фамилий слова: «За что тебя? За что тебя?»

Таких мест, которые вызывают о настоящем кладбище, таких мест, из которых исходит молчаливая просьба о могиле, еще очень много. Поэтому Совет Сохранения памяти борьбы и мученичества постоянно ищет, в том числе и в Польше, еще не обнаруженные места захоронения жертв.

Сколько еще можно производить эксгумацию? Это очень сложная, трудоемкая задача. Однако это необходимо для упорядочения прошлого. Нужно открыть кладбища, чтобы закрыть эти страницы истории, будем верить, что безвозвратно ушедшего прошлого.

Увековечение, памятники... Памятники — это, как кто-то сказал, верстовые столбы памяти о прошлом. Но там, где это возможно, нужно стремиться очертить настоящие кладбища жертв. Я считаю, что это выражение стремления к высокой, по современным стандартам, культуре памяти, так как проявлением высокой культуры памяти является уход за кладбищами как собственных граждан, так и граждан других государств. Здесь нужно сказать, что сотрудничество с российской стороной по вопросу об уходе за кладбищами складывается хорошо.

Однако в этом месте мне необходимо кое-что добавить. Когда мы начинали эксгумационные работы, а также и позднее, раздавались голоса, что подобная акция вызовет националистические настроения, что в случае Катыни будут разбужены антирусские настроения и чувства.

Так вот, со всей ответственностью могу сказать, что ни за все эти месяцы работы по эксгумации, ни позднее я не заметил такой реакции ни среди членов команды, ни во всем нашем обществе.

В 60-ю годовщину катынского преступления для школьной молодежи был организован общепольский конкурс работ, связанных с этой го-

довщиной. Я состоял в жюри этого конкурса. Ни в одной из работ, а через мои руки их прошло множество, я не заметил даже тени неприязни к русским или украинцам. То же самое говорили и другие члены жюри...

Память о преступлении, даже страшном преступлении, не означает ненависти. У нас для этого есть убедительные доводы в контактах как с западными, так и с восточными соседями.

Должен сказать, что тема второго дня симпозиума — «Культура памяти жертв двух тоталитаризмов, которые потрясли мир» — это огромная тема, имеющая множество аспектов, на которую можно говорить очень долго. Чаще всего — со щемлящим сердцем.

Перед приездом сюда, в Сыктывкар, я разговаривал на эту тему с различными людьми, в том числе с писателями. Они говорили, что в культуре памяти нет места искусственной трактовке истории и что следует раз и навсегда порвать с манипуляцией историей и ее искажениями.

Мы знаем, как манипулировали историей советских репрессий. Но манипулировали также и правдой об Освенциме. Нам внушали, что там убили 4 миллиона, тогда как правда состоит в том, что там было уничтожено 1,5 миллиона человек. 1,5 миллиона! Опасность манипуляции не ушла. Примером тому сегодня является попытка сравнить вину за гитлеровский геноцид с выселением немцев из Польши и Чехии.

А потому — честность! Честность в отношении памяти жертв.

Упомянутый уже мной поэт Збигнев Херберт написал, что «те, которые идут вперед, растапывая память, создают настоящее, но те, которые ходят по следам, позволяют сохранить память».

Мы ходим по следам. Так делают и другие. По-разному, в зависимости от предрасположенности, от таланта. Одни — в сфере документирования — в широком смысле и в музейном деле, другие — в литературе, в живописи, в кино и театральном искусстве. Есть и такие, которые воспроизводят собственные переживания в художественных формах, но другие уже строят метафорическую память, создавая художественные произведения. И если возникают настоящие произведения, мы знаем, что они обладают огромной силой воздействия.

Мы ходим по следам, но мы имеем дела с миром, который становится все более и более безразличным. Люди очень часто не желают помнить, хотят забыть. Так проще жить. Мы погружены в массовую, поверхностную культуру. Некоторые склонны утверждать, что культура памяти жертв исчезает. Поэтому также важно, чтобы наряду с общественными инициативами и деятельностью отдельных людей государственные институты, чьей задачей является сохранение памяти, находили понимание и сильную поддержку у властей. Это проблема многих обществ.

Не подлежит сомнению, что на нас лежит обязанность увековечивания памяти жертв и перенесения этой памяти на следующие поколения.

Мы для разжигания антагонизмов или национализмов, но по многим и очевидным причинам.

Нас от этой обязанности никто и ничто не может освободить.

«Ты уцелел не для того, чтоб жить, у тебя мало времени, нужно свидетельствовать», — написал цитированный уже мной Збигнев Херберт.

Папа Иоанн Павел II в 1994 году говорил о необходимости поминовения жертв «перед Богом и Историей, чтобы не замазать прошлое». Он сам посещает многие кладбища, зная, что отсюда, где история была записана особым образом, проистекает сила и вера, что из опыта истории будут сделаны соответствующие выводы. И Папа призывает «правильно использовать свободу, купленную за великую цену».

В завершении еще одна цитата. Польский поэт, мой любимый поэт Тадеуш Гайцы, павший во время Варшавского восстания, в одном из своих стихотворений сказал: «Пусть мертвые доверяют живым».

Мы не посмотрим в глаза жертвам. Но мы смотрим друг другу в глаза. И пусть же в будущем, глядя друг другу в глаза, мы всегда сможем сказать: «Мы не подвели их».

Из этого места Земли, из места мучений тысяч людей, я хочу повторить эти слова: пусть мертвые доверяют живым.

Сергей Кропачев

Книга памяти жертв политических репрессий Краснодарского края: история создания

Сергей Александрович КРОПАЧЕВ – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, председатель краснодарского «Мемориала»

Одной из важнейших задач, которые ставит перед собой Краснодарское краевое отделение Российского общества «Мемориал», является подготовка и издание Книги памяти жертв политических репрессий. Эта работа, начатая в конце 80-х годов, шла с разной интенсивностью, но всегда оставалась для нас нравственным долгом перед незаконно репрессированными гражданами РСФСР, СССР и других стран. Мы считаем, что имена всех жертв тоталитаризма должны быть обнародованы.

Работа по сбору и публикации списков незаконно репрессированных была начата еще в условиях существования СССР. Первые Книги памяти начали выходить после его распада, в 1993 году, в том числе благодаря подвижнической деятельности членов Союзного, а затем Российского и Международного общества «Мемориал». Мощный ускоритель этой работе дала научно-практическая конференция на тему: «Проблемы создания Единого электронного банка данных

жертв политических репрессий в СССР», прошедшая в мае 2000 года в Нижнем Тагиле. Инициатором этой конференции было общество «Мемориал». Конференция инициировала проект «Возвращенные имена». По данным координаторов этого проекта, на сегодняшний день в Российской Федерации Книги памяти жертв политических репрессий изданы в 44 субъектах из 89. В них, а также во внерегиональных Книгах памяти содержится более 833400 биографических справок о репрессированных. За каждой фамилией – судьбы людей, трагедии, жизни и смерти.

Кроме Книг памяти, списки репрессированных существуют на электронных и бумажных носителях. Они дополнительно содержат данные на 658000 человек. Качество работы над списками, форма публикации, степень научной проработки в регионах значительно отличаются. В 37 субъектах списки существуют в электронном виде, в 17 субъектах созданы электронные базы данных с использованием различных систем управления. 32 субъекта представлены на специализированных CD Международного «Мемориала», в 14 субъектах Федерации списки репрессированных выставлены в глобальной сети Интернет.

В Книгах памяти и списках, в основном, собрана информация о репрессированных по ст. 58 УК РСФСР, следующая по численности категория – депортированные народы, незначительная часть сведений содержится о раскулаченных, начат сбор информации о «трудовых армиях», и которые направлялись, как известно, репрессированные советские немцы (около 35000 человек).

Всего в Российской Федерации собрана и опубликована в Книгах памяти и списках информация более чем о 1491400 репрессированных.

На сегодняшний день нет сведений о работе над Книгой памяти в 6 субъектах Федерации. В остальных регионах Книги памяти не изданы, но работа, как правило, ведется¹.

Наиболее серьезно к работе по подготовке и изданию Книги памяти подходят в Москве. В 1993 году вышел первый выпуск «Расстрельных списков», подготовленный Российским обществом «Мемориал»². Это была одна из первых серьезных публикаций на эту тему. Том содержал биографические данные о репрессированных в 1934–1940 годах, которые были захоронены на Донском кладбище столицы. Во втором выпуске представлены списки репрессированных в 1926–1936 годах и захороненных на Ваганьковском кладбище³. Эти публикации носили научный характер, были интересны с точки зрения методики работы над списками репрессированных. В 1997 году в Москве вышел первый выпуск, посвященный репрессированным, захороненным на Бутовском полигоне НКВД. На

¹ Состояние работы над Книгами памяти жертв политических репрессий в России, Казахстане и Украине. – Нижний Тагил, 2002. С. 7–8.

² Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., 1993.

³ Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995.

сегодняшний день «увидело свет» шесть выпусков о трагедии Бутов⁴. Эти московские публикации содержат уникальные документы, фотографии, снабжены научно-справочным аппаратом. В какой-то степени они – ориентиры для всех тех, кто занимается этой работой. Хотя не все Книги памяти, изданные в регионах, подготовлены качественно.

Инициаторами издания Книги памяти являются общество «Мемориал», Ассоциация жертв политических репрессий, другие общественные организации. В ряде регионов активную позицию занимают управления ФСБ (основные хранители соответствующих архивных материалов), УВД, прокуратуры субъектов Российской Федерации, государственные архивы. Масштабная, серьезная работа и качественный результат возможны только при соединении интеллектуальных, информационных, финансовых и иных ресурсов общественных организаций и государственных органов.

Хотелось бы остановиться на той работе, которая велась и ведется в Краснодарском крае. На Кубани списки репрессированных начали публиковаться в начале 90-х годов. 20 февраля 1992 года в газете «Кубанские новости» по инициативе Управления ФСБ начала печататься Книга памяти жителей Кубани, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов. Под таким названием публикации продолжались до 12 марта 1992-го. Что касается обозначенной хронологии, то она шла от известных постановлений ЦК КПСС конца 1980-х. В 1992 году, спустя всего лишь несколько месяцев после крушения КПСС и распада СССР, трудно было ждать от УФСБ другой постановки проблем политических репрессий – они-де носили только ограниченный характер – «всего лишь» какие-то 30–40-е годы. С 26 марта 1992 года Книга памяти стала публиковаться под другим наименованием – «Книга скорби о жителях Кубани, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов». Название публикации стало более точно отвечать ее содержанию, хотя хронологические рамки изменены не были. Всего вышло 23 выпуска. Они содержали, как правило, списки различных «контрреволюционных», «повстанческих», «диверсионных», «шпионских», «националистических» и других «вражеских» организаций. Так, были опубликованы списки членов «разоблаченной» в 1930–1931 годах контрреволюционной повстанческой организации «Самозащита казачества», Казачьей контрреволюционной организации «Вызволнение», контрреволюционной повстанческой организации «Лига освобождения казачества» и др.⁵ Помимо списков, публикации содержали описание отдельных следственных дел, судеб репрессированных, некоторый аналитический и статистический материал. К сожалению, Книга скорби выходила нерегулярно, и наконец 25 февраля 1993 года публикация ее была прекращена. В частной беседе с автором один из сотрудников УФСБ высказал версию прекращения публикации

списков жертв политического террора: «Они не вызвали общественного интереса». Мы не будем комментировать это высказывание, но нам трудно назвать истинную причину прекращения этих публикаций. Очевидно, в недрах перманентно реформируемой в те годы Системы кто-то посчитал публикацию списков репрессированных делом ненужным или неактуальным – основные широкомасштабные баталии демократов с коммунистами подошли к концу. Многие к «острым» публикациям и темам быстро остыли. Однако все результаты поисковой и исследовательской работы начала 1990-х годов

должны занять свое место в Книге памяти жертв политических репрессий.

Основной массив документов о массовых политических репрессиях, как известно, содержится в Управлениях ФСБ. В Управлении ФСБ РФ по Краснодарскому краю за десять лет работы подготовлены тысячи анкет репрессированных в разные годы на территории края. Но лишь немногие из них переведены в электронный формат. В анкетах, как правило, содержатся следующие данные: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, национальность, партийность, образование, должность репрессированного, адрес его проживания, дата ареста, характер обвинения. Сведения неполные, к тому же, встречаются пробелы, сложные сокращения и т.д. Предстоит большая работа по переводу анкет в электронный формат, уточнению, проверке данных и т.д. Для этого, в частности, могут быть использованы анкеты, собиравшиеся среди репрессированных и членов их семей Краснодарским городским обществом «Мемориал» в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Большой материал накоплен за долгие годы работы в Информационном центре ГУВД Краснодарского края, в котором в 1992 года создан отдел по реабилитации и архивной информации. Информационный центр располагает значительным количеством списков пострадавших от массовых политических репрессий – это кулаки, высланные в начале 30-х годов, приждане, высланные в годы Великой Отечественной войны по национальному признаку и т.д. Сохранились повагонные списки на 18247 семей (около 100000 человек), высланных с территории Краснодарского края в начальный период войны (греки, немцы и др.)⁶.

Государственный архив Краснодарского края располагает документами комиссий по лишению избирательных прав за 1926–1936 годы. Всего насчитывается 45 фондов в количестве 31572 дел. Состав документов личных дел граждан, лишенных избирательных прав, представлен выписками из протоколов постановлений районных (городских) избирательных комиссий о лишении избирательных прав конкретного лица (очень часто – кулаков и членов их семей), перечнем имущества граждан, решениями су-

⁴ Бутовский полигон. 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 1–6... 100/2002.

⁵ Кубанские новости. 1992. 16, 23, 30 апреля, 7, 14 мая, 2, 23 июля.

⁶ Э. Черняк. Информационный центр ГУВД края: реабилитация жертв политических репрессий // Миллицейская газета Кубани. 2002. 5–11 августа. № 28.

дебных органов об изъятии имущества и выселении за пределы края. Помимо Крайгосархива, документы по лишению избирательных прав хранятся в Сочинском, Армавирском и Новороссийском госархивах. В десятках тысяч архивных дел сотни тысяч судеб раскулаченных, высланных, лишенных избирательных прав⁷.

Определенный материал о массовых политических репрессиях находится в Прокуратуре Краснодарского края, Военной прокуратуре Северо-Кавказского военного округа, Центре документации новейшей истории Краснодарского края (бывший Партийный архив Краснодарского краевого комитета КПСС) и других ведомствах.

Разнообразие материала, его разбросанность, разная степень доступности ставят ряд проблем перед издателями Книги памяти. Вот некоторые из них. Как же назвать Книгу памяти? Книга скорби? Книга памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны уже издана. Честь и хвала ее составителям. Может быть, правильнее будет назвать Книгу – Книгой скорби? Далее – как располагать имена репрессированных? Располагая всем (или достаточно полным) массивом архивных материалов, издатели публикуют Книги памяти по: 1) алфавиту; 2) районам республики, края, области; 3) хронологической последовательности. Что касается последнего критерия, то, в свою очередь, встают проблемы публикации списков по датам: а) ареста; б) вынесения приговора; в) расстрела.

В нашем случае Книга памяти будет формироваться по мере получения из УФСБ по Краснодарскому краю списков репрессированных в разные годы жителей Кубани. Каждый том будет содержать списки, расположенные по алфавиту, указатели, другой научно-справочный аппарат.

20 марта 2001 года вышло Постановление главы администрации Краснодарского края № 197. Впервые за многие годы в нем официально была обозначена проблема подготовки и издания Книги памяти жертв политических репрессий. Это, безусловно, не может не радовать. Хочется верить, что совместными усилиями эта проблема будет решаться, что в бюджете края найдутся средства на издание Книги памяти жертв политических репрессий.

За последние пятнадцать лет в нашей стране изданы сотни статей и книг о преступлениях коммунистического тоталитарного режима против своего народа. Его вина многократно доказана. Но зайдите в большинство музеев, библиотек, архивов, домов культуры. Редко вы увидите музейную экспозицию, библиотечную выставку, стенд в архиве с документами, книгами, материалами о трагических событиях массовых репрессий, раскулачивания, депортаций, голода. Закрыты для посетителей ведомственные музеи и архивы. Или мало материалов в фондах, запасниках, храни-

⁷ Текущий архив краевого отделения Российского общества «Мемориал».

лищах? Нечего показывать, публиковать, выставлять? Нет, материалов, к сожалению, достаточно. Настала пора уменьшить «обороты» пропаганды дежурных, заданных, разрешенных, одобренных героев и периодов и обратиться к драматическим, неоднозначным фрагментам истории своего народа.

«Неужели нельзя хвалить Отечество, не соплетая чудес в его «плаву?»⁸

⁸ Неизвестный орловский публицист XVIII века.

Роман Владислав Бар

Опыт Общества боровичан в увековечивании памяти солдат Армии Крайовой – заключенных лагеря №270

*Роман
Владислав
БАР –
Председатель
Общества боровичан
Союза Сибиряков
Республики Польша
(Гданьск)*

Симпозиум, тема которого наводит на размышления, позволяющие дать ответ на вопрос: каков мир после опыта Освенцима и Гулага, предоставляет возможность поделиться опытом, полученным Обществом боровичан.

На протяжении почти 45 лет в странах Центральной Европы господствовали режимы народной власти, навязанные им в результате победоносного наступления Красной Армии летом 1944 года. Им сопутствовали репрессии, направленные против политических противников, принимавшие различные и заранее продуманные формы.

В Польше с момента вступления Красной Армии на территорию Республики были ликвидированы существующие и действующие структуры подпольного польского государства и прежде всего Армия Крайова.

В результате агентурных операций НКВД, НКГБ и Смерш, начиная с июля 1944 года, были арестованы около 50000 солдат и офицеров. В последующие месяцы заключенных отправили в лагеря НКВД, расположенные примерно в ста населенных пунктах в отдаленных районах СССР. Комплекс лагерей УНКВД №270 в районе Боровичей Новгородской области был одним из тех, куда были направлены:

- в ноябре и декабре 1944 года 4893 военнослужащих Армии Крайовой – в основном рядовых,
- а впоследствии:
- в июне 1947 года – 472 заключенных из лагеря № 0331 г. Кутаиси;
- в июле 1947 года – 423 заключенных из лагеря № 454 Рязанской области;

Всего в комплексе лагерей в районе Боровичей содержалось 5795 человек.

В этом районе СССР в 1944–1947 годах в лагерях пребывало больше всего солдат АК (ориентировочно около 86% рядовых и около 22% от общего числа тех, чья принадлежность и деятельность подтверждена материалами – по информации генерала А.З.Кобулова, датированной июнем 1945 года).

Лагерный комплекс Боровичи имел особое значение не только по численности солдат АК, но и ввиду характерных черт, которые позволяют сделать обобщающие выводы.

Характеристику условий содержания поляков, находящихся в лагере № 270 мы находим в служебной записке-рапорте полковника Мельника:

В результате проверки установлено следующее:

Рабочая сила используется крайне нерационально. Кроме того, плохо поставлен учет выполненной работы, а в некоторых случаях работающих поляков обманывают при определении выполнения задания. В результате [этого] производительность труда очень низкая, нормы выполняются на 25–70%. Дополнительных продовольственных пайков большинство поляков не получает. В результате недоедания (10-часовой перерыв между приемами пищи), неблагоприятных климатических условий, отсутствия рабочей одежды и соответствующей обуви ухудшилось физическое состояние поляков, увеличились случаи заболеваний и количество смертей. За 10 месяцев пребывания поляков в лагере №270 и при привлечении их на строительстве шахт подавляющее большинство контингента прошло через лазарет. На лечение в больницу было направлено 465 человек, умерло в лагере 453 человека, что составляет 9,25%.

Независимо от того, что в течение последних двух месяцев питание интернированных поляков немного улучшилось, а заболеваемость и количество смертей сократились, положение контингента остается тяжелым и требует принятия незамедлительных мер.

В результате в лагерь была направлена следственная комиссия с целью проверки и рассмотрения имеющихся материалов с точки зрения возможности освобождения из лагеря лиц, которые совершили мало-значительные проступки.

В результате этих оценок и характеристик в феврале 1946 года было освобождено и отправлено на родину 3466 человек.

Тем не менее, в июле 1946 года в лагерь №531 в Верхней Пышме Свердловской области было отправлено 810 поляков, откуда они начали возвращаться только в ноябре 1947 года.

Позволила судьба наконец сбыться надежде:
Пережить холод, голод, дистрофию, краснуху тиф,
Надежде на долгожданное возвращение на родную
землю

На счастье жизни – подарок небес.

(Ежи Гурский)

Число умерших и убитых поляков в Боровичах, Свердловске составляет 637 человек, их них:

– в лагере №270 – 617, в том числе не менее 4 убитых при попытке к бегству;

– в лагере №531 – 14, в том числе 1 убитый.

Все они навсегда остались в боровичской и свердловской земле!

Этот список еще не полон, ведь сколько умерло сразу после возвращения? От болезней в последующие годы? Об этом мы уже не узнаем никогда.

Освобождение из мира лагерей еще не означало возвращения в свободу, к нормальной жизни, поскольку после возвращения многие:

– были репрессированы «крепнувшей народной властью», которая предпочитала держать под контролем «заплеванных карликов реакции»;

– преследовались разными методами и формами;

– расценивались как граждане второго сорта, «запятнанные» АК.

Такой в общих чертах представляется судьба репрессированных поляков – солдат Армии Крайовой.

Долгие годы длилось молчание.

Признаться в принадлежности к АК, а того хуже – в пребывании в лагере НКВД граничило с отсутствием инстинкта самосохранения.

В Польше процесс демократических преобразований постепенно вытеснял накопленное зло, укоренившееся в политической, общественной, экономической и повседневной жизни. И начиная с 80-х годов происходящие перемены уже давали возможность действовать открыто, под защитой общественных ветеранских организаций. Бывшие интернированные, заключенные лагерей начали напоминать о себе, информировать друг друга, инициировать сначала товарищеские, а потом общественные формы объединения и встреч.

Инициативы, предпринятые бывшими заключенными Боровичей, нашли выражение в создании в 1992 году Общества боровичан. Ему предшествовало стихийное создание организационных комитетов с целью проведения встреч, семинаров, съездов, обычно связанных с открытием Знаков Памяти, – это было в 1988 и 1989 годах в городе Бяла Подляска, а потом в Гдыне, где был организован Комбатантский исторический семинар.

Первой, можно так сказать, инстинктивной задачей, мотивом которой было стремление сохранить память об умерших товарищах, было оставление списков. Над ними начали работать еще в Боровичах, а точнее в Ёгле (лаготделение №5) – записывая тех умерших, фамилии которых были известны. Затем в эти списки старались включить вообще всех, чьи имена удалось установить. Это было нелегко из-за частых переводов из лагеря в лагерь. Несмотря на это, был составлен список, правда, неполный, содержащий около 3600 фамилий, который вывез из лагеря в гипсе «сломанной» руки Ян Завадский в 1946 году.

Затем, сразу после возвращения, дополнением этого первоначального списка занялся Мечислав Ендрушак из Варшавы. Сбор, дополнение, составление и проверка продолжались долго, это требовало людского терпения и увлеченности. Эта многолетняя работа принесла свои плоды: списки были использованы в изданном в 1997 году Центром «Карта» IV томе Указателя Интернированных – «Заключенные в Боровичах».

Стоит также обратить внимание на инициативу, которая зародилась в Шибатове в декабре 1944 года и была осуществлена группой товарищей, ощущавших потребность противостоять проявлениям патологии. Было инициировано создание зародыша Союза Интернированных в Советской России, что предполагалось сделать по возвращении на родину. Протокол его первого заседания сохранился и был перевезен в Польшу одним из инициаторов – Казимежом Гепнером.

Очередной важной индивидуальной инициативой было получение в амальгаме Вероньским хранящихся в архивах списков возвращающихся из Боровичей.

Результатом этих различных – первоначально индивидуальных инициатив стало Собрание материалов и документов Общества боровичан.

В дополнение этого процесса поиска документации о лагере №270 следует вспомнить также и о переданных представителями администрации города Боровичи документах, которые позволили уточнить до сих пор принимаемые на веру цифры, а также расширить сведения о Боровичах.

Переданные Э.И.Ивановым, В.Н.Огоньковым и Б.Б.Фишманом документы позволили – очень существенно, что это произошло в 1992–1994 годах – сообщить семьям об умерших товарищах.

Индивидуальные документы – справки о пребывании в лагерях и причинах интернирования были получены в 1994–1996 годах и в последующие годы благодаря Ольге Александровне Зайцевой и Александру Гурьянову, пересылали их непосредственно заинтересованным лицам.

К индивидуальным инициативам следует отнести также работу над воспоминаниями-размышлениями, некоторые из которых увидели свет. Они послужили материалом для подготовки люблинским историком Иренеушем Цабаном ценного издания «Поляки, интернированные в СССР в 1944–1947 годах», которое, без сомнения, можно определить как наиболее достоверное, систематически описывающее собранный материал воспоминаний.

Объединение боровичан началось в 1992 году, благоприятная атмосфера, способствовавшая предпринятым инициативам, побудила к деятельности, которая привела к материальному увековечению – установлению Знаков Памяти.

Места, откуда в 1944 году происходили массовые высылки, увековечили в 1989–1996 годах памятными досками в Бялой Подляске, Люблине, Соколове Подляском и Пшемьсле. Сообщество было инициатором или соорганизатором открытия десяти памятных досок на территории Польши.

Девиз, заключенный в поэтических строчка Ежи Гурского, возможно, лучше всего по смыслу передает мотивы, которыми руководствовались члены Сообщества:

Сегодня нам солидарность и совесть велят
Искать имена polegших там в могилах,
Открывать им доски, строить кладбища,
чтобы как можно дольше память о них жила...
Чтобы на могилах памяти устанавливать знаки,
светильники, венки, цветы...
Пламя даже самого маленького светильника
или свечи слабый огонек
привлечет заблудившиеся в небытие
Всех Умерших Души.

К наиболее важным, с нашей точки зрения, мероприятиям мы относим сотрудничество, которое было начато в 1992 году и до сих пор продолжается, между Сообществом и властями города Боровичи и Боровичского района при содействии властей Новгорода.

В его рамках особо следует подчеркнуть общие усилия, предпринятые во время реконструкции и благоустройства старых мест лагерных захоронений, установке там символов веры, досок с памятными надписями, в результате чего эти места стали постоянными местами памяти. В Боровичском районе места памяти в Устье, Бобровиках и Ёгле представляют собой взаимодополняющий комплекс – наверное, один из немногих в Российской Федерации.

Они красноречиво свидетельствуют, что взаимное сотрудничество, отмеченное пониманием и уважением к драме минувших времен, дает результаты, достойные стать примером.

Президент Республики Польша, оценивая участие в этих работах граждан Российской Федерации, наградил: председателя Новгородской Думы Анатолия Александровича Бойцева; бывшего председателя Совета народных депутатов города Боровичи и Боровичского района Бориса Борисовича Фишмана; заместителя мэра города Боровичи в 1993–1999 годах Геннадия Ивановича Коротина; главу администрации города Боровичи и Боровичского района Александра Васильевича Крупкина Кавалерским Крестом Ордена Заслуги Республики Польши, и эти награды были вручены министром – Генеральным Консулом РП Эугениушем Мельцареком в Великом Новгороде 29 января 2003 года.

Сотрудничество с Боровичами имело также и другие формы. В 1993 году был организован Международный семинар жертв политических репрессий и узников лагерей, в котором приняли участие в том числе и бывшие репрессированные – прибывшие из Польши боровичане.

Гости из Боровичей и Новгорода также посещали Польшу в 1992, 1993, 1994 годах, а в последний раз – в мае 2003 года в качестве участников научной конференции «Коммунистические репрессии 1944–1947 в отношении солдат подпольного польского государства», проходившей под девизом «На память... Для предостережения...»

Благодаря этой встрече гости выразили намерение организовать в 2004 году научную конференцию в Новгороде Великом на тему «Поляки в 270-м лагере военнопленных и интернированных ГУПВИ–НКВД–МВД–СССР», посвященную 60-й годовщине памяти депортации и интернирования солдат подпольного польского государства.

С итогами конференции Общество боровичан связывает большие надежды. Следует ожидать, что исследования архивистов и историков позволят прояснить трагические моменты периода репрессий, во время которого поляки и русские испытали так много зла.

Общество боровичан, объединившее бывших интернированных, многие годы получало помощь от Управления по делам комбатантов и репрессированных лиц, а именно от профессора Адама Доброньского и нынешнего министра Яна Гурского, от Совета Защиты памяти борьбы и мученичества, а также Генерального Консульства РП в Санкт-Петербурге, господ Генеральные консулы которого Здислав Новицкий, Ежи

Скотарек, а в настоящее время министр Эугениуш Мельцарек заслужили нашу благодарность. Также и работники консульства: г-жа Лидия Качмарска-Мазур и г-н Хероним Граля приложили немало усилий, чтобы нам помочь. Без этой поддержки наше присутствие на Российской Земле не было бы столь эффективным.

Представляя наши, следует думать, многочисленные достижения, мы должны раскрыть тайну, освящающую нашу деятельность. Это память, так как

В наших сердцах и мыслях надолго поселился
памяти червь,
который постоянно, прочно, живо нас сжимает,
как терновник.... как рана,
которая, хотя и зажила,
но непрестанно при каждом случае
открывается
и болит... она жива...

Эта память и движет нашей общественной деятельностью, которую мы осуществляем, стремясь быть верными идеалам, в которых нас воспитали.

В завершение следует также ответить на вопрос, каков должен быть Мир после опыта Освенцима и Гулага.

Таким, чтобы истреблено было зло, которое постоянно, несмотря на прошедшие годы, возрождается, а противостоять ему можно только действием...

На память.... Для предостережения...

Ирина Моисеева

Представление темы «История политических репрессий» в Национальном музее Республики Коми.

Опыт и перспективы

*Мертвым выдана индульгенция
в утешение нам, живым.*

Виктор Поляков

Ирина
Юрьевна
МОИСЕЕВА
заведующая отделом
истории
Национального музея
Республики Коми

В Коми республиканском историко-краеведческом музее (так тогда назывался Национальный музей РК) публично заговорили об этой теме в июне 1988 году на 70-летнем юбилея Коми областной организации КПСС. Несколько неожиданно для собравшихся на юбилейном заседании, инициатором которой выступил музей, по сути явилось, посвященным теме репрессий, поскольку многие люди, стоявшие у истоков создания парт-организации в Коми области, оказались впоследствии репрессированными – Д.И.Селиванов, Я.Ф.Потапов, А.А.Семичев, В.П.Юркин и др.. На заседании присутствовали работники горкома партии, ветераны парторганизации, в том числе

И.Г.Коюшев (председатель облисполкома в 1929–1930 годах, в августе 1937 года арестован и приговорен к восьми годам лишения свободы, вновь арестован в июле 1950 года и сослан на вечное поселение в Новосибирскую область) и Ф.Г.Тараканов (в 1930–1933 годах – председатель облисполкома, в августе 1937 года арестован и приговорен к пяти годам, вновь арестован в ноябре 1950 года и сослан на вечное поселение в Сибирь).

С этого времени тема политических репрессий стала одной из ведущих научных тем сотрудников отдела истории (тогда еще отдела истории советского общества). Именно в этот период, период активизации интереса к теме репрессий в советском обществе, сотрудникам КРИКМ, впервые представилась возможность реально заняться сбором материалов в данном направлении. Несмотря на то, что эта тема ранее практически не комплектовалась в музее, тем не менее, в фондах музея отложились коллекции, поступившие в 1940–1970-е годы. Большей частью – это персональные коллекции, посвященные людям, проживавшим в нашей республике после периода массовых репрессий, коснувшихся их лично и их семей. Большой интерес представляет также коллекция образцов продукции предприятий республики, основная масса которых входила в то время систему лагерей – Воркутстрой, Ухтижемстрой, Севжелдорстрой. Изделия этих предприятий, в т.ч. предметы, изготовленные руками заключенных (изделия из кости, керамики, дерева, наборы слесарных инструментов и др.), демонстрировались в 1946 году на выставке «XXV лет Коми АССР» и впоследствии были переданы в фонды музея.

В июле 1989 года сотрудниками отдела истории была осуществлена экспедиция в п. Вожаель (с августа 1937 года по январь 1960-го здесь располагалось одно из крупнейших лагерных управлений на Северо-Европейской части СССР – Устьвымлаг). Через Устьвымлаг прошли маршал Рокоссовский, писатель Лев Разгон, жена М.И.Калинина Екатерина Калинина, художник Борис Маевский, дирижер Дмитрий Караяниди и многие другие известные люди. Здесь, на территории нескольких лагерных пунктов были собраны лагерные атрибуты и предметы быта (металлические решетки, двери, колючая проволока следственного и штрафного изоляторов, котелки, миски, умывальник, форма для выпечки хлеба, вывески («Запретная зона. Вход воспрещен» и др.), а также собран богатый фотоматериал, в т.ч. фотографии, запечатлевшие бесчисленные безымянные могилы на бывшей территории Устьвымлага. Эта экспедиция положила начало комплектованию темы с позиции нового, критического осмысления истории страны.

Сотрудники отдела истории провели большую работу по составлению персональной картотеки репрессированных, находив-

шихся в лагерях Коми АССР. Были разосланы письма в разные уголки страны с просьбой предоставить материалы. Люди откликнулись. Так в собрании музея появились коллекции, посвященные Ф.Г.Воропаеву (автобиография, справка об освобождении, письмо из лагеря, фотографии), А.Н.Голонскому и др., а также воспоминания бывших заключенных.

Одновременно сотрудники отдела истории активно изучали рассекреченные фонды Национального архива РК (тогда Центрального государственного архива Коми АССР). Было изучено более 300 дел, хранящихся в фондах СНК Коми АССР, Коми облисполкома, треста «Коминес», объединения «Коминесфть», комиссии по лишению избирательных прав нетрудоспособного элемента. Наиболее интересными материалами, потрясающими своим содержанием и отражающими дух той эпохи, являются спецсправки о политической обстановке в районах республики, доносы, протоколы обыска, описи имущества, протоколы судебных заседаний, докладные записки, личные дела раскулаченных, документы делегатуры Польского посольства, материалы о спецпереселенцах – бывших военнопленных (немцах, румынах, литовцах, латышах, итальянцах, финнах и др.), распоряжения о закрытии церквей, карты-схемы расположения лагерей НКВД на территории Коми АССР, акты о расстрелах и захоронениях. С этих документов были изготовлены ксерокопии и муляжи. В конце 1980-х еще был закрыт доступ в архивы МВД, однако при поддержке политотдела МВД Коми АССР сотрудникам музея удалось получить для копирования личные дела двух заключенных – Л.П.Карсавина – ученого-философа, погибшего в лагере, и А.А.Маегова – участника гражданской войны и установления советской власти в Коми крае, члена первого правительства Коми области, писателя, отбывавшего заключение в Ухтпечлаге (Ухтижемлаге).

Председатель Сыктывкарского общества «Мемориал» М.Б.Рогачев предоставил материалы о польских гражданах, которые были сосланы на территорию Коми Республики и в невероятно тяжелых условиях работали здесь в первой половине 1940-х, воспоминания спецпереселенцев – раскулаченных крестьян, фотоматериалы из дела «о четырех контрреволюционерах» – священнослужителях и коми крестьян, пострадавших за веру, коллекцию негативов с видами объектов Локчимлага, разрушенных церковью Корткеросского района. Ветеринарный врач Сыктывкара А.И.Шеренас, высланный в десятилетнем возрасте вместе со своей семьей из Литвы, передал в музей материалы о генерал-майоре Красной Армии Иодишюсе, погибшем в лагере п. Абезь Интинского района.

Результатом активной собирательской и научно-исследовательской работы стала выставка «Политические репрессии 1930 – начала 1950-х годов» (авторы Э.А.Ананьина, Т.А.Пьянкова), открывшаяся в одном из залов музея в декабре 1990 года. Эта выставка

была первым значимым выставочным проектом республиканского музея, посвященным теме политических репрессий в нашей стране. Большое количество материалов выставки в дальнейшем было включено в постоянную экспозицию отдела истории НМРК.

Следующей попыткой представления темы политических репрессий стала передвижная фотодокументальная выставка «Гулаг в Коми», подготовленная сотрудником музея Э.А.Ананьиной и художником С.Е.Дмитриевым. Выставка была открыта в 1994 году в музее В.И.Ленина в Тампере (Финляндия). На выставке были представлены личные дела репрессированных финнов из архива УФСК по РК (УФСБ по РК), фотодокументы и фотографии.

В 1999 году по инициативе И.В.Сажина в отделе истории НМРК была организована выставка «10 лет Сыктывкарскому "Мемориалу"» (экспозиционер И.Безносикова, художник Л.В.Мишарина). Среди экспонатов выставки были личные вещи, рукописи ученого и правозащитника Р.И.Пименова, предоставленные М.Д.Игнатовым, директором музея-квартиры Пименова. Впервые на выставке жители нашего города увидели самиздат.

28 августа 2000 года в музее открылась выставка «Немцы в РК» (автор Э.В.Роттэ, художник Л.В.Мишарина). Открытие было приурочено к 59 годовщине Указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот день российские немцы отмечают как День памяти и скорби. Выставка «Немцы в РК» осветила историю немцев Коми края, которые составляли и составляют значительную группу населения республики и внесли заметный вклад в ее развитие. Большая часть выставки была посвящена истории российских (советских) немцев, связанный с трагедией немецких семей после их раскулачивания в 1930-х годах и насильственного переселения в годы Великой Отечественной войны (материалы о спецпереселенцах, трудармейцах, узниках лагерей)¹. Выставочный проект «Немцы в РК» был реализован как передвижной вариант. К настоящему времени эта выставка побывала практически во всех районах республики. В процессе экспонирования в других музеях она стимулировала сотрудников к сбору материала и была заметно дополнена новым «местным» материалом.

Сегодня уже традиционным в музее стало ежегодное проведение Дня памяти жертв политических репрессий (30 октября). В 2001 году к этому дню в музее была подготовлена экспресс-выставка о материалах, рассказывающих об А.П.Попове. В феврале 1935-го он, 15-летний учащийся Усть-Вымского педтехникума, был осужден

¹ См. Роттэ Э.В. Опыт музейного исследования истории российских немцев // Немцы в Коми: история, современность, перспективы: Материалы научно-практической конференции «Немцы в Коми: история, современность, перспективы». 16 ноября 2000. Сыктывкар, 2001.

на 5 лет за распространение контрреволюционных стихов собственного сочинения. Наказание А.П.Попов отбывал в Верхнечовской тюрьме, 22 июля 1942-го он был мобилизован на фронт, 13 февраля 1944-го погиб в бою. Тетрадь со стихами передана в фонды музея его сестрой Л.П.Старцевой. Приведу фрагменты из одного стихотворения:

Эй, слышишь, злой тиран,
Где ж та сулимая свобода,
Ведь ты ж нанес немало ран
Для труд любящего народа.

Они под лапой властелина
Мрут с голоду и мрут от ран,
А ты как идол, распростерши
Берешь последний грош крестьян.

Недавно ты свободных гениев
Сто двадцать душ перестрелял.
И чтоб народ не знал про это мщение,
Ты их врагами называл.

Ты будешь пред судом народным,
Ты им отплатишь за их кровь,
За ихний труд, за ихню волю,
И за свой, полный деньгами карман.

21 февраля 2002 года в музее была представлена экспресс-выставка посвященная 110-летию со дня рождения коми этнографа, преподавателя, директора Коми областного музея Г.А.Старцева, в 1938 году осужденного на 10 лет лагерей.

В апреле 2002 года в стенах Национального музея РК открылась выставка Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» при поддержке фонда им. Конрада Аденауэра «В мире двух диктатур. Россия и Германия в XX веке». Выставка вызвала огромный интерес посетителей, особенно школьников старших классов. Тема данной выставки, основанной на идее сопоставления тоталитарных диктатур двух европейских государств – России и Германии – в XX веке, судя по реакции, была новой, была откровением для многих посетителей. Некоторые посетители, несмотря на подготовленность к восприятию темы о репрессиях, не знали многих фактов, истории конкретных лагерей, человеческих судеб. «Об этом не прочтешь в школьных учебниках», – так отозвался о проведенной экскурсии по выставке один из учеников гимназии. Многие дети, как выяснилось в ходе экскурсий по выставке, сегодня плохо знают историю Второй мировой войны, не знают об истоках нацизма, фашизма. Надо сказать, что

современных школьников это очень волнует, они хотят знать и говорить об этом, на экскурсиях они задавали массу вопросов. Говоря о сущности фашизма, экскурсовод пытался вывести школьников на серьезный разговор о сегодняшних попытках возрождения фашизма в нашей стране. Мы побуждали детей говорить и рассуждать, возникали дискуссии. Дети сами проводили аналогии, думали и размышляли над тем, к чему приводит политика подавления личности, политика диктатуры.

Выставка «В мире двух диктатур» стимулировала сотрудников отдела истории к дальнейшему изучению и сбору материалов. В 2003 в музей была передана коллекция (документы о работе с репрессированными) депутата Сыктывкарского горсовета Н.Д.Есина, внутрилагерная переписка и фотографии из частного архива Е.В.Марковой (письма профессора Б.С.Баскова, актера А.А.Маркова, болгарского подданного Валентина Олигера, поэта Георгия Ронталы, актрисы воркутинского театра Клавдии Александровой). Е.В.Маркова, передавшая эти уникальные материалы, родилась в 1923 году в Киеве, во время оккупации немцами благодаря знанию немецкого языка спасла советских раненых бойцов. В конце 1943 года она была арестована, осуждена по 58-й ст. и приговорена к 15 годам каторжных работ. В Воркуте работала на шахтах №9, 11, 2. В ноябре 1953 года освобождена, но была оставлена на поселении в Воркуте. В настоящее время Е.В.Маркова доктор технических наук, главный специалист Российского центра испытания и сертификации «Ростест-Москва», профессор Академии стандартизации, метрологии и сертификации.

В октябре 2002 года экспозиционер Е.И.Морозова подготовила выставку «Я разделил судьбу страны...», посвященную детям ГУЛАГа (художник Л.В.Мишарина). Выставка была развернута на постоянной экспозиции «Коми край (АО, республика) в 1917–1941 гг.», на которой был представлен ряд документов из Национального архива РК (разрешение эвакуатору Архдетприемника на выдачу и доставку Фрица Тарайковского, запрос о розыске детей и подростков и др.), из Республиканского архива Министерства образования и высшей школы (списки детей Сереговского, Вомынского и Межадорского детских домов), документы из фондов НМРК (личные учетные карточки А.Слесаренко, Ю.Сазонова, материалы об В.И.Уборевич-Боровской), а также экспонаты и документы из коллекций Печорского историко-краеведческого музея (материалы о Н.А.Морозове, Е.П.Кисенко, М.М.Цуберт, а также детские игрушки 1940-х годов, сделанные заключенными Севжелдорлага и др.).

Проблемы, связанные с историей репрессивной политики в регионе, были также освещены на выставке «В поисках Эльдorado» (экспозиционер С.В.Бандура, художник Л.В.Мишарина), посвящен-

ной 80-летию Общества изучения Коми края и 110-летию со дня рождения А.С.Сидорова, одного из основателей ОИМК. А.С.Сидоров был арестован в 1937 году за «участие в антисоветской организации», как и многие другие ученые, краеведы (В.И.Лыткин, А.А.Чеусов), писатели (В.А.Савин, В.Т.Чисталев). Выставка открылась в октябре 2002 года.

Важным этапом в научно-исследовательской деятельности отдела истории явилась разработка в 2002–2003 годах научной концепции музейного проекта «Между строк: история в письмах, дневниках, воспоминаниях. 1929–1959 годы» (авторы И.Ю.Моисеева, И.Н.Котылева, С.В.Бандура). Идея проекта родилась во время проведения Первого международного симпозиума памяти В.В.Иофе «Мир после Освенцима и Гулага». Цель проекта – попытка на основе подлинных документов личного происхождения (писем, дневников, воспоминаний) воссоздать через экспозицию атмосферу эпохи тоталитаризма в советском государстве, попытаться понять и осознать Человека в этой Эпохе и Эпоху в Человеке. Выставка предполагает электронный вариант. Проект проработан в научном и художественном плане, подготовлена научная документация. Однако в настоящее время у музея нет финансовых средств на его осуществление.

Совсем недавно в музее родилась идея создания выставки «Репрессированные художники в Коми республике» (автор Е.И.Морозова). Этот проект планируется осуществить совместно с Национальной галереей РК. Уже составлена библиография по теме, составлен список работ художников, прошедших через репрессии (из фондов НМРК и НГРК). Направлены запросы в архив ИЦ МВД РК по репрессированным художникам, находившимся на спецпоселении. Изучены дела на А.П.Арцыбушева, Х.Г.Хейнла. Работа продолжается.

Таким образом, сегодня в рамках темы «История политических репрессий» сотрудники НМРК исследуют целый круг вопросов. Наиболее изученным является период 1930-х – 1950-х, период массовых репрессий, пик политических репрессий в России, в отличие, например, от периода 1950-х – 1980-х.

История инакомыслия 1950-х – 1980-х пока не отражена в музейных коллекциях в силу того, эта тема не так давно была запрещенной, и изучение ее могло иметь негативные последствия для сотрудников музея. Мы надеемся, что выставка «Воркута – Ленинград: история сопротивления в зеркале Коми в 1950–1980-х годах» – подарок музею Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» – во многом восполнит пробел в комплектовании темы.

Сергей Шевырин

Уроки истории в Музее Гулага

Из опыта работы
Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36»

*Сергей
Андреевич
ШЕВЫРИН –
научный
сотрудник
Мемориального
музея
истории политических
репрессий
«Пермь-36»
(г. Чусовой
Пермской области)*

Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» создан на месте бывшего исправительно-трудового лагеря. Этот лагерь возник еще в сталинские времена – в 1946 году. Около 1000 заключенных должны были заготавливать и сплавлять лес. В 1972 году лагерь стал политическим. Из мордовских мест заключения в Пермскую область были переведены наиболее опасные, по мнению правительства, политические заключенные. Именно в это время лагерь получил название ВС 389/36, или «Пермь-36». Среди узников пермских политлагерей были авторы и распространители антикоммунистической литературы, участники правозащитных групп, религиозных, национальных и других организаций – Владимир Буковский, Сергей Ковалев, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Василий Стус, Натан Щаранский, Глеб Якунин и другие. В 1980 году при ИТК ВС 389/36 был создан участок особого режима для «особо

опасных государственных преступников». Из трех политлагерей, существовавших на то время на территории Пермской области, этот участок был самым жестким – заключенные содержались только в камерах за двойными металлическими дверями. Лагерь «Пермь-36» был закрыт в 1988 году. Благодаря усилиям общественности Перми в 1995 году брошенные здания и бараки бывшего Учреждения ВС 389/36 были переданы Мемориальному музею истории политических репрессий «Пермь-36». На территории лагеря сохранились уникальные постройки сталинского времени (бараки, баня), постройки времен политической зоны (барак особого режима с тесными камерами и маленькими прогулочными двориками). То есть имеющиеся артефакты могут наглядно рассказать и о Гулаге и о послесталинских политических лагерях. Экспозиции и выставки Мемориального музея «Пермь-36» раскрывают историю репрессий, тоталитаризма, историю Гулага («Прикамье. Репрессии. 1930–1950 годы», «Прикамье. Век XX», «Гулаг: история, труд и быт», «Власть и народ в России», «Узники барака особого режима»).

Основные посетители музея – школьники старших классов. При проведении экскурсий оказалось, что учащиеся в подавляющей своей массе слабо представляют историю сталинских и послесталинских репрессий, причины возникновения тоталитарного общества. При обращении к школьному курсу истории выяснилось, что при изучении Советского общества выделяется всего несколько часов для истории репрессий и тоталитаризма. Причем во многих школах преподавание ключевых моментов советской истории ведется почти так же, как при советской власти. Так, изучая эпоху индустриализации, часто школьникам рассказывают об успехах советской экономики, о росте промышленных предприятий и т.п. и почти никогда – о том, что именно в годы первых пятилеток шел активный процесс становления системы принудительного труда, рост числа заключенных, концептуальное изменение пенитенциарной практики. Именно в эти годы элементы принуждения распространяются и на вольных рабочих и т.д.

Сотрудники музея пришли к выводу, что материалы музея – экспозиции и выставки – должны активно включаться в школьный учебный процесс. Так возник проект «Уроки истории в музее Гулага», главной идеей которого было посещение Музея учащейся молодежью по специальной программе, обобщающей, углубляющей и корректирующей школьные знания. Само посещение Музея, экскурсия – необычайно сильный, эмоционально насыщенный (а значит – запоминающийся) «урок истории». В рамках проекта в Музее был создан аудио-визуальный зал с различными программами, связанными со школьным курсом истории. В зале школьники не только получают информацию, но и активно высказываются сами, осмысливают но-

вые данные. Одновременно шла работа и с учителями – проводились специальные семинары в Музее по ключевым проблемам советской истории. Общение с учителями выдвинуло следующую задачу – создание методических и иллюстративных пособий. Сейчас эта задача решается совместно с Институтом повышения квалификации учителей, и в начале 2004 года первые разработки уроков должны быть опробованы в некоторых школах города Перми.

В качестве промежуточного результата (проект не завершен) можно отметить возросший интерес учащихся и учителей к теме истории репрессий, тоталитаризма, что выразилось в уже сложившейся системе волонтерских школьных лагерей на территории музея: ученики старших классов участвуют в экспедициях на места заброшенных лагерных пунктов, записывают воспоминания местных жителей, помогают в музейной работе. Учителя активно участвовали в конкурсе уроков по теме «История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР», организованном Музеем и общественным центром им. А.Д.Сахарова. Данный проект, аккумулируя просветительскую, научную, экспозиционную и выставочную деятельность Музея, должен привести к созданию мощного ресурсного центра, обладающего научной и методической базой по истории репрессий и тоталитаризма.

Хотелось бы привести несколько отзывов о проекте:

«Ни один урок истории в теплом классе не заменит эту экскурсию по холодным камерам ГУЛага. Восстановите здесь все, как было на самом деле, чтобы помнить, как преследовали за инакомыслие, и чтобы это никогда не повторялось».

«Мы уверены: кто хоть однажды увидит материалы музея: эти бараки, вышки, ограждения, – тот никогда не забудет этого. Учителя разного возраста испытали своеобразный шок, оказавшись на территории мемориала. Мы пережили атмосферу 30–50 годов: страдания людей, страх и всеобщую подозрительность, нищету и полное бесправие, а переживший это однажды – никогда не допустит подобного».

«Музей помогает учителю-практику наполнить уроки, посвященные тоталитарному режиму, фактическим материалом, яркостью эмоциональных переживаний, что позволит учащимся прочувствовать изучаемую эпоху».

Евгения Зеленская

Выставка плакатов «Ухта. 1929–1956 гг.»

*Евгения
Анатольевна
ЗЕЛЕНСКАЯ –
директор музея
Ухтинского
государственного
технического
университета,
председатель Ухто-
Печорского
«Мемориала»*

Город Ухта расположен в центральной части Республики Коми. Дата начала промышленного освоения Республики Коми, как и дата зарождения города, – 21 августа 1929 года, когда на р. Ухта высадилась Ухтинская экспедиция ОГПУ – зародыш мощной гугаговской системы, которая в 1930-е – 1950-е годы охватила весь Коми край. До 1938-го территория Коми края была полностью охвачена структурами Ухтпечлага, управление которого располагалось в Ухте (в то время – п. Чибью). В лагере находились и работали репрессированные специалисты высокого уровня: геологи, геофизики, буровики, разработчики месторождений нефти и газа, химики, строители, которых использовали по специальности. Большая часть заключенных трудилась как бесплатная рабочая сила на строительстве шахт, заводов, трактов, лесоповалов и железной дороге.

Приоритетным направлением Ухто-Печорской общественной организации «Мемориал» в последние годы стала работа с молодежью. Не зная прошлого, нельзя понять настоящее. История родной страны, родного края – это, пожалуй, одно из

самых важных направлений для работы с подрастающим поколением. Только рассказывая школьникам и студентам правдивую историю государства, мы можем рассчитывать на то, что из них вырастут люди с высоким культурным потенциалом, которые смогут направить его на развитие гражданского общества.

Общение со школьниками и студентами сотрудников «Мемориала» привело к выводу, что многие из них плохо знают историю нашего края, о репрессиях не все даже слышали, а преподаватели школ жаловались на отсутствие лекционно-выставочного материала по истории региона. Поэтому мы решили разработать полноценный лекционный материал, подкрепленный выставочными плакатами.

Сотрудники «Мемориала» создали 30 плакатов под общим названием «Ухта. 1929–1956 гг.», цель которых – показать вклад заключенных в развитие промышленности нашего региона, а также рассказать об авторах приоритетов нашей республики в создании и развитии целого ряда уникальных производств, в разработке новых технологий и создании технических решений, не имеющих порой аналогов в российской и зарубежной практике. Серия плакатов была задумана с целью привлечь внимание ухтинцев к белым пятнам в истории региона и по возможности получить от них дополнительные сведения по истории Ухтинского района.

При подготовке плакатов были использованы опубликованные и неопубликованные ранее материалы А.И.Галкина, А.Н.Каневой, Н.Булычева, А.Н.Козулина, К.П.Гурского, И.Д.Воронцовой, М.М.Розанова, Т.И.Евсеева, Г.Соболевского, О.Волкова, Н.С.Купрушева, У.Н.Отрошенко, А.И.Таскаева, А.И.Кичигина, Б.И.Купчинкина, Е.Л.Теплова, В.С.Хорькова, Н.А.Костыгова, М.М.Артамонова, Е.А.Зеленской и др., а также уникальные фотоматериалы, многие из которых были отреставрированы.

Для того, чтобы плакаты не были сухой констатацией фактов, мы решили дать на некоторых из них воспоминания как бывших заключенных, так и вольнонаемных. Например: уникальное Ярегское месторождение тяжелой нефти, где добыча происходит шахтным способом, – единственное месторождение в России, разрабатываемое подобным образом. Воспоминания политзаключенного Г.Соболевского рассказывают о непередаваемо тяжелых условиях работы в шахте. Большое впечатление оказывают на посетителей и стихи репрессированного В.Г.Васильева, в которых автор извиняется перед лошадью за украденный у неё заключенными овес.

Открытие выставки «Ухта. 1929–1956 гг.» состоялось 30 октября 2002 года в Дни Памяти жертв политических репрессий – в Центральной городской библиотеке, а затем она экспонировалась в музее Ухтинского государственного технического университета.

Разрабатывая плакаты «Ухта. 1929–1956 гг.», мы надеялись включить посетителей в диалог, получить от них какие-либо уточнения и до-

полнения в предложенный им исторический материал. Первое нам удалось, но получить дополнительной информации от посетителей мы не смогли. Однако нужно отметить, что плакаты заинтересовали учителей школ нашего города, а также преподавателей техникумов и университетов Ухты и Сыктывкара.

В настоящее время мы собираемся расширить тематику плакатов и дополнить выставку новыми, затем растиражировать их по школам города и университетам, а также на их основе издать учебное пособие, где будет в большем объеме дана информация и источники, которые были использованы.

Татьяна Афанасьева

Опыт создания лагерной экспозиции

Татьяна
Геннадиевна
АФАНАСЬЕВА –
директор музея
«Покаяния»,
заслуженный
работник культуры
Республики Коми

С марта 2000 года существует музей «Покаяние» в городе Печоре, созданный в рамках республиканской программы «Покаяние». Организованное в 1989 году Печорское отделение общества «Мемориал» с самого начала действовало на базе городского музея, естественно, главным для мемориальцев оказалась музейная работа по сбору краеведческого материала об истории репрессий 30–50-х годов на Печоре. За 10 лет оказался собран значительный объем архивных, вещественных предметов музейного значения по теме репрессий. Благодаря содействию председателя фонда «Покаяние» И.Е.Кулакова был одобрен проект музея. В соответствии с целями и задачами экспозиции архитектурно-художественный проект предлагал создание изломанного, искореженного, деформированного пространства, своего рода «зазеркалье», где посетитель ощущает атмосферу эпохи террора, искажившую основные человеческие ценности.

Помещение для будущего музея, три комнаты общей площадью 70 м², выделены в здании местного краеведческого музея. Работы по созданию экспозиции ведут старший науч-

ный сотрудник Т.Г.Афанасьева, она же экспозиционер, и художник-реставратор Печорского краеведческого музея Б.Б.Иванов – автор архитектурно-художественного проекта, он же исполнитель, рабочий, изготавливающий экспозиционное оборудование.

На сегодняшний день построен один из разделов экспозиции музея, который называется: «История одного лагеря (Сельхозлагерь НКВД–МВД «Кедровый Шор» в 1932–1953 годах)» – «От сельхозлага до наших дней. Поселок Кедровый Шор вчера и сегодня». Эпиграф к разделу: «Долго будет Родина больна...»

Экспозиция создана на базе уникального лагерного архива сельхозлага «Кедровый Шор». Это документы хозяйственной деятельности лагерного управления, знакомство с которыми дает возможность узнать многие аспекты существования людей в сталинских лагерях: организацию труда заключенных, организацию вооруженной охраны, численность и состав заключенных, их быт, питание, так называемую культурно-воспитательную работу среди «лагнаселения» и др. Мы хотим показать типичность этого лагеря и его особенность как сельхозлагеря, но у нас есть еще одна задача – разобраться вместе с посетителями в том, как лагерная история поселка выявляется в сегодняшнем его облике, какое наследие оставил нам ГУЛАГ.

В основе архитектурно-художественной композиции – типовой лагерный забор, являющийся одновременно экспозиционным полем для подлинных документов. Забор как архитектурный элемент вместе с так называемыми «гусаками» создает ощущение замкнутого пространства, которое усиливается благодаря плакатам с советскими лозунгами 30–50-х годов, выполненными на кумачовой ткани с соблюдением типичного шрифта того времени и расположенными как бы в продолжение «гусакам», что закрывает экспозиционное пространство сверху. Тексты лозунгов – в резком диссонансе с содержимым документом, таким образом, экспозиция построена на противопоставлении декларируемого и действительного. Пространство замыкают витрины.

Начало экспозиции – планшет – фотоколлаж с надписью «Декрет о земле (Принят на 2-м Всероссийском съезде...)» Фотоколлаж с репродукциями известных исторических фотографий, касающихся судеб крестьянства в России, постепенно перетекает в черно-белые полосы – символ неволи – и соединяется с композицией из карликовых берез, олицетворяющих природу Севера, куда в 30-е годы были высланы лучшие представители крестьянства. Это и олицетворение крушения вековых чаяний крестьян.

По центру зала – рабочий стол начальника лагеря, замыкающий экспозиционное пространство спереди. На столе, покрытом кумачовой скатертью, атрибутика власти, папка с личным делом заключенного. Рабочий стол – символ беспредельности власти в тоталитарном государстве.

Завершает экспозицию планшет-фотоколлаж с надписью: «На свободу с чистой совестью!» и «Освобождение из лагеря – это переход из “малой зоны” в “большую зону”». Фотоколлаж переходит в черно-белые полосы, упирающиеся в композицию из колосьев ржи, ячменя и крестьянских серпов.

Часть экспозиции «Кедровый Шор сегодня» оформлена в экспозиционных альбомах.

Особенность в том, что экспонируется плоскостной материал, без объемных вещественных предметов. Основные элементы оборудования универсальны и легко поддаются трансформации, витрины изготавливаются на шарнирах, позволяющих их без труда демонтировать, настольная композиция – сменная, витрины позволяют периодически менять документы, что в перспективе дает возможность охватить показом гораздо большее число подлинников.

Основной предмет показа – подлинный документ, часто рукописный, труден для восприятия посетителей, поэтому одна из главных целей – сделать документ впечатляющим и доходчивым экспонатом. Один из главных критериев отбора документов – возможность для посетителя при беглом осмотре получить представление о его содержании, то есть читабельность (большое число подлинников, среди которых много аналогичных вариаций, позволяет сделать отбор).

Некоторые документы и части документов будут подвергнуты сверхувеличению, там, где это необходимо, рядом с подлинником дается полстрочный печатный текст.

Подлинный документальный материал предъявляет строгие требования к его хранению, поэтому часть документов, которая будет экспонироваться длительно, оформлена в стеклопакеты; остальные – в стеклянных, плотно закрытых витринах – периодически меняются. Помещение защищено от солнечного света.

Фонды музея «Покаяние» входят в состав фондов Печорского историко-краеведческого музея, не отделены от него, то есть мы имеем дело с одним из разновидностей межмузейного объединения. Предметы зарегистрированы в актах принятия, книгах поступлений, картотеках. Структура фонда включает в себя архивный (ф-31) и вещественный фонд. К архивному фонду примыкает документация Кедровошорского сельхозлага (1940–1956), не до конца прошедшая обработку по правилам ГАУ, по этой причине невозможно определить фонды количественно, примерное число единиц хранения кедровошорского архива – 2000 ед. хр. Состав фонда включает в себя:

- воспоминания узников Гулага, жителей бывших спецпоселков, родственников репрессированных, охранников и др. Фонотека голосов. Всего более 300 ед. хр.;

- личные коллекции, опросные листы, документы, материалы экспедиций по поселкам – около 350 ед. хр.;

- материалы общественного музея Печорстроя, переданные на хранение в ПИКМ: официальные документы, воспоминания строителей, многотиражки Печорстроя (Печорлага) военного времени. Наиболее интересны: акты приемки участка дороги Кожва–Воркута, документы мерзлотной станции, чертежи мостов, карта участка дороги 1942 года, газеты «За полярную магистраль» военного времени, коллекция О.Ефремова и его отца (периода жизни в Абези) – всего около 200 ед. хр.;

- архив отделенческой больницы №8. Документы Научно-исследовательской базы Печорлага, материалы о врачах, проф. Г.Данишевском, академиках Л.Зильбере, Б.Болтянском и др. – 234 ед. хр.;

- материалы о репрессированных писателях: Г.Майфет, В.Гжицкий, А.Маленький, О.Вишня, Ф.Тараканов, С.Попов и др. В коллекции есть вещественные мемориальные предметы – 84 ед. хр.;

- об известных политзаключенных Печорлага – 51 персоналия;

- мобилизационные карточки призванных из лагерей Кожвинского района. Переданы ПИКМ Печорским горвоенкоматом в 1998 году – 56 тыс. карточек;

- коллекция, переданная Домом культуры железнодорожников, где размещался лагерный театр: театральные реквизит, картины лагерных художников, книги из библиотеки Печорлага – 21 предмет;

- вещественный фонд включает в себя орудия труда, предметы лагерного быта, лагерного искусства (шкатулки, др.), мемориальные вещи, напр., кресло академика Зильбера) – 64 предмета.

Музей имеет общественную приемную, на его базе работает школьно-педагогический клуб краеведов, есть своя библиотека (часть библиотеки «Мемориала», периодические издания по правозащитной тематике выступают здесь и в качестве экспозиционного материала).

Сейчас одно из главных направлений в комплектовании фондов – видео-фонозаписи воспоминаний. Это работа, не терпящая отлагательства. В летний сезон проведены поисковые экспедиции по району и городу вместе со школьниками. Составлен план-схема большого массового захоронения в районе Мишяга, установлен памятный знак. По итогам летних поисковых экспедиций состоялась научно-практическая конференция школьников.

Каждое лето мы совершаем поездки в Кедровый Шор, другие спецпоселки. Нам интересно все: бывшие узники лагеря, его охранники, их дети и внуки и те, кто недавно поселился здесь; улицы и дома поселка, кладбища, могилы и захоронения, места бывших лапунктов, хозяйственная деятельность поселков, весь уклад жизни. Мы бываем в школах, беседуем с детьми и учителями, нам интересно, что они думают о своем поселке, его будущем, что знают о его прошлом. О чем мечтают. Соби-

раем детские альбомы с рисунками и ответами ребят на вопросы, волнующие всех нас.

В дальнейшем речь пойдет о создании единого музейного комплекса: это само здание музея, находящееся на территории бывшей рабочей зоны Печорлага. Примыкающий к нему сквер может быть использован для создания мемориального комплекса первостроителям города Печоры – заключенным Печорлага. Готовится единый экскурсионный маршрут по местам Печорлага в городе и пригороде, на место массового захоронения в Мишяге.

Мы предполагаем включиться в российскую программу «Музеи «Мемориала»», задачами которой являются установление контактов между музеями, профессиональная подготовка работников музея, организация межмузейных выставок, разработка просветительских музейных проектов и программ.

Антон Беловол

История строительства города Ухты Республики Коми в 1930-е – 1950-е годы в фондах музея Ухтинского государственного технического университета

Антон
Александрович
БЕЛОВОЛ – студент
исторического
факультета
Сыктывкарского
государственного
университета

Ухта была создана одним из подразделений Гулага, поэтому лагерный метод, безусловно, наложил свой отпечаток на процесс создания и облик современного города и т.д. Нам представляется, что на примере города Ухты, с последующим корпоративным анализом по другим северным городам Республики Коми, вполне можно проследить общее и особенное в строительстве города Ухты в условиях существования развитой гулаговской системы. Поселение Ухта и в 1930-х, и до середины 1950-х – это, собственно, одно и то же. Можно сказать, что поселение Ухта – это даже более узкое понятие, чем Ухтпечлаг (Ухтижемлаг).

Первые здания в Ухте – это барачного типа бревенчатые одноэтаж-

ные дома комнатной системы с общим коридором. Эти дома строили на левом берегу реки Ухты в районе современных улиц Мира и Октябрьской, Первомайской площади; на правой стороне реки Ухты в 1932 году был построен рабочий поселок для вольнонаемных.

26 декабря 1933 года Я.М.Мороз издал указ о строительстве нового культурного центра Ухтпечлага. Местом был выбран сосновый бор на левом берегу реки Ухты, то есть нынешний старый город. Проектная организация тут же составила соответствующую документацию. В 1934 году была организована особая ударная строительная группа и специальная группа по культурно-художественному оформлению строящихся объектов. Возглавляли ее бывший художник Харбинского театра Н.И.Михайлов и архитектор-художник из Москвы Ю.В.Левин. В последующие годы строительство продолжалось ударными темпами. Этому в частности способствовало прибытие новых архитектурных кадров.

26 октября 1937 года был создан проектный отдел при управлении Ухтинским комбинатом (ранее каждое предприятие внутри него имело свою проектную организацию, но в условиях увеличения строительства такая система была неудобна).

В феврале 1939 года в Чибью был создан поселковый Совет. Согласно постановлениям заседаний поселкового Совета, один из вопросов, которыми он занимался, было наблюдение за жилищно-коммунальным состоянием поселка. Главной проблемой была нехватка жилья для вольнонаемных, которых на середину 1939 года насчитывалось 3,5 тысячи, общая же площадь сорока пяти жилых домов равнялась 12,5 тысячи квадратных метров, то есть меньше 4 квадратных метров на человека. В городе было 3 школы, 3 клуба, 1 библиотека, 2 детских сада, одни ясли, две бани, почта, телеграф, телефонная станция, радиоузел.

Рассматривался на заседаниях поссовета и вопрос о создании генерального плана строительства и развития поселка. Начальники различных отделов Ухткомбината противились его созданию и не вносили своих предложений при его создании. Однако все-таки в конце 1939 – начале 1940 года первый план планировки и застройки Ухты был разработан под руководством Орлова, Урбан, Жижимонтова, Левитана.

На первом этапе строительства города главным материалом было дерево, однако это не мешало архитекторам и строителям создавать здания с использованием элементов классической архитектуры: колонны, портики, колоннад. В 1942 году архитектором Урбан был построен первый трехэтажный каменный дом для работников Ухтинской ТЭЦ. Но война притормозила не только дальнейшее использование камня, но и строительство города вообще.

В военные годы крупного строительства в Ухте не было.

В 1946 году начинается настоящий бум в строительстве. Во-первых, был несколько реконструирован и «загримирован» под каменные ряд

деревянных зданий: школа, театр, столовая, здание летнего театра, здание управления Ухтинского комбината и т.д. Во-вторых, начинается активное строительство 3–4-этажных каменных зданий, как жилых, так и административных: новое здание Управления, построенное по проекту архитектора Левитана, жилые дома Управления по улицам Первомайской и Октябрьской, замечательный дом Орлова на ул. Косолапкина близ поликлиники №1, одно из административных зданий Управления на улице Бушуева.

Новый же этап в строительстве Ухты начался с 1950 года и связан прежде всего с деятельностью очень продуктивного тандема двух архитекторов Мурзина и Жижимонтова, по проектам которых, начиная с 1950-го года, стали строиться целые комплексы зданий, целые улицы, например, Первомайская, Кремса, Косолапкина, Мира; создавался архитектурный ансамбль Первомайской площади, законченный созданием памятника Ленину и жилого квартала за ним в конце 1950-х.

Это краткая история строительства города Ухты. Музей Ухтинского государственного технического университета, который был создан примерно в середине 1990-х, на наш взгляд, – наиболее динамично развивающееся учреждение в Ухте, особенно в части сбора исторических источников, оснащенного необходимым оборудованием, подбором достаточно квалифицированных, а главное инициативных работников. Сейчас музей обладает одним из богатейших в Ухте собранием различных исторических источников по истории Ухты, а самое главное, что эти материалы доступны исследователям. Значительное место, среди них занимают источники, посвященные истории строительства Ухты. Среди них можно выделить следующие:

1. Копии документации Проектно-изыскательской конторы Ухтинского комбината (ныне Научно-исследовательский институт ПечорНИПИ-нефть) – это главным образом старые чертежи и планы различных гражданских объектов города, построенных начиная с 1946 года, поскольку считалось, что все планы до 1946 года были уничтожены. Однако это оказалось не совсем верным, т.к. в архиве ПечорНИПИнефти нам удалось найти два чертежа 1945 года. Для нас это была настоящая сенсация, особенно учитывая то, что авторами этих чертежей были архитекторы, работ которых практически не сохранилось, – Урбан и Гусейн-Заде. Как уже упоминалось, оригиналы документации Проектно-изыскательской конторы Ухтинского комбината пока находятся в ПечорНИПИнефти, но поскольку они ликвидируют часть своего архива проектно-технической документации, то старые планы и чертежи гражданских объектов города в скором времени будут переданы на хранение в Музей УГТУ. Надо отметить, что данный источник очень важен: во-первых, для определения подлинных авторов тех или иных объектов (поскольку в литературе встречаются некоторые неточности); во-вторых, для сравнения построенных зданий с их проектами, для получения до-

полнительной информации о тех или иных зданиях, проект которых разрабатывался, но в силу различных причин так и не был воплощен полностью; в-третьих, что удивительно, данный источник порой позволяет узнать о каком-либо объекте, который не сохранился и о котором нет абсолютно никаких упоминаний в других источниках; в-четвертых, порой информация, содержащаяся в этих планах, действительно уникальна и позволяет менять некоторые представления о строительстве города Ухты. Например, считалось ранее и считается до сих пор, что примерно до конца 1940-х город строили в основном по индивидуальным проектам – позднее, в конце 1940-х, было издано постановление Совета Министров Коми АССР о том, чтобы при наличии типового проекта здания должны были строить по нему, а окончательный переход к использованию типовых проектов произошел позднее, следствием этого перехода явилось появление и распространение т.н. «хрущевки». Однако типовые проекты, согласно чертежам Проектно-изыскательской конторы, использовались при строительстве города и раньше – в 1946–1948-м. Недавно в архиве ПечорНИПИнефти мы нашли типовой чертеж общежития для ВОХРы на 50 человек от 1939 года, что подтверждает гипотезу о достаточно раннем использовании типовых проектов при строительстве города. Надо также отметить, что данный источник для реконструкции истории строительства города Ухты использован еще недостаточно полно.

2. Копии личных дел репрессированных архитекторов из Ухтинского архивного отдела Управления исполнения наказаний Минюста России по Республике Коми и из архива отдела кадров ПечорНИПИнефти. Некоторые из этих архитекторов работали в Чибью еще до организации Проектно-изыскательской конторы, например, архитектор-художник Ю.В.Левин, архитекторы А.Ф.Орлов и И.А.Калиновский. Это один из ценнейших источников не только по истории жизни архитекторов, но и по истории строительства Ухты (особенно значимы факты по 1930-м годам). Надо отметить, что личные дела из Ухтинского архивного отдела Управления исполнения наказаний Минюста России по Республике Коми изучены гораздо больше, чем личные дела из архива отдела кадров ПечорНИПИнефти.

3. В фондах Музея УГТУ находятся также неопубликованные воспоминания бывших работников Проектно-изыскательской конторы Ухтинского Комбината. Наиболее масштабные и интересные воспоминания оставили П.К.Мурзин и А.В.Крохин, воспоминания первого посвящены истории строительства Ухты и людям, которые создавали различные гражданские и промышленные объекты города, воспоминания второго – истории создания и деятельности Проектно-изыскательской конторы. Данный вид источника ранее не использовался исследователями истории строительства Ухты.

4. В Музее УГТУ собран достаточно большой фотоархив – порядка 500 фотографий различных объектов и районов города, из них большая

часть изображает Ухту 1950–1970-х, однако есть много уникальных фотографий Чибью (Ухты) 1931 – конца 1940-х. Очень информативный источник, поскольку позволяет воссоздать примерный облик поселения и выявить различные ранее не известные объекты. Например, при компьютерной обработке фотографии Театральной площади середины 1930-х в правом нижнем углу была обнаружена ранее не известная скульптура (на оригинале она была не видна).

5. Старые карты поселения Чибью. Например, работниками Музея УГТУ была найдена старая карта Чибью 1932 года, на которой нанесены не только все сооружения в районе Нефтепромысла №1, но и транспортные коммуникации, в частности несколько длинных линий деревянных рельсов. Данный источник также уникален, особенно в плане точного определения уже существовавших на 1932 год зданий и сооружений.

6. Также в фондах Музея УГТУ хранятся документы о многих выдающихся людях города, например о Н.Е.Палкине, Н.П.Жижимонтове, С.И.Новопавловском, П.К.Мурзине и многих других, так или иначе причастных к строительству города.

7. К источнику по истории строительства города можно также отнести и сводную таблицу чертежей различных объектов выполненных Проектно-изыскательской конторой Ухтинского комбината с 1946 по 1960 год, составленную работниками Музея Ухтинского государственного технического университета по чертежам из архива предприятия ПечорНИПИнефть. Данный источник еще нигде не использовался и не публиковался.

Помимо этого, Музей УГТУ располагает обширной библиотекой, в которой проблема истории строительства Ухты представлена достаточно полно (в том числе много и материалов из периодической печати, среди которых достаточно много воспоминаний ветеранов города). Хранится в музее УГТУ и машинописная рукопись так и не изданной книги «Чибью–Ухта – 50 лет», в которой предполагалось напечатать две статьи о строительстве г. Ухты.

Литература

- Прасолова Л.С. Ухтпечлаг и строительство г. Ухты // Чибью–Ухта – 50 лет. (Машинопись. Архив Музея УГТУ).
- Козулин А.Н. Зарево над Тимманом. Сыктывкар, 1987. С.62–67.
- Канева А.Н. Гулаговский театр Ухты. Сыктывкар, 2001. С.6–15, 18–19, 118–121.
- Борозинец Л. История развития г. Ухты // Вестник культуры РК. 1993. №4. С.3–13.
- Канева А.Н. Градостроители // Чибью–Ухта – 50 лет. (Машинопись. Архив Музея УГТУ).

Ирина Котылева

«1000 писем о войне и мире»:

Первые шаги к созданию и опыт
представления CD-проекта в
российском и европейском обществе

Когда умирает Человек, умирает целый мир.

Андрей Битов

*Ирина
Николаевна
КОТЫЛЕВА –
заведующая отделом
истории
Национального
музея
Республики Коми*

В 2002 году по предложению Министерства культуры Республики Коми Национальный музей РК подготовил концепцию международного проекта по созданию CD «1000 писем о войне и мире. Вторая мировая война в письмах» с целью участия в программах по культурному сотрудничеству в Баренцевом регионе. Авторы концепции проекта (С.Беляева, И.Котылева, И.Моисеева) изначально руководствовались принципом, что в новом веке должно произойти новое осмысление Второй мировой войны, без разделения, кто был на чьей стороне, а с акцентированием внимания на то, что происходило с человеком в те трагические дни. Всем участникам проекта было предложено сфокусировать внимание не на представлении борьбы, не на противостоянии стран и идеологий, а на показе человека, его чувств, ощущений, размышлений.

Для авторов проекта отказ от устоявшегося в советской историографии образа врага был принципиален. Во многом наша позиция перекликается с размышлениями И.Г.Яковенко о том, что сформировавшаяся в советской культуре мифологема врага становится причиной блокирования диалога между представителями разных культур: «...мифология вечного боя, презумпция трактовки противостоящего тебе (в войне, в полемике, в обыденном конфликте) как Врага с большой буквы... тормозит любое взаимопроникновение смыслов, перекрывает возможности рождения третьего и ведет к вечному движению по кругу в рамках инверсионных перекодировок социального и культурного космоса»¹. Авторам концепции проекта виделось, что данный проект может стать благодатной основой для развития Диалога как между культурами, так и между поколениями. С нашей точки зрения, именно антропологический подход должен стать основой для понимания подрастающим поколением всех сложностей исторических коллизий.

Идея создания единых каталогов различного рода документов периода Второй мировой войны не нова, но изменения, которые происходят в российской историографии в последние десятилетия и в российской культуре в целом, предполагают вновь обращение к этому направлению научно-исследовательской деятельности. В связи с этим понятен и вновь возросший интерес к письмам как к интереснейшему источнику для постижения мира Человека в ту или иную эпоху. Предполагается, что в созданной информсистеме будут представлены не только фронтовые письма и просто переписка гражданского населения, но и переписка лагерная, так как для России это время не только героических сражений, но и время Гулага. Как показал опыт первоначальной организации работы по выявлению материалов в российских архивах и фондах музеев, в музейных фондах более обстоятельно представлены письма непосредственных участников войны, большей частью это письма с фронта, реже – письма на фронт и переписка между бойцами различных боевых частей. Переписка между гражданскими лицами в таких коллекциях практически не представлена, письма из Гулага также немногочисленны. И в этом плане работа над проектом спровоцировала активизацию работы НМРК по выявлению и комплектованию писем и личных архивов.

Основная цель проекта – создать CD и сайт в Интернете, представляющие письма периода 1939–1945 годов, написанные гражданами России (Республика Коми, Архангельская и Мурманская области, Республика Карелия), Финляндии, Норвегии и хранящиеся в государственных музеях и архивах. В информсистеме предполагается организовать

¹ Яковенко И.Г. Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М., 2002. С.138.

материал по странам и по годам. По каждому региону планируется представление писем через объединение их по определенным людям (3–10 писем по каждому человеку). По каждой персоналии предполагается представление фотографий (могут быть семейные и групповые), биографии человека, справочный материал по людям и событиям, которые упоминаются в письмах. Всего от региона может быть представлено 100–150 писем. Письма будут представлены на русском и английском языках. Письма на языке оригинала будут представлены в отсканированном варианте.

При всем обилии предполагаемого для представления материала основным в созданной программе должен стать показ человека, при этом человека не просто как физического субъекта, а как личности, независимо от возрастных и социальных характеристик. Фокусирование внимания именно на концепте «личность» связано не только с интересом к внутреннему миру, а и с тем, что именно концепт «личность» тесно взаимосвязан с понятиями «государство» и «гражданское общество»².

Участники со стороны Финляндии и Норвегии уже при первом обсуждении отметили, что их заинтересовал проект именно своим приоритетом концепта «человек/личность». В этом плане между нами и зарубежными участниками сразу выстроилось взаимопонимание, хотя есть и ряд различий в подходах в работе с источниками. Следует также отметить, что при первом обсуждении проекта с участниками из Финляндии и Норвегии стало ясно, что интерес к письмам как многоаспектным источникам в этих странах подкреплен и более основательной базой (если наша коллекция писем периода Второй мировой войны исчисляется сотнями, то их коллекции – десятками тысяч). Учитывая существование методологических различий в работе с письмами как историческими источниками у российских исследователей и зарубежных, участникам было предложено провести совместный семинар по данной проблеме на базе Национального музея РК осенью 2004 года. Семинар поможет выверить концепцию и структуру будущей информсистемы, более точно определиться в отборе представляемых писем и сопутствующих материалов.

На фоне взаимопонимания с западноевропейскими партнерами по основополагающим принципам проекта более рельефно обозначились те проблемы, с которыми мы столкнулись при обсуждении проекта с представителями российской стороны. Со стороны ряда представителей власти выявилось некоторое удивление (а в своей глубинной основе – недопонимание, а может, даже и неприятие), что проект выстраивается на показе судеб простых людей. Вот пример одного из таких разговоров:

– Чьи это письма, простых людей? Не героев?

² См.: Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С.705.

– Да. Это основа проекта – показ мира человека, просто человека, потому что мир каждого человека значим...

– Они даже не герои?..

– Не это главное. Среди них есть и участники войны, совершившие подвиги, но будут письма и тех, кто был репрессирован, был в лагерях... Сейчас мы получили уникальные письма из частного архива, это письма из лагеря и внутрилагерная переписка, это потрясающие свидетельства человеческого духа...

– Если это не знаменитости, это будет никому не интересно...

Возможно, в выдвинутых контраргументах есть рациональный взгляд на тему. Конечно, известные исторические фигуры всегда вызывают больший интерес, нежели рядовой участник событий, и с каждой стороны будут представлены такие материалы, но авторы проекта принципиально выдвигают на первый план положение, что значима жизнь каждого человека, «когда умирает человек, умирает целый мир».

И этот разговор, и отсутствие реальной поддержки со стороны властей по реализации проекта вновь подтолкнули к размышлениям о сложностях взаимовлияний культуры и идеологии, в том числе и о том, как воспринимался Человек в советской идеологии. В этой связи вспоминается высказывание И.Сталина, которое открывает раздел «Личность в истории» в «Кратком философском словаре», изданном в 1940 году: «Краеугольный камень марксизма – масса, освобождение которой является главным условием освобождения личности, т.е. освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего лозунг: "Все для массы"»³. Т.е. человек как бы есть, но только как часть массы, а не как личность. В этой связи более чем символично, что, находясь в лагере в Абези, в одной из бесед со своими соседями по стационару Лев Платонович Карсавин высказал мощнейшее по своей глубинной сути положение, вступив вольно или невольно в дискуссию с идеологией тоталитаризма: «"Я" каждого из нас индивидуально, но вместе с тем и сверхиндивидуально, может осознать себя как "я" социальных личностей, образующих обширную иерархию от "я-свой-семья" до "я-всего-человечества"...Человек в самосознании и в своих действиях выступает от лица актуальных в нем социальных личностей»⁴.

Несмотря на произошедшие изменения в последние десятилетия в российской культуре, видимо, сложившаяся уже к концу 1920-х годов традиция понимания концепта «человек» продолжает существовать в нашем сознании, для большей части населения России понятие «лич-

³ Краткий философский словарь. М., 1940.

⁴ Ванеев А. Два года в Абези // Арт. 2003. №3. С.78. Сохранившееся письмо Л.П.Карсавина и материалы, связанные с его пребыванием в Абезьском лагере, предполагается показать на выставке «"Между строк..."»: история в письмах, дневниках, воспоминаниях. 1929–1959 гг.», которая является составной частью проекта «1000 писем о войне и мире. Вторая мировая война в письмах».

ность» еще не обрело должного осознания. Поэтому, на наш взгляд, реализация проекта значима не только как еще одна попытка осознать, что значила Вторая мировая война для европейских стран, как возможность представить для широкой общественности ряд уникальных документов и свидетельств одного из самых трагичных периодов XX века, как стремление понять Человека того времени, но и как возможность «увидеть самих себя».

Возникшие проблемы в реализации проекта носят не столько экономический характер, хотя сейчас именно они выдвигаются на первый план, сколько мировоззренческий. Это еще раз подтвердило правильность нашего решения изначально рассматривать проект и как образовательный. Уже на начальном этапе, когда идет отбор и первичная подготовка материалов, в работе над проектом активное участие принимают студенты и учащиеся. Сам CD, если все же проект будет реализован, можно будет активно использовать в различных учебных курсах. И, на наш взгляд, именно те принципиальные положения, которые являются базисными в концепции проекта — отказ противостояния «свой» — «чужой» и концентрирование внимания на концепте «личность», являются потенциально значимыми для развития проекта в перспективе.

Андреа Земсков-Цюге Воспоминание, рассказ и «историческая правда»

Что мы можем узнать из устных источников?

Андреа
ЗЕМСКОВ-ЦЮГЕ —
докторантка
Университета
Констанц (Германия),
ассоциированный
сотрудник
Центра
устной
истории
Европейского
университета
в Санкт-Петербурге

История 20-го века в Германии и России несет на себе отпечаток тоталитарного строя, оставившего травматическое наследие, ощущающееся в обществе и по сей день. Оно сказывается в общественном и научном дискурсе о прошлом и в том, как в семьях и неформальном кругу передается знание о прошедших событиях.

В обеих странах люди воспринимают прошлое как проблематичное наследие, требующее общественно-го осмысления, но наряду с этим они также чувствуют потребность найти в истории своей страны и собственной жизни то, чем можно гордиться.

Представления об истории и воспоминания о прошлом определяют процесс самоидентификации отдельных людей и общества в целом.

И в Германии, и в России люди смотрят на историю своей страны и на свою биографию через призму фундаментальных идеологических из

* Автор благодарит Татьяну Воронину (Центр устной истории ЕУ СПб.) за дружескую поддержку и терпеливую помощь, оказанную ею при редактировании статьи.

менений. За короткое время от них потребовалось полностью изменить мировоззрение. В настоящее время многим из тех, кто пережил тоталитарный режим, приходится считаться с тем, что стратегии поведения и планирования жизни, ставшие для них привычными, в новых условиях оказываются не востребованными.

Процесс общественного осмысления прошлого, несомненно, влияет на историческую память. Изменение представлений о прошлом происходит не только у тех людей, которые не были очевидцами событий, но и у самих свидетелей.

Трансформирование памяти — процесс, не обязательно долгосрочный. Восприятие и память работают селективно, свидетели одного и того же события запоминают, как правило, разные детали ситуации и нередко противоречат друг другу. Даже восприятие того, что происходит в данный момент, определяется нашими убеждениями и нашим представлением о действительности. При этом в процессе исследования малоэффективным оказывается сопоставление разных взглядов на прошлое и разделение свидетельств на «ложные» и «правдивые».

В профессиональной практике общения историка с очевидцами событий проявляются и общественные дискурсы, и селективность восприятия и памяти.

Пример из практической работы

Несколько лет назад в одном из районных музеев Берлина я участвовала в создании выставки о жизни «остарбайтеров» времен Второй мировой войны, на основе биографических материалов очевидцев. Нашу рабочую группу заинтересовала судьба одной украинской женщины из интеллигентной семьи, которая в 16 лет была угнана в Берлин и должна была работать у мясника. В письмах в музей и в своем интервью она описывала тяжелый труд и жестокое обращение с ней хозяина магазина, в котором она работала в Германии. После рабочего дня в магазине до позднего вечера ее заставляли работать по хозяйству. Ей приходилось трудиться до полного изнеможения. С особой неприязнью она вспоминала хозяина магазина, мясника, в семье которого она жила. По-доброму она отзывалась о его маленьком сыне. В ее воспоминаниях ясно передались ее одиночество, тоска по близким и унижение, которое ей пришлось пережить в Германии.

В ходе работы мы узнали, что в Берлине до сих пор живет этот сын, которому во время войны было 4 года. Он вспоминал украинскую девушку только добром и подчеркивал, что она была «полностью интегрирована» в их семью. Он помог нам связаться со своей тетей, ровесницей нашей свидетельницы, которая в то же время работала вместе с ней. Во время интервью эта женщина, вспоминая свои отношения с украинской работницей, характеризовала их как близкую дружбу: девушки

обменивались одеждой, разговаривали и шутили друг с другом. Особенно тепло она вспоминала вечера на кухне, когда они вместе занимались работой по дому. В рассказе сына мясника и его родственницы украинская работница фигурировала как полноценный член семьи.

Разница в воспоминаниях этих людей связана, на мой взгляд, с различным восприятием действительности того времени и с послевоенным осмыслением прошлого в Германии и на Украине.

Наша свидетельница в молодом возрасте была насильно разлучена со своими близкими и оказалась в среде намного менее культурной, чем та, к которой она привыкла. Манера общения в семье мясника казалась ей грубой, работа — не по силам, а отсутствие книг в доме немало ее удивило. Она писала:

Я была из интеллигентной семьи, где любили музыку, книги. <...> Поэтому, попав в семью, где не было ни одной книги, я была очень удивлена: духовной жизни как таковой тут не было¹.

Совершенно по-другому ситуация представилась родственнице мясника, которая не имела образования и приехала добровольно из деревни, чтобы помочь своим родным. Она привыкла к грязной тяжелой работе и воспринимала ее как должное. Для нее было важно, что они работали и отдыхали вместе, на равных. Она вспоминала:

Мы были вместе, вот не могу сказать, что она бы как-то сомневалась «я не могу сидеть здесь рядом с тобой» или что, этого не было².

Интересно отметить, что в цитате говорится о пренебрежении, которого как будто бы немка опасалась со стороны украинской работницы.

Воспоминания украинской свидетельницы говорят о другом положении вещей. Она рассказывала, как другие пассажиры высадили ее из трамвая, называя ее «недочеловеком»:

<...> Я поехала с таким большим коробом, ну, пара индюшек была, или кого там, кроликов, я забыла, кто, его так трудно было довести, конечно я трамваем поехала. Ну и сказали, что нечего тут Унтерменьшам ездить, выходите. [Тихо:] Ну и вышла — Унтерменьш, так Унтерменьш [смеется].

В интервью с немецкой свидетельницей нет сомнений в справедливости происшедшего рядом с ней. Для нее не встает вопрос о том, почему ее «коллега» по работе принудительно оказалась в Германии. Мое наблюдение совпадает с результатами немецкого психолога Вельцера, который исследовал присутствие исторических знаний о национал-социализме в немецких семьях. В большинстве случаев опрошен-

¹ Все приведенные здесь интервью и письма хранятся в фонде «Prenzlauerberg Museum Berlin».

² «Es war ein Zusammen, also da kann ich nicht sagen, dass sie da irgendwie Bedenken hatte, ich darf hier nicht neben dir sitzen oder dies, das gab's nicht».

ные им очевидцы «...не дают понять, что они характеризовали бы систему принудительной работы хоть чем-то преступной. Для них это просто специфическое явление тех времен, которое не является проблематичным»³.

Обратимся к дискурсивному контексту послевоенного и настоящего времени, нашедшему отражение в этом примере.

По результатам исследования Вельцера, активная политика разоблачения преступлений немецкого фашизма и просветительские программы, рассчитанные на молодое поколение в Германии, оказались неэффективными. Романтические представления о том периоде по сей день не прекратили своего существования. Он пишет: «Видимо, именно успешное просвещение молодого поколения о преступлениях прошлого приводит детей и внуков к желанию поместить родителей, бабушек и дедушек в этот космос ужаса так, чтобы тень ужаса не затрагивала их»⁴.

Стоит добавить, что сами очевидцы в большинстве случаев предпочитают видеть себя и свое прошлое в положительном свете. В связи с тем, что в Германии во время записи интервью велась дискуссия о судьбе «остарбайтеров», которым выплачивались денежные компенсации за принудительный труд в Германии, можно предположить, что у немецкой респондентки есть сознательный или подсознательный интерес представлять историю своей семьи с лучшей стороны. В этом контексте ее повествование — это рассказ о «добрых» людях, которые дружелюбно отнеслись к иностранной работнице.

Интервью с украинской респонденткой произошло в то время, когда после многих десятилетий умалчивания опыта «остарбайтеров» перед украинской общественностью встал вопрос о необходимости их вознаграждения. В советском контексте «остарбайтеры» воспринимались как помощники врага, несмотря на то, что в большинстве случаев они были привезены в Германию насильно. Возможно, респондентка ранее встречалась с пренебрежительным или негативным отношением к ее опыту пребывания в Германии. Вероятно, ей была знакома дискуссия, развернувшаяся в украинской общественности, в которой, в частности, обсуждался вопрос о размере денежных выплат. Предполагалось, что участь остарбайтеров, которые жили в семьях и не работали на заводах, была лучше, поэтому им полагалось значительно меньшее вознаграждение. Эти обстоятельства должны были отразиться в содержании интервью. Рассказ как бы должен был подтвердить тот факт, что она была жертвой.

³ Welzer H. Der Holocaust im deutschen Familiengedächtnis // Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord / Hg.: Knigge V.; Frei N. München, 2002.

⁴ Welzer H., Möller S., Tschuggnall K. «Opa war kein Nazi»: Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis. Frankfurt/Main, 2002. В дальнейшем: [Welzer, 2002].

С другой стороны, вежливость хозяйки-респондентки по отношению к своим немецким гостям-интервьюерам могла привести к тому, что она в своем рассказе описывала Германию не только в темных красках. Так, например, респондентка, указывает на красивую немецкую архитектуру.

В связи с этим она говорит:

...Так бы все, конечно, было хорошо, будь чуть посвободнее или будь чуть почеловечнее этот мюллер. Уж больно он крут был. Но я потом уже читала о том, что, конечно же, Фляйшерей, это мясники все были первыми приверженцами Гитлера. Они его, что называется, на руках несли, это был их слой, так считалось вроде бы.

Из приведенной цитаты видно, что жестокий хозяин-мясник в ее рассказе олицетворяет собою все то негативное, с чем респондентка столкнулась в Германии. Свои негативные эмоции она обосновывает рассуждениями, которые относятся явно к более позднему времени, чем событие, о котором она вспоминает. Анализируя интервью, нужно иметь в виду, что такие «временные накладки» происходят чаще всего подсознательно и нередко остаются незамеченными и исследователем, и респондентом.

Здесь были приведены лишь некоторые примеры влияния «внешних факторов» на содержание интервью. Мы не останавливались, в частности, на том, как интервьюеры своим поведением во время интервью, своими вопросами и замечаниями воздействуют на рассказ очевидца, и этим зачастую влияют на ход беседы, даже не желая того.

Этот случай был приведен не для того, чтобы показать ненадежность устных источников. Как правило, в работе с устными, так же, как и письменными свидетельствами мы сталкиваемся с противоречивыми сведениями. Приведенным примером я скорее хотела показать, что «правда» бывает разной, в зависимости от внешних обстоятельств и личного состояния людей. Вероятно, все три свидетеля уверены, что рассказали во время интервью о том, как все действительно было. Однако, фокусируя внимание на таких категориях, как «правда» и «неправда», мы тем самым упускаем из вида, что действительность зависит и от восприятия.

«Историческая правда»: философское измерение проблемы

В справочнике основных исторических понятий 1994 года понятие «факт» определяется так:

«В определенном моменте объективно, то есть независимо от человеческого сознания, присутствующее. <...> Задача историка состоит в том, чтобы извлечь из массы вещей, отражающихся в источниках, практику, то есть живую общественную деятельность людей <...>»⁵.

⁵ Asendorf M. Tatsachen // Geschichte. Lexikon der wissenschaftlichen Grundbegriffe. Rowohlt, 1994., S.604f.

Таким образом определяется традиционная позиция историка, который с помощью источников стремится создать наиболее точную картину прошлого.

Информация, которую мы получаем из устных свидетельств, не может быть «независимой от человеческого сознания», поскольку она сохранялась в памяти. Значит ли это, что она не может являться реальной, что она не содержит фактов? Если это так, то из «фактов» нельзя извлечь «живую общественную деятельность людей», потому что деятельность людей не бывает независимой от их сознания.

Действительность украинской девушки в нашем примере определялась тем, что в сознании большинства окружавших ее людей она являлась «недочеловеком». Эта действительность сказывалась на всех областях ее жизни, она должна была считаться с этим «фактом». Немецкая свидетельница в настоящее время полностью исключает это обстоятельство из своего рассказа об украинской «подруге». Можно полагать, что она и тогда не восприняла общепринятое презрение по отношению к «остарбайтерам» или что наоборот, их неполноценность до сих пор является для нее само собой разумеющимся фактом, о котором даже не нужно говорить. Скорее всего, она просто вытеснила эту «неприятную деталь» из своего сознания.

Представление об объективной реконструкции бывшей действительности подразумевает, что историки должны располагать специфическим, «историческим сознанием» и восприятием, которые освобождали бы их, в отличие от современников, от предрассудков и исторической обусловленности⁶.

Но именно опыт тоталитаризма и в России, и в Германии свидетельствует, что восприятие фактов в общественных дискурсах не только в исторической науке определяется общественным сознанием, присущим времени. Социологи Бергер и Лукман в своей книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания»⁷ показали значение «общественного знания» для легитимации общественного строя, и ее взаимосвязанность с ролью и местом отдельного человека в обществе, его принадлежностью к социальным группам и идентичности.

Осмысляя свидетельства очевидцев и интересуясь не только фактической информацией, историки понимают, что не только современники, но и они сами не смогут приобрести действительно объективное представление о фактическом положении вещей в прошлом. Ссылаясь на немецкого философа XIX века Дильтея, немецкий историк Алис Кохли-Кунц приходит к выводу, что воспоминание и исторические знания по своей структуре похожи:

⁶ Kohli-Kunz A. *Erinnern und Vergessen. Das Gegenwärtigsein des Vergangenen als Grundproblem historischer Wissenschaft*. Berlin, 1973. S. 11. В дальнейшем: [Kohli-Kunz, 1973]. 11.

⁷ Бергер П.; Лукманн Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва, 1995.

«Память сохраняет не только количество прошлых переживаний, которые сами по себе понятны, но не имеют отношения друг к другу, но каждое прошлое переживание, которое вспоминается, присутствует как часть целого, то есть собственной жизненной истории»⁸. Она работает селективно, сохраняя одни значимые переживания и забывая другие, менее значительные. При этом категория значимости может определяться только с точки зрения настоящего опыта.

И работа историка определяется принципом селекции: «...он выбирает из тех материалов, которыми он распоряжается для объективной реконструкции исторического хода событий и определяет значение исторических событий не только с точки зрения того времени, но и по отношению ко всему контексту мировой истории, который ему доступен в настоящее время»⁹.

Какая история нужна нам после концентрационных лагерей, после массового угона остарбайтеров, после Гулага? В Западной Европе не случайно наблюдается «индивидуализация» истории. Одна из причин этого явления, вероятно, — опыт тоталитаризма. Восприятие истории как однородного, коллективного целого все больше меняется. К сознанию людей прибавился опыт, что общепринятое, как общественные и культурные нормы могут смертельно отказать и повлечь за собой безмерное количество невинных жертв. Одна из задач историков — выявление процессов вовлечения отдельного человека — жертвы или деятеля — в тоталитарные структуры.

Выводы:

Для практической работы с устными источниками, так же, как с автобиографиями, я хотела бы сделать некоторые выводы. Историкам, не привыкшим к правилам «качественной методологии», стоит обращаться к методологическим разработкам других специальностей, в частности социологии. Немецкий социолог Gabriele Rosenthal разработала основные правила проведения нарративного интервью¹⁰ которых в основном придерживаются и ведущие «устные историки», такие, как Александр фон Плато:

— Усвоить техники интервьюирования, с помощью которых минимизируется тематическое и психологическое влияние интервьюера на ход и содержание интервью.

— Вести открытые интервью в ходе которых респонденту принадлежит выбор тем и последовательность их презентации.

⁸ [Kohli-Kunz, 1973]: 16.

⁹ [Kohli-Kunz, 1973]: 18.

¹⁰ Методика нарративного интервью и его анализа описывается в книге: Rosenthal G. *Erlebte und erzählte Lebensgeschichte. Gestalt und Struktur autobiographischer Selbstbeschreibungen*. Frankfurt, 1995. В дальнейшем: [Rosenthal, 1995].

– Анализировать тексты не только на уровне фактических событий или обстоятельств. Центральный вопрос анализа: в каком смысловом контексте респондент видит данное событие, какое значение **для него** имеет одно или другое сообщение.

– Иметь в виду, что рассказ о жизни является конструктом, и пытаться понимать, по каким правилам он был создан.

– Воспринимать несовпадения или явные «ошибки» как дополнительные указания на действительность и восприятие респондента.

– Усматривать общественный, дискурсивный, семейный и личный контекст сказанного в интервью.

– Рассматривать интервью как единое целое и рассматривать каждую часть именно по отношению к целому¹¹.

Непосредственный контакт со свидетелями открывает историкам шанс увидеть относительный характер исторических знаний. Это несет в себе отчасти потерю абсолютности фактического знания, на которое претендовали большинство историков XIX и XX веков. В переживающих в настоящий момент серьезную трансформацию обществах, таких, как Россия и, отчасти, Германия, это может привести к острому ощущению потери влияния историков и борьбе за право овладеть прошлым и оставить на нем собственный отпечаток.

С другой стороны, при условии отказа от строгого позитивизма, историкам может открываться новое пространство в исследованиях. Вопросы о менталитете, о настроениях, о взаимодействии отдельных людей и общих исторических явлениях могут оказаться в центре их внимания. Наконец, можно поставить вопросы по-новому. Итак, спрашивать, не какое значение имел определенный человек для хода общей истории, а какое значение имело переживание определенного прошлого для отдельных людей и как оно повлияло на их систему ценностей и восприятия. К.Вишерманн характеризует эту тенденцию как перемену парадигмы, в результате которой не человека приписывают «коллективному прошлому, но, наоборот, прошлое – отдельному человеку»¹².

В нашей работе со свидетелями мы должны решить, какого рода информацию мы хотели бы получать: если интересоваться только фактическими обстоятельствами прошлой жизни, нам придется рассчитывать на подсознательные процессы, которые и в прошлом, и в настоящее время определяют воспоминание и рассказ наших свидетелей. Эти процессы нередко мешают работать тем историкам, которые дословно воспринимают рассказы очевидцев, что приводит к тому, что воспоми-

¹¹ [Rosenthal, 1995]: 208.

¹² Wischermann C. «Geschichte als Wissen, Gedächtnis oder Erinnerung? Bedeutsamkeit und Sinnlosigkeit in Vergangenheitskonzeptionen der Wissenschaften vom Menschen» // Wischermann C. (Hrsg.) Die Legitimität der Erinnerung und die Geschichtswissenschaft. Stuttgart, 1996. S.80. В дальнейшем: [Wischermann, 1996].

нения как источники не воспринимаются всерьез многими исследователями.

Если же, наоборот, ставить в центр исследования вопросы, касающиеся восприятия прошлого, и понимать его как результат исторических, общественных и индивидуальных процессов, открывается возможность выявить значение прошлого для настоящего, определить значение политических и правовых решений в жизни людей и общества в настоящее время. Работа историков, таким образом, могла бы приобрести новый смысл, а именно: научиться воспринимать историю в качестве инструмента выявления «забытых и вытесненных из сознания» ее частей. Историки могли бы помочь увидеть «бессмысленные повторения» неосмысленной истории¹³.

¹³ [Wischermann, 1996]: 74.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
<i>Вениамин Иофе. Реабилитация как историческая проблема</i>	6
<i>Александр Даниэль. Концепция реабилитации в контексте политического развития конца 1980-х – начала 1990-х</i>	10
<i>Роберт Шперфельд. Освещение коммунистического прошлого Восточной Германии и реабилитация жертв политических репрессий ГДР</i>	19
<i>Игорь Сажин. Льготы репрессированных по исследованию правовой группы Международного «Мемориала». Тезисы доклада</i>	28
<i>Юрий Гаврюсов. Законодательное разрешение последствий тоталитарного режима в Российской Федерации</i>	31
<i>Владислава Вычугжанина. Отношение местной власти к бывшим заключенным в 1940-е – 1950-е годы на примере города Ухты</i>	36
<i>Доминик Майер. Преодоление последствий тоталитарного прошлого. Реабилитация жертв тоталитаризма. Критическое осмысление истории ГДР. Преодоление последствий «второй германской диктатуры»: первые итоги</i>	41
<i>Ирина Флиге. После закона о реабилитации: трансформация общественного сознания</i>	55
<i>Федор Люшенко. Памятники жертвам политических репрессий советского государства на территории Республики Коми</i>	62

<i>Михаил Рогачев. Мемориальная работа в Республике Коми</i>	72
<i>Станислав Микке. О значении эксгумации и могил для памяти жертв</i>	75
<i>Сергей Кропачев. Книга памяти жертв политических репрессий Краснодарского края: история создания</i>	82
<i>Роман Владислав Бар. Опыт Общества боровичан в увековечивании памяти солдат Армии Крайовой – заключенных лагеря №270</i>	88
<i>И.Ю.Моисеева. Представление темы «История политических репрессий» в Национальном музее Республики Коми. Опыт и перспективы</i>	95
<i>Сергей Шевырин. Уроки истории в музее Гулага. Из опыта работы Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36»</i>	102
<i>Евгения Зеленская. Выставка плакатов «Ухта. 1929–1956 гг.»*</i>	105
<i>Татьяна Афанасьева. Опыт создания лагерной экспозиции</i>	108
<i>Антон Беловол. История строительства города Ухты Республики Коми в 1930-е – 1950-е годы в фондах музея Ухтинского государственного технического университета</i>	113
<i>Ирина Котылева. «1000 писем о войне и мире»: Первые шаги к созданию и опыт представления CD-проекта в российском и европейском обществе</i>	118
<i>Андреа Земсков-Цюге. Воспоминание, рассказ и «историческая правда»: Что мы можем узнать из устных источников?</i>	123

Санкт-Петербургский НИЦ «Мемориал»
Фонд «Покаяние» (Сыктывкар)
Сыктывкарская общественная организация «Мемориал»
Коми Республиканская Академия государственной службы и управления
Национальный музей Республики Коми
Фонд Конрада Аденауэра (Германия)

**Мир после Гулага:
реабилитация и культура памяти**

Международные чтения памяти В.В.Иофе
18–19 апреля 2003
Сборник докладов

Научный редактор **И.Флиге**
Редактор **Е.Русакова**
Художник **А.Ходот**
Корректор **В.Гольева**
Фото **Т.Косинова**

НИЦ «Мемориал»
Издательство «Норд-Вест»

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул. Рубинштейна 23, оф. 103
Издательство «Норд-Вест»: Санкт-Петербург, 191002, а/я 4

Сдано в набор 14.12.2003. Подписано к печати 16.02.2004.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № К-6008

Отпечатано в типографии ООО «Комплекс»
Санкт-Петербург, 199053, наб.Макарова, 22